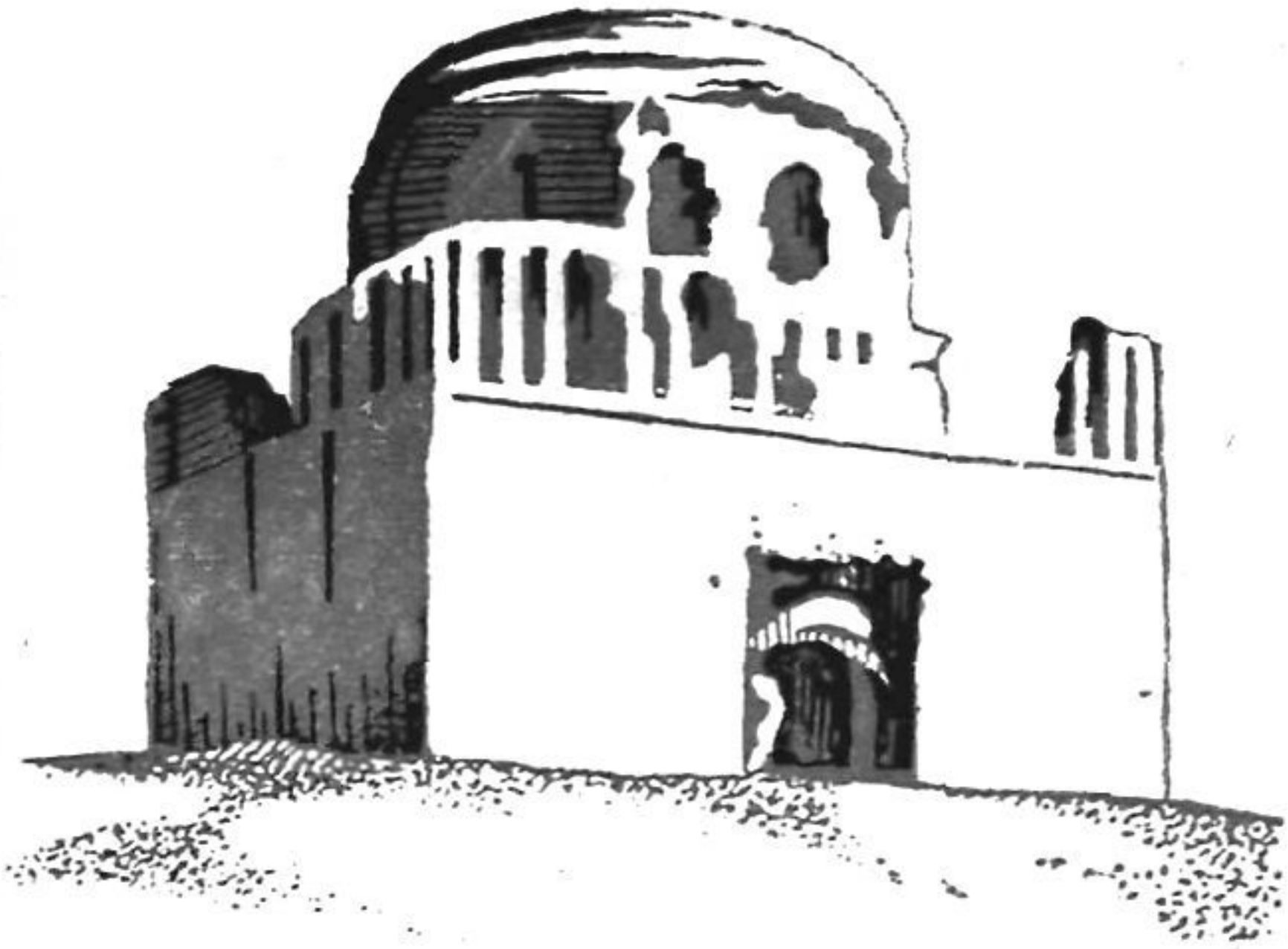
А. Росляков

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА

(ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ)

ТУРКМЕНГОСИЗДАТ
Ашхабад — 1956

А. А. РОСЛЯКОВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА

(До присоединения к России)

ТУРКМЕНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ашхабад—1956

ОТ АВТОРА

Историки Туркменистана упорно работают над двухтомником «История ТССР», который будет завершен и издан в ближайшие годы. Однако, преподаватели, студенты и научные работники разных специальностей, в первую очередь литературоведы и языковеды, остро нуждаются уже сейчас хотя бы в кратком изложении истории Туркменистана и туркменского народа. Имеющиеся общие труды по истории Туркменистана слишком устарели и не отвечают современным требованиям. Поэтому автор решается предложить вниманию читателей данный краткий очерк, отлично сознавая его многочисленные недостатки, обусловленные отчасти краткостью изложения, главным же образом недостаточной разработанностью многих проблем истории Туркменистана.

Основное место в работе уделено истории туркмен и их предков. Однако, история туркменского народа так тесно переплетена с историей других народов Средней Азии, что ограничиться изложением событий, происходивших на территории, заселенной туркменами, было бы в ряде случаев неправильно и невозможно.

Автор будет благодарен за все критические замечания. Они будут использованы при дальнейшей работе над двухтомной «Историей ТССР».

«*У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории* **общее** соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части».

К. Маркс.

«Первое условие земледелия здесь— это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства».

Ф. Энгельс.

ВВЕДЕНИЕ

Географическая среда

Марксистская теория учит, что географическая среда не может служить главной причиной, *определяющей* причиной общественного развития, но эта среда бесспорно является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества,— она ускоряет или замедляет ход развития общества особенно на ранних его ступенях.

Географические особенности Туркменистана оказали серьезное влияние на историческое развитие его населения.

Бо́льшая часть Туркменистана представляет песчаную и глинистую равнину с бедной растительностью. Лишь с юга ее ограждает хребет Копет-Даг, а в северо-западном Туркменистане расположен ряд невысоких горных систем — Большие и Малые Балханы, Красноводское плато, Чанак. Холмистые районы — Бадхыз и Карабиль — лежат и в юго-восточном Туркменистане. С запада Туркменистан омывается Каспийским морем, но это побережье представляет безводную пустынную страну, резко отличающуюся от западного и южного берегов Каспийского моря.

Равнины Туркменистана почти лишены поверхностных вод. Аму-Дарья (в древности она называлась также Окс, а в средние века — Джейхун) прорезает восточный Туркменистан, образуя узкую пойму среди песков, да развитую дельту в Хорезме. В доисторическое время и в XIII-XVI вв. один из ее рукавов обводнял также Дарьялык и Сарыкамышскую впадину[1]. Большое значение для орошения имел Мургаб и меньшее — Теджен (Арий,[2] Герируд), значительная часть воды которого разбиралась в верховьях. В предгорьях Копет-Дага имеется несколько речек и ручьев, на Больших Балханах — несколько небольших источников. На всей остальной территории вода имеется только в колодцах и каках (ямы для сбора дождевой воды).

Климат Туркменистана пустынный, континентальный. Осадков мало (100—150 мм в год), лето продолжительное и жаркое, зима короткая, но довольно суровая. Сухой климат позволяет заниматься земледелием, как правило, лишь при наличии искусственного орошения. Некоторое значение имеет так называемое каирное земледелие — посевы на влажных землях в пойме рек или в низинах, увлажненных весенними дождевыми потоками и талыми водами.

Конечно, воды Аму-Дарьи с избытком хватило бы для орошения огромных массивов земель, пригодных для земледелия, на территории Туркменистана. Но обуздание этой могучей бурной реки было не под силу человеку древности и средневековья. На дело орошения использовалось не более 10 % водных ресурсов Аму-Дарьи. Даже эту ничтожную долю амударьинской воды удавалось взять лишь с огромным трудом: капризная река, несущая большое количество ила, разрушала головные сооружения каналов, затягивала их илом, а порой меняла русло, затопляла населенные районы, снося селения и превращая возделанные поля в болота и озера. Недаром туркменский народ прозвал эту реку «Дэли-Джейхун» («сумасшедший Джейхун»).

«В древнейшую эпоху,— пишет И. В. Сталин,— разлив больших рек, наводнения, уничтожение в связи с этим жилищ и посевов считались неотвратимым бедствием, против которого люди были бессильны. Однако с течением времени, с развитием человеческих знаний, когда лю-

ди научились строить плотины и гидростанции, оказалось возможным отвратить от общества бедствия наводнений, казавшиеся раньше неотвратимыми. Более того, люди научились обуздывать разрушительные силы природы. так сказать оседлать их, обратить силу воды на пользу общества и использовать ее для орошения полей, для получения энергии». (И. В. Сталин. «Экономические проблемы социализма в СССР». 1952, стр. 4—5).

Так обстояло дело с Аму-Дарьей. Лишь в эпоху социализма создалась возможность путем сооружения Южно-Каракумского канала и других крупных ирригационных сооружений использовать на пользу общества значительную часть амударьинской воды. Над осуществлением этой благородной задачи и трудятся сейчас советские люди.

Территория Туркменистана в прошлом делилась на две зоны—земледельческую (меньшая часть) и скотоводческую (большая часть). Взаимоотношения между земледельцами и скотоводами играли серьезную роль в истории туркменского народа как в древности, так и в средние века.

К земледельческим районам относятся следующие:

1. Дехистан (Дахистан) — степь севернее реки Атрек. Он имеет хорошие почвы, но требует наличия сложной ирригационной системы. После монгольского нашествия он постепенно превратился в безводную степь с редким кочевым населением.

2. Ахал (Парфиена, область Нисы) и Атек (Апаварктикена, Хаверан). Узкая полоса вдоль Копет-Дага, орошенная мелкими ручьями. Атек более богат, т. к. имеет лучшие почвы[3] и больше воды.

3. Теджено-Серахский район. В прошлом был мало удобен для земледелия, т. к. река Теджен летом почти пересыхает. В древности и в средние века особенно густо был заселен район Серахса. Наряду с земледелием жители занимались скотоводством.

4. Мургабский оазис. Наиболее богатый земледельческий район Туркменистана с хорошей аллювиальной почвой и относительно большим количеством воды. Но для использования воды Мургаба нужна сложная система плотин и каналов.

5. Долина средней Аму-Дарьи мало пригодна для земледелия, т. к. удобной земли мало, а использовать воды Аму-Дарьи для орошения очень трудно.

6. Северо-западная часть Хорезмского оазиса. Имеет хорошие почвы, но вода большей частью разбирается в головной части каналов и в западную (туркменскую) часть оазиса попадает мало. Все же здесь издавна создалось развитое земледелие.

7. Земледелие по Дарьялыку, Сарыкамышу и Келифскому Узбою[4] было возможно лишь в периоды обводнения их.

8. На Балханах, а особенно в Бадхызе и на высотах Карабиль возможно главным образом богарное земледелие, как подсобная отрасль хозяйства при скотоводстве. Некоторое значение имели балханские источники, использовавшиеся для орошения небольших полей.[5]

К скотоводческим районам относятся следующие:

1. Большие Балханы, Красноводское плато, Чанак и примыкающие к ним Усть-Урт и Мангышлак.

2. Северные и Центральные Кара-Кумы. Они использовались больше для отгонного скотоводства, чем для кочевого.

3. Бадхыз, Серахс, высоты Карабиль и Юго-восточные Кара-Кумы.

Таким образом, скотоводческие и земледельческие районы лежат чересполосно. Это способствовало перемешиванию их населения, развитию полукочевых форм хозяйства, быта и сочетанию земледелия с отгонным скотоводством. Бывало, что разорительные войны обращали земледельческие районы (Дехистан, отчасти Мары) в пустыню, которую заселяли кочевники-скотоводы.

Сочетание огромных безводных пустынь и редких оазисов наложило в прошлом серьезный отпечаток и на хозяйство, и на особенности социального строя, и на ход политической истории Туркменистана.

Основными занятиями населения Туркменистана с IV-III тысячелетий до н. э. до конца XIX в. н. э. было поливное земледелие для одной его части и полукочевое или кочевое скотоводство для другой. Степные скотоводческие племена развивались медленнее и, как правило, играли тормозящую роль по отношению к своим соседям земледельцам (кроме некоторых исторических момен-

тов). В то же время ополчения степных скотоводческих племен обычно представляли решающую военную силу на территории Туркменистана вплоть до присоединения его к России.

Происхождение туркменского народа

В наше время советская историческая наука успешно разрешила многие сложные вопросы этногенеза и, в частности, определила разные типы общностей людей, соответствующие различным общественно-экономическим формациям. Роды и племена характерны для первобытно-общинного строя, народности — для ранне-классовых социально-экономических формаций — рабовладельческой и феодальной, буржуазные нации — для капитализма, социалистические нации — для социализма. При этом в некоторых случаях даже в условиях господства рабовладельческих и феодальных отношений, особенно среди кочевого и полукочевого населения, занимающегося преимущественно скотоводством, долго сохраняются старинные племенные и родовые деления, что обусловлено крайней отсталостью производства у этой части населения — господством экстенсивного кочевого и полукочевого скотоводства.

Советская наука, бесспорно, установила факт складывания современных народностей и наций из людей различных рас и племен. «Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен». (И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 293). Так обстояло дело и с народностями, в том числе и с туркменской народностью.

Древнейшими предками современных туркмен были дахомассагетские[6] скотоводческие племена Средней Азии, населявшие нынешние Кара-Кумы, Кизыл-Кумы, пересекающие их долины рек и, вероятно, Усть-Урт. Проникновение части этих племен в Прикопетдагский район привело к ассимиляции ими коренного земледельческого населения предгорий (носителей культуры крашеной керамики), что в обстановке складывания рабовладельческих

отношений привело к формированию парфянской народности, также входившей в число предков туркмен. Впрочем, подобный процесс ассимиляции земледельческих племен оседающими степняками не ограничился предгорьями Копет-Дага. Он имел место и в других областях Туркменистана, например, в Хорезме, где в древности сложилась хорезмская народность.

Крупные миграции степных племен в III—I вв. до н. э. усилили это сближение и скрещивание земледельческого и скотоводческого населения Средней Азии. Одновременно начинается проникновение в Среднюю Азию с северо-востока монголоидных тюркоязычных племен Центральной Азии (гунны и др.), которые смешиваются с европеоидными по антропологическому типу коренными племенами и народностями Средней Азии, говорившими на языках индоевропейской семьи.

В первом тысячелетии н. э .в Южном и Северном Туркменистане этногенетические процессы идут различно. Северные скотоводческие племена (аланы, эфталиты*) испытывают все более сильное влияние тюркских племен, воспринимают постепенно тюркский язык. Этот процесс особенно усилился в связи с тюркскими завоеваниями VI—VIII вв. и в основном завершился в VIII—X вв. созданием западно-огузских племен и группировок, говоривших на языках тюркской семьи, но ассимилировавших массу автохтонного коренного населения Приаральских степей. Часть степных племен проникает и на юг, в районы Бадхыза, Дехистана и Гузгана. Южные земледельческие племена и народности сохраняют в большей степени европеоидный облик и вырабатывают (наряду с населением некоторых соседних земледельческих областей Средней Азии) старотаджикский язык. Так складываются две основные этнические группы средневекового Туркменистана — тюркоязычные огузы и таджикоязычные хорасанцы. В X в. некоторые степные тюркоязычные племена, живущие на границах земледельческой полосы или в глубине ее, среди таджикоязычного земледельческого населения, начинают называться туркменами[7]. Происхождение этого названия в настоящее время не выяснено.

---

* Эфталиты и аланы были в значительной мере потомками дахо-массагетских племен.

Проникновение огузов в Южный Туркменистан началось в VI—VII вв.[8], что резко усилилось в первой половине XI в. в связи с сельджукским вторжением. В конце XI в. Махмуд Кашгарский говорит о перемешивании огузов с «персами» и о проникновении в язык огузов множества с «персидских» (фактически таджикских) слов[9]. Так началось формирование современного туркменского народа, основными предками которого являются огузы и хорасанские таджики, точнее часть последних, населявшая земледельческие районы нынешнего Южного Туркменистана. Известная роль в этногенезе туркмен принадлежит и хорезмийцам, тюркизация которых завершилась к XII—XIII вв.

Слияние северохорасанских таджиков и части хорезмийцев с огузами в одну народность облегчалось тем, что у оседлого и кочевого населения на территории Туркменистана имелась известная общность в прошлом: в этногенезе этих народов большую роль играли дахо-массагетские племена древности. Этот процесс слияния усилился в XII в. в связи с новым массовым оседанием степняков (огузы, санджари, языры) в Южном Туркменистане[10]. Но данных о том, что таджики, более многочисленные и передовые в экономическом и культурном отношениях, приняли в XI—XII вв. язык и культуру огузов, нет.

Однако монгольское завоевание значительно изменило условия формирования туркменской народности. Особенно сильно пострадало от завоевателей земледельческое и городское население. Города Туркменистана были разорены. Многие ирригационные сооружения разрушены. *Всей древней земледельческой культуре был нанесен* жестокий удар. На первый план в экономике выдвигается кочевое и полукочевое скотоводство, а в этногенезе-тюркоязычные степные племена, к которым переходит ведущая роль. Эти племена, а также тюркоязычная часть оседлого населения в XIII—XV вв. получают общее имя туркмен. Остатки древнего земледельческого населения в Туркменистане постепенно ассимилируются туркменами.

Завершение процесса формирования туркменской народности относится к XIV—XV вв., когда в основном произошло слияние в одну массу осевших степных племен

(языров, огузов) и хорасанских таджиков в Южном Туркменистане и когда на севере из осколков древних огузских и других степных племен (аланы, кипчаки и др.), а также части хорезмийцев сложились новые **«племена,** организованные по территориальному признаку» (по выражению Маркса. Формы, предшествующие капиталистическому производству, ГИПЛ, 1940,стр. 12), сохранявшие свои имена до недавнего прошлого. Несомненно, что южнотуркменские «племена» (фактически — территориальные оседлые и полуоседлые группировки), в которых было много таджикского элемента, отличались от северотуркменских «племен» (фактически — смешанных кочевых и полукочевых территориальных группировок) по антропологическому типу, языку и быту. Можно поэтому предположить существование в ту пору двух ветвей туркменской народности — северной и южной.

В XIV—XV вв. складывается, очевидно, единый туркменский язык[10] (включивший, несомненно, ряд территориальных диалектов и местных говоров). Его основой стал огузский язык, обогащенный множеством корней старотаджикского и других языков коренного населения Средней Азии*.

С XVI в. северотуркменские племена (ёмут, теке, эрсари, салыр, сарык и др.) начинают постепенно передвигаться на юг. Они заселяют Южный Туркменистан, частично вытесняя, подчиняя или инкорпорируя южнотуркменские племена (языр, алили, емрели, баят и др.) и различные местные сословные и территориальные группировки (меджеур, махтум, ходжа, ших, мехинли, нохурли, мурчали и др.), которые в условиях патриархально-феодальных отношений также стали рассматриваться как особые племена. Эти процессы подчинения и инкорпорации приводят к тому, что таджико-хорасанские элементы широко проникают и в северотуркменские племена.

---

* Автор вынужден ограничиться в этом вопросе гипотезой ввиду крайне слабой изученности истории туркменского языка. Не ясно, в частности, существовал ли единый огузский язык или (что представляется более вероятным) правильнее говорить о нескольких племенных огузских языках, так как огузские племена, видимо, не успели сложиться в народность.[11]

Господство патриархально-феодальных отношений не позволило туркменской народности консолидироваться в нацию, хотя некоторые элементы нации (общность языка, территории и психического склада, проявляющегося в общности культуры) начали складываться у туркмен еще до присоединения Туркменистана к России.

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА

Наиболее ранним типом производственных отношений был первобытно-общинный строй. При этом строе основой производственных отношений является общинная собственность на средства производства. Общинная собственность в этот период соответствовала характеру производительных сил. Человек располагал лишь самыми примитивными, главным образом, каменными орудиями, исключавшими возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Трудовая деятельность людей (охота, сбор съедобных растений и т. п.) основывалась на простом сотрудничестве (простой кооперации) в рамках небольшой группы, численностью в несколько десятков человек. Средства и продукты производства находились в общей собственности такой группы. Продукты общего труда распределялись поровну между членами группы. При таких условиях в первобытном обществе не могло быть классов и эксплуатации человека человеком. Эпоха, в период которой главным материалом для выделки орудий был камень, называется каменным веком. Каменный век длился несколько сотен тысяч лет. За это время человеческое общество не оставалось неизменным. Первобытные стада древнейших людей, еще не полностью вышедших из полуживотного состояния, сменились общинами, основанными на родовом принципе. Изолированные родовые общины постепенно объединились в племена. От грубых каменных орудий люди перешли к луку и стрелам, научились плавить металлы. От охоты и собирательства они стали переходить к скотоводству и земледелию. С

появлением металлических орудий, с переходом к скотоводству и земледелию в связи с общим ростом производительности труда появляется индивидуальное хозяйство, частная собственность, имущественное неравенство, патриархальное рабство. Бесклассовый первобытно-общинный строй сменяется рабовладельческим — классовым эксплуататорским строем.

Уже давно было высказано предположение, что Туркменистан входил в зону, где совершалось превращение обезьяны в человека[12]. Это предположение нашло известное подтверждение в находках на побережье Каспийского моря грубых каменных орудий раннепалеолитического (ашельского) типа[13], относящихся к периоду 500—200 тыс. лет до н. э. В настоящее время не подлежит сомнению, что на территории Западного Туркменистана некогда жили первобытные стада обезьянолюдей и первоначальные родовые общины древних людей (неандертальцев). Весьма вероятно, что эти древнейшие люди жили и на склонах Копет-Дага. Однако, туркменский палеолит изучен еще очень слабо.

В Западном Туркменистане обнаружены также среднепалеолитические каменные орудия мустьерского типа — кремневые остроконечники крупных размеров и более поздние орудия верхнепалеолитического периода — кремневые скребки, ножевидные пластинки и т. п.[14].

Работы ЮТАКЭ в Западном Туркменистане дали много материала по туркменскому мезолиту. Судя по форме орудий, Туркменистан в эту пору (от 12 до 7 тыс. лет назад) входил в зону распространения капсийской культуры[15], характерной для Средиземноморья и Передней Азии. Обитатели Балхан и побережья Каспийского моря занимались рыболовством, охотой и сбором съедобных растений, в том числе дикорастущих злаков, из чего позднее выросло первобытное земледелие на плато Дюнеш-Кала, Геркез-Даг и др. Эти охотники и собиратели жили, очевидно, небольшими бродячими ордами и находились на стадии раннего матриархата. Они не имели постоянных жилищ[16]. Остатки их временных стоянок встречаются обычно недалеко от горных источников и ручьев. Здесь люди подстерегали животных, приходивших на водопой, изготовляли свои несложные грубые орудия и украшения.

Позднее, в эпоху неолита, обитатели степей и гор Западного Туркменистана оставались бродячими охотниками и собирателями, но их производительные силы непрерывно развивались, подготовляя переход к земледелию и скотоводству. Обследованные советскими археологами пещеры Дам-Дам-Чешме и Джебельский грот показали, что в эпоху неолита здесь широко распространяются лук и стрелы, появляются первые зернотерки — плоские камни, на которых зерна растирались в муку, зарождается искусство изготовления грубой глиняной посуды[17].

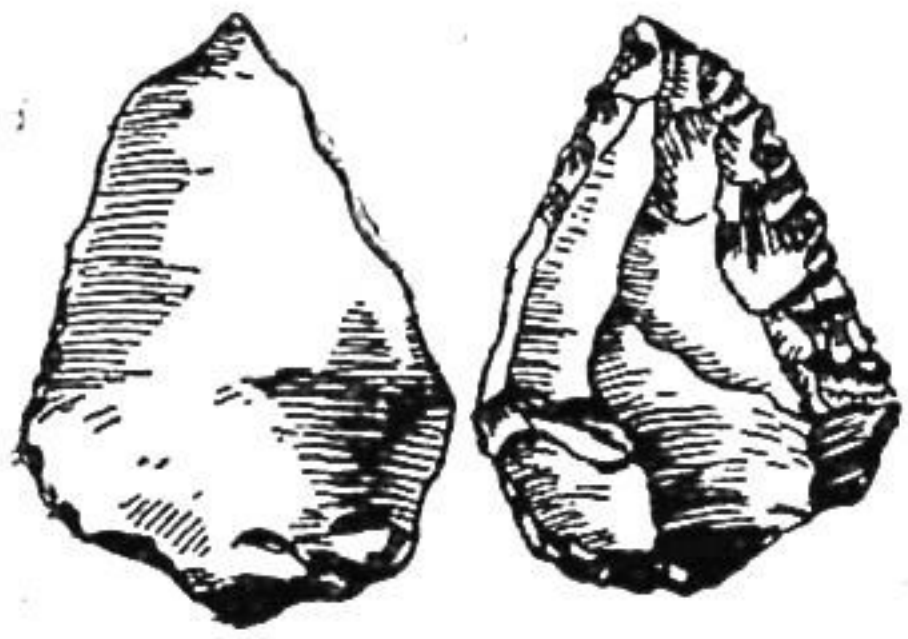

Рис. 1.
Каменные орудия периода среднего палеолита из Западного Туркменистана (ЮТАКЭ)

Эти памятники относятся, очевидно, к IV—III тысячелетиям до н. э. Недалеко от ст. Кайлю проф. Окладниковым обнаружен могильник неолитического времени. Покойники клались на спину, головой на северо-запад и окрашивались охрой. В могилах обнаружены кремневые орудия и бусы из камня и морских раковин[18].

Вероятно, что в это время такое население было на большей части территории Туркменистана. Во всяком случае, неолитическая, кельтеминарская культура Хсрезма (IV—III тысячелетиях до н. э.) оказываются тесно связанными с балханским мезолитом. Кельтеминарская культура[19], открытая С. П. Толстовым, была создана охотничье-рыболовецкими племенами низовьев Аму-Дарьи, которые жили матриархально-родовыми общинами, причем, видимо, перешли к парному браку. Они строили огромные, до 30 метров в поперечнике, шалаши из жердей и ка-

мыша, изготовляли грубую глиняную посуду, наконечники стрел и другие кремневые и костяные орудия. В центре шалаша горел большой костер, очевидно, священный неугасаемый огонь. Основным занятием кельтеминарцев была ловля рыбы в болотистых протоках дельты Аму-Дарьи. Среди огромного количества костей рыб, обнаруженных вблизи жилища кельтеминарцев, найдены кости щуки, сазана, сома, жереха и ряда других рыб, встречающихся в Аму-Дарье и в настоящее время[20].

Еще в эпоху каменного века возник обмен между племенами, жившими на территории Туркменистана, и с населением соседних областей. Об этом говорит уникальная «ювелирная мастерская», обнаруженная А. П. Окладниковым, в которой люди эпохи каменного века в большом количестве, явно превышающем потребности одной общины, изготовляли бусы из морских раковин[21]. Об этом же говорят факты нахождения в кельтеминарских стоянках Хорезма раковин с побережья Индийского океана, а в Сибири — поделок из раковин, встречающихся лишь в устьях Аму-Дарьи[22].

Развитие древнейшего населения Туркменистана шло неравномерно. В V—IV тысячелетиях до н. э. передовые племена юга перешли к первобытному земледелию в местах застаивания вод мелких речек и ручьев Копет-Дага.

В V тысячелетии до н. э. в низовьях горных ручьев, на границе песков возникают первые оседлые поселения земледельцев[23]. Они снимали кремневыми серпами жатву со своих посевов на каирных землях, приручили овцу и собаку.

Переход к земледелию, как к основному занятию, и зарождение скотоводства обусловили особенно быстрое развитие прикопетдагских племен во всех областях производства и быта. К IV тысячелетию до н. э. относится появление так называемой культуры Анау, получившей свое название по аулу Анау (13 км восточнее Ашхабада). Здесь впервые были обна-

Рис. 2.
Кремневый вкладыш для серпа (ЮТАКЭ)

ружены развалины поселения первобытных земледельцев Южного Туркменистана. Эти люди жили в больших многокомнатных домах, построенных из прямоугольного сырцового кирпича. На примитивных каменных зернотерках они приготовляли ячменную муку, лепили вручную грубую крашеную («анаускую») глиняную посуду. Помимо земледелия эти племена занимались скотоводством — разводили лошадей, коров, коз, овец и свиней. Значительных успехов они достигли также в развитии ремесла. По словам проф. Б. А. Куфтина, «...мы имеем дело с племенами, обладавшими орудиями из металла, знавшими всех домашних животных и умевшими несомненно, пользоваться животной тягловой силой, строившими многокамерные родоплеменные дома-массивы из сырцового кирпича стандартных размеров и овладевшими техникой многокрасочной росписи стен»[24]. В III тысячелетии до н. э. у анаусцев существовал обмен с северными и южными соседями. Это подтверждают обнаруженные в курганах Анау бусы из лазурита и сердолика, явно не местного происхождения.

В III и начале II тысячелетия до н. э. эта земледельческая культура переживает свой расцвет. Широко распространяется бронза, постепенно вытесняющая кремневые орудия, развивается поливное земледелие и ремесло (появляется гончарный круг). Развитие скотоводства позволило не позднее III тысячелетия до н. э. перейти к плужному земледелию. С развитием производительных сил матриархально-родовой строй сменяется патриархально-родовым строем, а также неизбежно должны были возникнуть частная собственность и имущественное неравенство.

Вдоль гор, особенно в Атеке, создается цепь крупных поселений, достигающих иногда площади в 20-25 га с толщиной культурных слоев в 18-20 м (Алтын-депе, Яссы-депе, Намазга-депе, Говуч-депе и др.) Они имели многотысячное население, что говорит о высокой ступени общественной организации. Во второй половине II тысячелетия до н. э. возникают крупные поселения в Дехистане, где создается система больших каналов, выведенных из Атрека. И здесь основным типом жилого строения был многокомнатный родовой дом-массив (Изат-кули и др.)[25]. В этот период складывается культурное единство всей подгорной полосы центрального Копет-Дага. Мате-

риальная культура Прикопетдагской полосы имеет ряд общих черт с древнейшими земледельческими культурами северо-западной Индии, Ирана и южной Месопотамии (Шумер).

Вопрос об общественном строе населения Прикопетдагской полосы и Дехистана в этот период является спорным. Археолог А. А. Марущенко[26] считает, что рабовладельческое общество и государство в Южном Туркменистане складывается уже во II тысячелетии до н. э., но Б. А. Куфтин решительно утверждает, что «археологические исследования памятников «анаускогo» типа полностью исключают возможность подобного взгляда»[27]. Можно все же предположить, судя по уровню развития производительных сил, что уже во II тысячелетии до н. э. на юге современного Туркменистана действительно возникает рабство и местами зарождается примитивная государственная организация типа ацтекской[28] или древнейшей шумерской[29].

Несомненно, что разложение первобытно-общинного строя, развитие частной собственности, имущественного неравенства, зарождение классов и государства происходили не мирно, а в обстановке ожесточенной борьбы между старыми, отживающими и новыми, передовыми силами общества. Однако, бедность исторических источников не позволяет нам в данное время выяснить какие-либо конкретные факты этой борьбы на территории Туркменистана.

Северные степные племена значительно отставали от передовых земледельческих племен предгорьев Копет-Дага. Во II тысячелетии до н. э. у степняков развивается скотоводство, распространяются бронзовые орудия и складывается культура, близкая к андроновской культуре Южной Сибири[30]. К середине II тысячелетия до н. э. С. П. Толстов относит переход хорезмских племен на стадию военной демократии, сопровождаемой образованием крупных военных союзов племен[31].

Земледельцы юга и скотоводы севера не были изолированы друг от друга. Земледельцы осваивали постепенно долины Мургаба и Аму-Дарьи, что сказалось в факте проникновения крашеной («анаускоЙ») керамики в Хорезм[32]. С другой стороны степные скотоводческие племена продвигаются на юг, захватывая плодородные земли в

полосе предгорий. Позднейшие античные авторы сохранили данные о переселении на юг дахов и парфян[33], очевидно, подчинивших и ассимилировавших коренное земледельческое население. О связях парфян с северными степными, «скифскими» племенами говорит косвенно и археологический материал[34].

Эти вторжения, начавшиеся еще во II тысячелетии до н. э., задерживали развитие земледельческих областей. В частности, были разгромлены и постепенно захирели громадные поселения Ахала, а затем и Атека; вероятен временный упадок земледелия и городов, ликвидация древнейших государств, уничтоженных отсталыми степными племенами. Но этот упадок не мог быть продолжительным, т. к. завоеватели в свою очередь осели на землю и освоили технику и производственные навыки покоренных земледельческих племен.

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЙ СТРОЙ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ПОЛОСЕ ТУРКМЕНИСТАНА. РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ У СТЕПНЫХ СКОТОВОДЧЕСКИХ ПЛЕМЕН.

(I тысячелетие до н. э.—V в. н. э.)

Значительная неравномерность развития земледельческого населения предгорий и речных долин, с одной стороны, и скотоводческих степных племен, с другой, продолжала оставаться характерной чертой истории Туркменистана в I тысячелетии до н. э. и в первых веках нашей эры. В то время, как в земледельческих областях установился рабовладельческий строй, степные племена, несмотря на возникновение патриархального рабства, еще не полностью вышли из первобытно-общинного строя.

Рабовладельческий способ производства возник благодаря *росту производительных сил* — *распространению* металлических орудий, развитию земледелия, скотоводства и ремесла, разделению труда между этими отраслями производства, возникновению товарного производства, развитию обмена. На основе общего роста производительности труда появляется прибавочный продукт, развивается частная собственность на средства производства, в том числе на землю; средства производства сосредотачиваются в руках меньшинства, которое подчиняет и эксплуатирует трудящееся большинство общества. Основу рабовладельческого способа производства составляет собственность рабовладельца на средства производства, *а также на работника производства* — раба. «Рабство есть

первая и наиболее грубая форма эксплуатации человека человеком. Раб был полной и неограниченной собственностью своего господина. Рабовладелец по своему произволу распоряжался не только трудом раба, но и его жизнью». (Политическая экономия. Госполитиздат, М., 1954, стр. 37). Развитие рабства вызвало возникновение ожесточенной классовой борьбы между богатыми рабовладельцами, с одной стороны, рабами и разоряющейся свободной беднотой — с другой. Возникновение классов и классовой борьбы вызвало появление государства.

Рабовладельческий способ производства вызвал рост производительных сил общества по сравнению с первобытно-общинным строем. На почве рабства выросла сравнительно высокая культура.

И.В. Сталин отмечал, что появление рабовладельческого строя в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя было вполне понятным и закономерным явлением, т. к. рабовладельческий строй означал шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем. (Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 579).

На то, что рабовладение, при всей своей жестокости и дикости, было прогрессивным явлением по сравнению с отжившим первобытно-общинным строем указывал и Ф. Энгельс: «...пока человеческий труд был еще так мало производителен, что давал только ничтожный излишек над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение сношений, развитие государства и права, создание искусства и наук — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также наукой и искусством. Простейшей, совершенно стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было именно рабство». (Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, 1950, стр. 170).

Поэтому переход к рабовладельческому строю на территории Туркменистана также ознаменовался значительным подъемом экономики и культуры. Сооружаются большие каналы, возникают укрепленные города, создаются государства. На основе развития производительных

сил укрепляются экономические и культурные сношения между областями, разрушается прежняя родоплеменная замкнутость, возникают древнейшие народности. Но в дальнейшем труд рабов, совершенно не заинтересованных в результатах производства, изжил себя. Распространение рабского труда, приводившего к разорению свободных крестьян и ремесленников, бесправное положение рабов и чрезмерная эксплуатация их разрушали основную производительную силу общества, рабочую силу. Это предопределило неизбежность гибели рабовладельческого способа производства.

Наиболее полного развития рабовладельческий строй достиг в древней Греции и в Римской империи. На Востоке, в частности, в Средней Азии, в связи с развитием поливного земледелия, как основы хозяйства, медленнее развивалась частная собственность, дольше держалось общинное землевладение и общинное рабовладение[35].

«Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства»,— писал Энгельс Марксу в письме от 6 июня 1853 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. ОГИЗ, 1948, стр. 75). В соответствии с этим и земля на Востоке находилась почти повсеместно не в частной собственности, а в собственности общин, а позднее — государства.

На этой основе выросла древневосточная деспотия, жестоко угнетавшая не только рабов, но и рядовых свободных общинников[36]. Рабы принадлежали не только частным лицам, но также общинам и государству в целом и использовались главным образом на трудоемких земляных и строительных работах — рытье и очистке каналов, постройке плотин, крепостей, храмов и т. п.[37]. Крестьяне, организованные в общины, занимались обработкой земли и домашним ремеслом. Основным видом поселения был маленький город или укрепленная деревня, которые по существу мало чем отличались друг от друга, т. к. население города также занималось и ремеслом и сельским хозяйством. Специалисты-ремесленники (гончары, кузнецы и т.п.) не выделялись из общин. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. 1948, т. I, стр. 308). Маркс отмечал, что сочетание ремесла с сельским хозяйством в рамках мелкой общины составляло важную

черту восточного общества в древности и, вместе с коллективной собственностью на землю, составляло основу восточной деспотии, этого «высшего единства... вознесшегося над мелкими общинами» (Формы, предшествующие капиталистическому производству. ГИПЛ, 1940, стр. 6—7). Эксплуатация свободных крестьян осуществлялась централизованно, путем сбора ренты-налога.

Таким образом, в древневосточном рабовладельческом обществе имелись три класса:

1. Господствующий класс — государственные чиновники и жрецы, получавшие львиную долю ренты-налога с крестьян и распоряжавшиеся трудом рабов, а также общинная аристократия, купцы (обычно действующие от имени и по поручению царя) и ростовщики.

2. Рабы, принадлежавшие отчасти государству, храмам и общинам, отчасти лицам из среды господствующего класса.

3. Рядовые свободные общинники — крестьяне и ремесленники.

Первые два класса являлись основными. Но и третий класс играл колоссальную роль в обществе. Формально этот класс сохранился от первобытно-общинного строя; но фактически, в условиях классового рабовладельческого общества, он в корне изменил свою природу. Из свободных и полноправных работников производства, владеющих землей на основе общинной собственности, крестьяне и ремесленники превратились в класс эксплуатируемый и политически бесправный[38].

«Отсутствие частной земельной собственности, — пишет акад. Струве, — сохранение общинных форм собственности, деспотическая власть царя — все это придает древневосточным обществам застойный характер развития»[39]. С. П. Толстов характеризует общественный строй древнего Хорезма, как общинно-рабовладельческий, который сочетал черты развитого рабовладельческого общества (большое ирригационное строительство, обилие городов, развитое городское ремесло, торговля, монетная система, письменность, высокоразвитая военная организация) с глубоко архаическими чертами общинного строя, (большие общинно-родовые дома-массивы, черты матриархата, родовая и фратриальная организация)[40]. Таков, видимо, был и общественный строй земледельчес-

ких областей Южного Туркменистана до македонского завоевания.

В первой половине I тысячелетия до н. э. земледельческие племена Туркменистана уже консолидировались в парфянскую и хорезмийскую народности, хотя родоплеменная организация у них частично сохранялась.

Хорезмийская народность образовалась из дахо-массагетских племен, живших в низовьях Аму-Дарьи. Парфянская народность образовалась из осевших в районе Копет-Дага степных племен, ассимилировавших коренное земледельческое население — носителей «анауской» культуры. В настоящее время еще не может быть решен вопрос о населении Маргианы — представляло ли оно особую народность или входило в состав парфянской народности.

На территории Туркменистана складывается раннерабовладельческое общество и возникают первые государства. С развитием поливного земледелия и появлением больших каналов центры земледельческой культуры перемещаются в долины больших рек — Мургаба и Аму-Дарьи, где возникают новые крупные земледельческие области — Маргиана и Хорезм, вскоре превратившиеся в важнейшие политические центры. По предположению С. П. Толстова в Хорезме уже в VIII — VII вв. до н. э. возникло государство[41]. К этому времени относится начало создания сети огромных оросительных каналов Хорезма, которая, постепенно развиваясь и совершенствуясь, дожила до наших дней. Маргиана, судя по ее археологическим памятникам, не отставала от Хорезма.

Работы ЮТАКЭ в 1950—1952 гг.[42] показывают, что уже в первой половине I тысячелетия до н. э. в Маргиане имелась развитая арычная сеть, питавшаяся водой из Мургаба. Оазис в ту пору был довольно густо заселен. Поселения древних маргианцев, вытянутые вдоль русла каналов или протоков дельты Мургаба, состояли из довольно больших прямоугольных домов, насчитывавших иногда до 3 и более десятков комнат. На развалинах поселений обнаружено большое количество зернотерок, бронзовых наконечников, стрел и других мелких изделий из бронзы, разнообразная керамика, каменные бусы, ракушки Индийского океана. Существовало развитое керамическое производство и обработка железа. Об этом говорят мно-

гочисленные железные шлаки и крицы. В некоторых поселениях начинают создаваться укрепленные цитадели, но большинство поселений не укреплено. Зато обнаружены большие крепости-убежища (например, Кырк-депе в 17 км северо-западнее Байрам-Али), куда, очевидно, укрывалось окрестное население во время нападений врага[43]. Видимо, еще в этот период возникло крупное поселение на месте нынешнего городища Гяур-Кала — старый Мерв (севернее Байрам-Али).

Степные дахо-массагетские племена с их полупервобытным скотоводческо-земледельческим хозяйством (у некоторых племен все еще преобладали охота и рыболовство), несколько отставали от земледельческого населения предгорий и речных долин. Но и у них мы видим наличие крупных поселений типа городища Изат-кули в Западном Туркменистане или Чирик-Рабата на Сыр-Дарье[44]. Это говорит о создании крупных объединений.

Городище Изат-кули состоит из большого центрального бугра, диаметром около 400 м, окруженного двумя десятками бугров меньшего размера, представляющих остатки многокомнатных домов-массивов. Жители занимались земледелием. Об этом говорят следы каналов и полей, а также многочисленные кремневые вкладыши-лезвия для серпов. В хозяйстве очень важную, если не основную, роль играло скотоводство. Это доказывается огромным количеством костей домашнего скота (главным образом, овец и коз) и многочисленными обломками специальной посуды для приготовления сыра. Кроме земледелия и скотоводства жители занимались ремеслом — выделывали глиняную посуду, различные вещи из бронзы, серпы с кремневым лезвием и т. п. В поселении жило несколько тысяч человек. Подобные поселения встречаются и на северных границах Маргианы. Однако, в общественном строе массагетов античные авторы отмечают еще весьма архаические черты, вплоть до сохранения пережитков группового брака[45].

Географ Страбон пишет о массагетах следующее: «О массагетах говорят и так, что одни из них живут в горах, некоторые на равнинах, иные в болотах, образуемых реками, другие занимают острова в этих болотах...

Живущие на островах, не имея земли для посева, питаются кореньями и дикими плодами, носят одежды из

звериных лык (ибо у них нет и скота) и пьют сок, выжимаемый из древесных плодов. Живущие в болотах питаются рыбою и одеваются в шкуры тюленей, поднимающихся вверх по рекам из моря. Горные жители также питаются дикими плодами, но держат и овец, хотя в небольшом количестве, так что даже не режут их, сберегая ради шерсти и молока. Одежду красят они посредством намазывания растительными соками, краски которых долго не линяют. Жители равнин, хотя и имеют пахотную землю, но не обрабатывают ее, а живут овцеводством и рыбной ловлей, подобно кочевникам и скифам»[46].

Степняки-массагеты поклонялись солнцу и приносили ему в жертву белых коней. У массагетских воинов было бронзовое оружие и панцыри, а у богатых — золотые украшения и пояса.

Политическая история Средней Азии в I тысячелетии до н. э. была очень бурной. На территорию Средней Азии, в том числе и Туркменистана, нападают иранские племена. Сохранились известия о походе мидян против парфян, причем последним помогли родственные «скифские», т. е. очевидно дахо-массагетские племена[47]. Пленные мидяне были уведены «скифами» и поселены на Сыр-Дарье (Танаиде), что указывает, очевидно, на возникновение рабства у степняков. В то же время и степные племена производили частые набеги на земледельческие области [48].

В VI в. до н. э. значительная часть территории Туркменистана была завоевана персидскими царями из династии Ахеменидов. Царь Кир (550—529), подчинивший себе Вавилон, Сирию и Малую Азию, завоевал и территорию нынешнего Южного Туркменистана.

Позднее Ахеменидам подчинилось и Хорезмское царство. Персидские цари жестоко эксплуатировали покоренное население, собирая как с оседлых жителей, так и с кочевников, подать, которую сами завоеватели называли тяжелой. Успехи персидских завоевателей в Средней Азии, как и на Ближнем Востоке, объяснялись не их культурным превосходством, а, напротив, тем, что они еще были полуварварами и, следовательно, классовые противоречия в их среде были гораздо слабее, чем в завоеванных ими странах. Но когда Кир напал на более отсталые и внутренне сплоченные племена массагетов, еще

почти не знавших классовых противоречий — он был разбит ими и погиб в бою.

Народности и племена, жившие на территории Туркменистана вели ожесточенную борьбу против захватчиков. В 522 г. до н. э. произошло крупное народное восстание в Маргиане[49], с трудом подавленное персидскими завоевателями.

Рис. 3.
Бой персов с саками. Изображение на печати (саки справа).

Восстание в Маргиане началось осенью 522 г. до н. э., в тот момент, когда почти все государство Ахеменидов было охвачено междоусобными войнами и восстаниями покоренных народов. Маргианцев, поднявшихся на борьбу с захватчиками, поддержали степные кочевые племена — саки. Это было первое известное нам народное восстание на территории СССР. По приказу персидского царя Дария I на Маргиану двинулись войска наместника Бактрии. 10 декабря 522 г. до н. э. произошло решительное сражение, определившее судьбу восстания. Маргианцы и их союзники потерпели поражение, персидские войска опустошили Маргиану и залили ее кровью. По сообщению письменных источников здесь было перебито более чем 55 тысяч «мятежников». Археологические исследования говорят о гибели ряда поселений и значительном запустении других в середине I тысячелетия до н. э., что, очевидно, связано с жестоким разгромом оазиса при подавлении восстания. Вождь восстания, Фрада, бежал к сакам, но позднее был захвачен персами.

Однако Маргиана и позже пользовалась репутацией непокорной страны. Авеста* специально отмечает, что в «могучем и священном Моуру», т. е. Маргиане, злой дух Ахриман породил «злые речи». Вообще Авеста отразила рост эксплуатации и классовой борьбы в Средней Азии, отмечая там «сплошную нищету» и «окаянные сомнения»[50]. Но все это не дает основания утверждать, что классовые отношения в Средней Азии возникли только в период ахеменидского владычества. Можно лишь утверждать, что классовые противоречия в Средней Азии были более острыми, чем в самой Персии.

Ахеменидская держава, созданная Киром, была случайным и непрочным конгломератом племен и народностей, каждая из которых жила особой жизнью. Единство здесь поддерживалось лишь силой оружия завоевателей. Поэтому вхождение в эту державу не смогло оставить сколько-нибудь значительный след в развитии производства, культуры и быта племен и народностей, живших на территории Туркменистана. В конце V или начале IV вв. от нее отделился Хорезм[51]. Происходили восстания в Бактрии. Ахеменидская держава легко пала под ударами войск Александра Македонского, которые после этого в 329 г. до н. э. двинулись в Среднюю Азию.

Основные события, связанные с походом Александра Македонского в Среднюю Азию, развернулись в Бактрии и Согде, где, после захвата страны македонскими войсками, началось широкое народно-освободительное движение под руководством бактрийца Спитамена. Но и степные племена, жившие на территории Восточного Туркменистана (дахи и массагеты), приняли участие в этом движении. Их неуловимая конница нанесла несколько серьезных поражений македонским отрядам. После гибели Спитамена борьба временно прекратилась, но ни степняки, ни Хорезм не подчинились завоевателю. Для защиты от нападений степных племен Александр Македонский вынужден был построить ряд крепостей на территории Туркменистана. Где-то в Маргиане, видимо, на месте старого Мерва (Гяур-Кала), Александром был построен город Александрия Маргиана[52].

---

* Авеста — священная книга зороастрийской религии, древнейшие части которой возникли в Средней Азии в I тысячелетии до н. э.

Империя Александра Македонского была такой же пестрой и конгломератной, как империя Кира. Она распалась почти сразу же после смерти своего основателя (323 г. до н. э.).

Вскоре после смерти Александра Македонского южная часть Средней Азии на шестьдесят с лишним лет перешла в руки греко-македонской династии Селевкидов. Царство Селевкидов, включавшее, помимо части Средней Азии также Малую Азию, Сирию, Месопотамию и Иран, было одним из так называемых эллинистических государств. В эллинистический период на Востоке распространяется частное владение землей, развиваются города как ремесленно-торговые центры. Это говорит о дальнейшем разделении труда. Распространяется греческая культура[53]. Впрочем, развитие Средней Азии в это время было задержано крупными вторжениями степных кочевников и полукочевников — саков и массагетов.

Начало правления Селевкидов ознаменовалось усилением натиска степных племен, разрушивших Александрию Маргиану. Царь Антиох I (280—261), оттеснив степняков, построил здесь (вероятно, на том же месте) город Антиохию и прикрыл весь оазис с севера, востока и запада длинной стеной с башнями[54]. Стена эта имела в длину около 240 км. Остатки ее обнаружены советским археологом С. А. Вязигиным. Следует предположить, что Антиохия Маргиана стала одним из многочисленных селевкидских полисов[55]— городов, имеющих самоуправление, выборную администрацию. Это способствовало развитию в городах ремесла и торговли. Сельское хозяйство Мургабского оазиса также вызвало восхищение ученых античного мира. Географы Страбон и Плиний говорят об исключительном плодородии Маргианы, о великолепном маргианском винограде[56]. Эта область, видимо, была и тогда жемчужиной Южного Туркменистана,

Огромная империя Селевкидов, подобно империи Александра Македонского, была пестрым и непрочным государственным образованием, несмотря на стремление царей сблизить различные области в экономическом и культурном отношениях, насадить античные греческие порядки во всех своих владениях[57]. Местные племена и народности продолжали свою освободительную борьбу.

В середине III в. до н. э. добились независимости Бактрия и Парфия.

Бактрия оказалась в руках мятежных греческих полководцев. Ее история свелась в значительной степени к ожесточенным династическим усобицам, медленному продвижению в Северную Индию и отчаянной борьбе с наседавшими степняками.

Степные дахо-массагетские племена, выступающие под именем юечжи и тохаров, в III в. до н. э. создали в среднеазиатских и центральноазиатских степях огромный союз племен[58]. Подобные союзы, включавшие племена, очень разнообразные по языку и культуре, весьма характерны для самого позднего периода в истории первобытнообщинного строя. Они отличаются огромной военной силой, но очень непрочны, эфемерны. Их возникновение у степняков обуславливается разложением первобытнообщинного строя, развитием кочевого скотоводства, частной собственности на скот и т. п.

Массагетский (юечжийский) союз племен достиг максимального усиления к рубежу III и II вв. до н. э., когда его вожди контролировали пространство от Бактрии до Китая. Несмотря на ряд поражений в войне с гуннским племенным союзом[59], юечжи и другие племена, в т. ч. саки, в середине II в. до н. э. вторгаются на территорию Бактрии и Парфии, захватывают побережье Аму-Дарьи и Сеистан (Сакастану)[60]. Эти вторжения и завоевания должны были ускорить создание у степняков государственной организации, что неизбежно вызывается необходимостью управлять значительными массами покоренных народов, утративших родовую организацию[61]. Во II в. до н. э. на захваченной степняками территории возникло пять государств, во главе с юечжийскими (массагетскими) вождями — ябгу[62]. В I в. н. э. среди этих мелких правителей возвысились цари кушанов, создавшие в короткое время громадную Кушанскую империю[63], которая включала северо-западную Индию, территорию современного северного Афганистана, значительную часть территории нынешних Узбекистана и Таджикистана и юго-восточного Туркменистана. В этот период наблюдается проникновение в Среднюю Азию индийской культуры, искусства, религии, которые причудливо переплетались с местной и греческой культурами, распространенными

вдесь ранее. На территории Туркменистана, входившей во владения кушанов, прежде всего на побережье Аму-Дарьи от Чарджоу до Керки, возникает ряд небольших городков. Несколько таких городков стояло, в частности, в районе современного Карабекаула. К этому времени относится возникновение и рост Амуля (Чарджоу).

В то же время территория Северного Туркменистана входила в состав Хорезмского царства, о политической истории которого известно крайне мало. С. П. Толстов предполагает, что Хорезм в I—II вв. н. э. входил в состав кушанской империи, но уже в III в. восстановил самостоятельность[64].

Письменные источники почти не содержат данных о древнем Хорезме. Его история была воссоздана главным образом в результате работ Хорезмской археологической экспедиции, руководимой выдающимся советским ученым С. П. Толстовым.

В период с IV в. до н. э. по III в. н. э. в Хорезме получила полное развитие ирригационная сеть, состоявшая из огромных, чрезвычайно широких, но не глубоких каналов. Остатки ирригационных сооружений, вместе с большим количеством крупных овальных зернотерок, говорят о том, что земледелие стало основой экономики страны[65]. Наряду с земледелием, большую роль играло скотоводство. Следует отметить, что в древнем Хорезме, в отличие от более позднего времени, мелкий рогатый скот (овцы и козы) составлял лишь немногим более половины поголовья. При этом была широко распространена мелкая порода овец, лишь позднее вытесненная другой, более крупной породой, близкой к современной туркменской. Помимо мелкого рогатого скота разводились коровы, лошади крупной и мелкой породы, ослы, одногорбые и двугорбые верблюды, а также свиньи[66]. Большое развитие получило ремесло — изготовление, главным образом, на ножном гончарном круге[67] высококачественной глиняной посуды, обработка железа, бронзы и серебра, производство оружия, в частности больших сложных луков[68] и т. д. Значительные успехи сделало строительное искусство. Из крупных сырцовых кирпичей и пахсы (битой глины) хорезмийские зодчие возводили не только многокомнатные жилые дома-массивы, но также стены и массивные квадратные башни

городов и укрепленных сел, огромные дворцы (например, дворец III в. н. э. в Топрак-Кала), храмы[69]. Стены комнат и коридоров расписывались яркими многокрасочными фресками. Парадные залы украшались большими, иногда значительно превышавшими человеческий рост, статуями богов и богинь, царей, воинов[70]. Изобразительное искусство древнего Хорезма было реалистичным. Оно испытывало известное влияние греческого и индийского искусства, но осталось самобытным и своеобразным. Углубление разделения труда обусловило развитие обмена как внутри Хорезма, так и с другими странами. Так, например, в Хорезм в большом количестве ввозились бусы из Сирии, Египта и городов Северного Причерноморья[71]. Задолго до начала нашей эры цари Хорезма начали чеканить собственную монету.

Хорезм IV в. до н. э. — III в. н. э. был сильным рабовладельческим государством. Памятники древнехорезмийского искусства и хорезмские монеты сохранили нам изображения хорезмийских царей в виде всадников в богатых, длинных одеждах и причудливых головных уборах. Царей окружала пышная свита, музыканты, вооруженная стража из темнокожих рабов[72]. В Хорезме сложилась своя письменность. Советские археологи обнаружили остатки царского архива, документы которого были написаны особым, хорезмийским алфавитом, и изображения царских чиновников-писцов. Хорезмское государство было связано с окрестными степными племенами и, опираясь на них, представляло довольно внушительную политическую силу на рабовладельческом Востоке.

Наибольшее значение из рабовладельческих государств на территории Туркменистана имело Парфянское царство (250 г. до н. э.—224 г. н. э.).

Дахские вожди — братья Аршак и Тиридат возглавили около 250 г. до н. э. восстание населения Южного Туркменистана (парфян и дахов) против Селевкидов. Аршак вскоре погиб, но Тиридату (248—214) удалось разбить селевкидские войска, освободить Парфию, страну дахов, и Гирканию. В дальнейшем парфянские цари не раз терпели тяжелые неудачи. Парфия была даже временно захвачена селевкидским царем Антиохом III. Только Митридат I (174—136) одержал решительную по-

беду над Селевкидами и в середине II в. до н. э. захватил Иран, Двуречье, Армению, Маргиану. Государство было разделено на 18 областей, которыми управляли члены рода Аршакидов и шести других знатнейших парфянских родов.

Успехи парфян были временно приостановлены вторжением саков и массагетов. В борьбе со степняками пали два парфянских царя. Лишь Митридату II (124—87) удалось нанести сакам поражение и даже присоединить к Парфии Сакастану. Степная конница саков вместе с дахо-парфянской конницей стала основой грозного войска Аршакидов. В связи с этим возвысилась политическая роль аристократии степных кочевых и полукочевых племен в жизни Парфянского царства.

Ядро парфянского войска составляли панцырные всадники, с головы до ног закованные в железо. Их кони также были покрыты чешуйчатой железной броней. Высокое качество парфянских доспехов, изготовленных мервскими оружейниками, поражало греко-римских писателей. Основным оружием парфян был большой тяжелый лук и стрелы. Их конница искусно маневрировала, окружая противника и засыпая его стрелами, и отважно сражалась в рукопашном бою длинными копьями и тяжелыми железными мечами.

С начала I в. до н. э. начинаются столкновения Парфии с Римом. В 53 г. до н. э. 30-тысячная римская армия триумвира Марка Красса была разгромлена и почти уничтожена конницей парфян[73]. Пленные римляне были поселены в Мерве. В дальнейшем борьба шла с переменным успехом. Особенно тяжелыми для парфян периодами были конец I и конец II вв. н. э., когда Парфия оказалась под двойным ударом римлян и кушанов. Лишь в начале III в. н. э. парфянский царь Артабан V (208—224) сумел нанести серьезный удар римским легионам в Месопотамии. Но это было последним недолгим успехом Парфии.

В настоящее время недалеко от Ашхабада силами Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) ведутся раскопки парфянского города Нисы. Успешно идут раскопки огромного укрепленного царского дворца (городище Старая Ниса). Здесь полностью расчищен громадный квадратный зал с четыр-

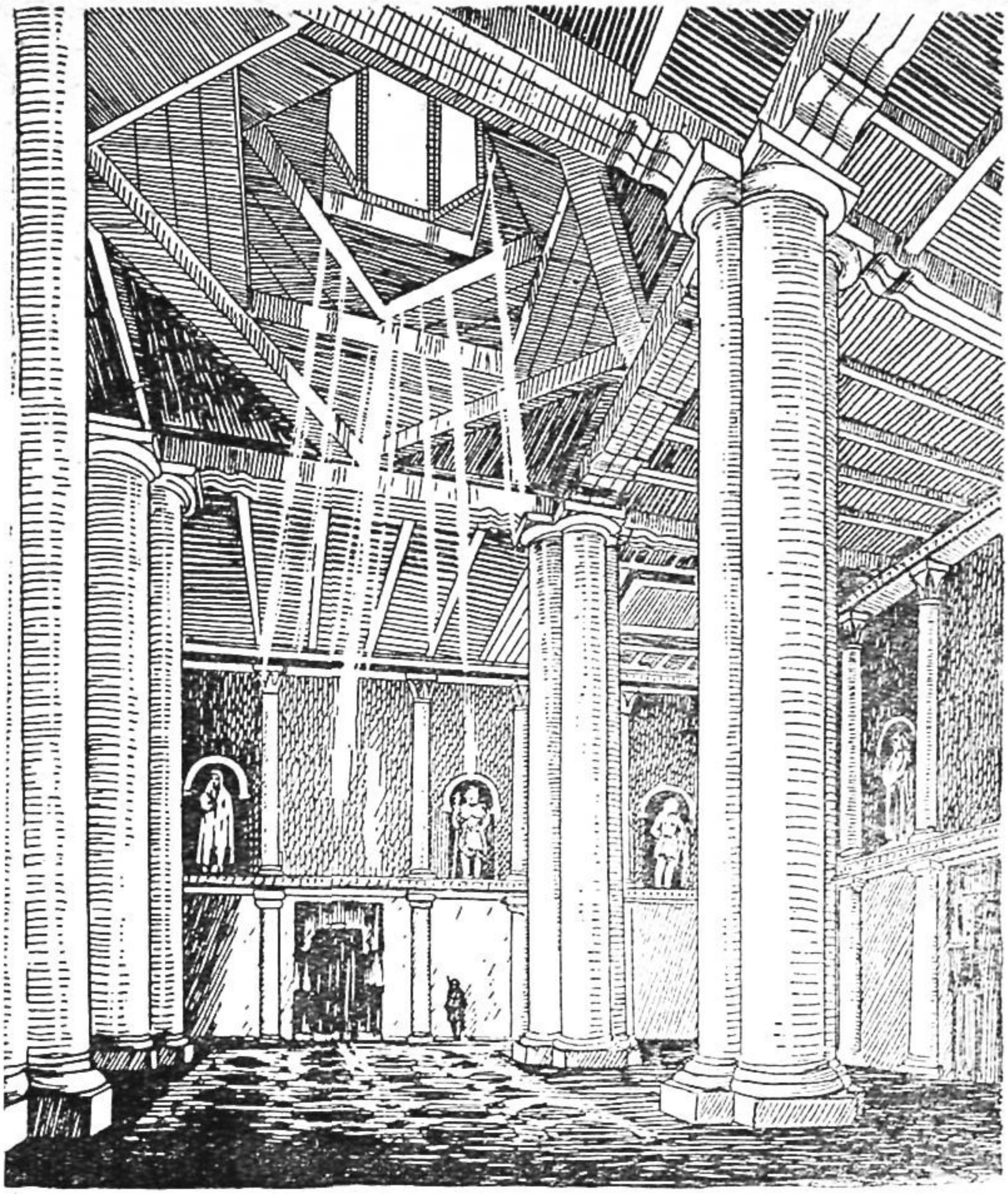

Рис. 4. Квадратный зал в Старой Нисе (реконструкция Г. А. Пугаченковой).

мя массивными колоннами, извлечены великолепные ритоны из слоновой кости, фрагменты глиняных и мраморных статуй, множество монет, предметов быта и вооружения, в т. ч. железные наконечники стрел и отдельные части знаменитых парфянских панцырей. Высокое художественное и техническое совершенство всех изделий говорит о значительном развитии парфянского искусства и ремесла.

Парфянское царство, как и все соседние земледельческие области, было рабовладельческой страной. Основой хозяйства являлось орошаемое земледелие.

«Там ведут оседлую жизнь и занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу и делают вино из винограда,— говорится в китайских летописях —... Аньси* имеет несколько сот больших и малых городов; занимает несколько тысяч ли пространства и считается величайшим государством»[74]. Судя по археологическим данным, особенно большое значение для экономики Парфии имело зерновое хозяйство и виноградарство[75]. Помимо пшеницы и риса, упоминаемых китайскими источниками, парфяне сеяли ячмень. Зерна хранили в огромных корчагах-хумах и перемалывали на крупных зернотерках треугольной или овальной формы. Виноградарство и виноделие, помимо Маргианы, процветало в окрестностях Нисы (город на территории современного аула Багир), где были десятки крупных виноградников. Этот район и поныне славится своим виноградарством. Из свежего винограда и кишмиша парфяне делали вино, которое могло храниться десятки лет в глиняных хумах. В парфянском дворце (городище Старая Ниса), много лет изучавшемся археологами, обнаружены большие кладовые («хум-хана»). В них помещались сотни хумов с вином. Здесь же имелось помещение, где из винограда выжимался сок. Вином уплачивались подати с виноградников.

Развитие земледелия в условиях засушливого климата Южного Туркменистана, как и в Хорезме, требовало создания сложных ирригационных систем. В парфянское время, по словам М. Е. Массона, окончательно складывается Маргианская ирригационная система, следы которой в виде заброшенных каналов встречаются в низовьях Мургаба даже за пределами орошавшихся в средневековье земель. В Прикопетдагской полосе уже в древности возникает система кяризного орошения. В Дехистане продолжает существовать и развиваться сеть крупных каналов, орошающих Северо-атрекскую степь, которая в парфянский период вся покрывается десятками крупных и мелких поселений.

Большое значение имело и скотоводство[76]. Часть пар-

---

* Парфия.

фян и дахов и в начале нашей эры продолжала оставаться кочевниками-скотоводами, хотя другая часть давно осела и перешла к земледелию. Парфяне, дахи и остальное население, жившее на территории Южного Туркменистана, разводили мелкий и крупный рогатый скот, верблюдов, ослов и мулов. Особенно славились парфянские скаковые лошади, поражавшие римлян своей быстротой и выносливостью. Эти «нисайские» кони с полным основанием могут рассматриваться как одни из предков нынешних ахал-текинских коней.

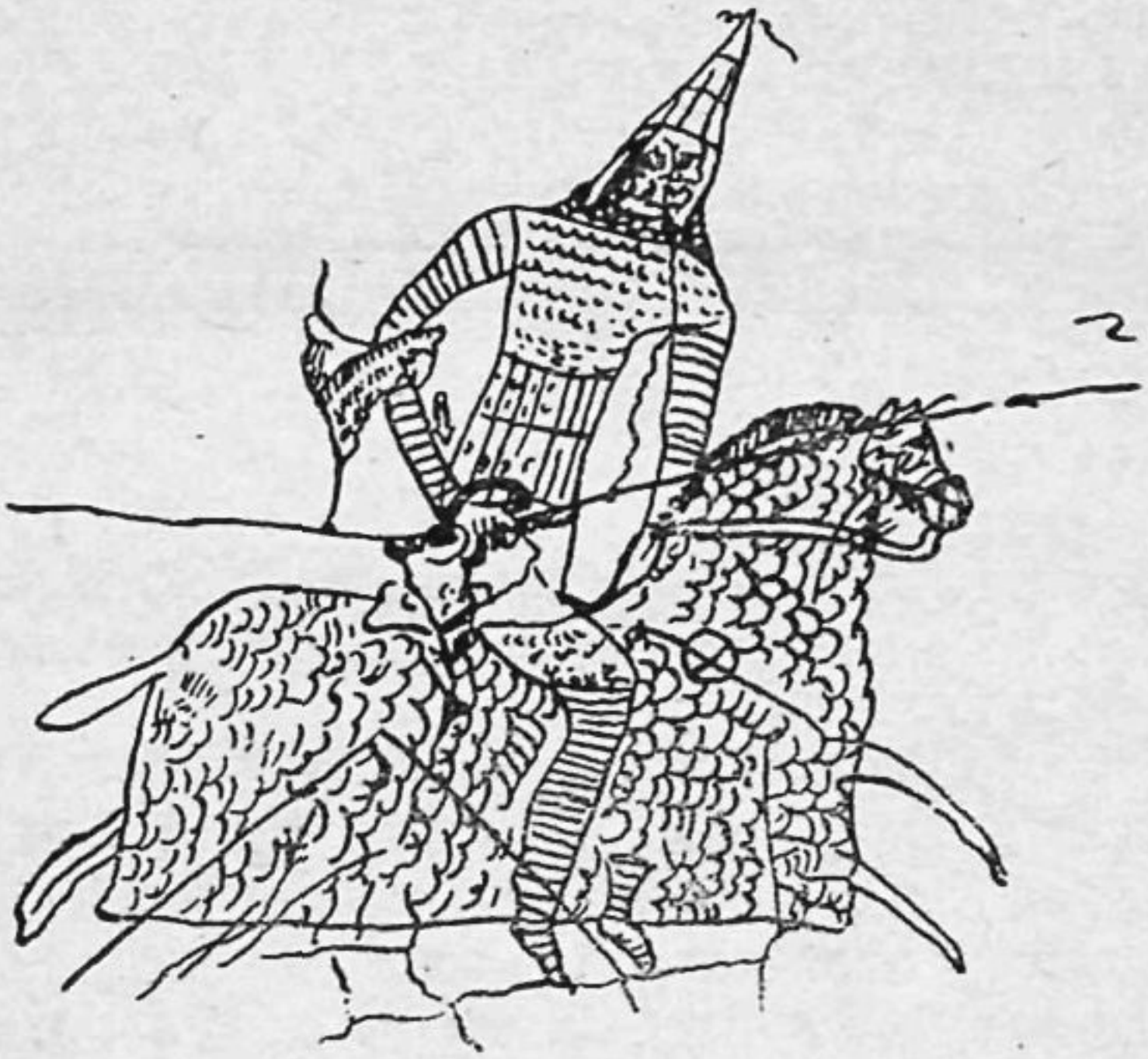

Рис. 5 . Парфянский воин.
(с парфянского рисунка)

В Парфии значительно большее развитие, чем в Хорезме, получили ремесло и торговля. Наиболее крупным ремесленным центром был город Мерв, известный своими железными и стальными изделиями, в частности, знаменитыми шлемами и панцырями. Маргианское железо славилось в Риме. Оно по своим качествам уступало только китайскому. Железные крицы и шлаки в большом количестве встречаются и на других парфянских городищах Южного Туркменистана. В парфянских городах производилась тонкая и изящная глиняная посуда, сделанная на ножном гончарном круге, стеклянные изделия.

Большого мастерства достигли парфянские ювелиры и резчики по камню и кости, создавшие подлинные произведения искусства — замечательные ритоны, сосуды из слоновой кости, покрытые тончайшей резьбой, художественную мебель, печати с изображениями парфянских богов, героев и т. п. Из ремесел, связанных со скотоводством, античные авторы отмечают кожевенное производство и ковроделие. Растет добыча полезных ископаемых[77]. Развивающееся ремесло стало отделяться от сельского хозяйства. Если города Хорезма и Дехистана — Джанбас-Кала[78], Изат-кули[79] и другие были населены в основном земледельцами, представляли нерасчлененное единство города и деревни, о котором говорил Маркс[80], то некоторые города Парфии, в первую очередь Мерв и Ниса, начинают коренным образом менять свой характер и постепенно превращаются в крупные ремесленно-торговые центры со значительными и обособленными ремесленными кварталами[81]. Развитию городов и торговли в Парфии способствовало то обстоятельство, что через Парфию проходил «шелковый путь», по которому осуществлялась торговля Китая с Ближним Востоком и Европой, но в Парфии ширилась и внутренняя торговля между городскими ремесленниками и крестьянами, между земледельцами и скотоводами, о чем свидетельствует массовый выпуск мелкой медной монеты[82], предназначенной для обслуживания этой внутренней торговли, где сделки совершаются порой на самые незначительные суммы. Развитие товарного производства и денежного обращения является важным доказательством значительного подъема производительных сил в Парфии. Данные археологии говорят о высоком развитии парфянской культуры. В результате работ советских археологов обнаружены великолепные мраморные и глиняные статуи работы парфянских мастеров, хотя и носящие сильные следы греческого влияния. Высоко стояло архитектурное искусство парфян, памятником которого является царский дворец в Старой Нисе. Там же обнаружен хозяйственный архив парфянских царей, показывающий, что у парфян была своя письменность[83].

Парфянское царство занимало видное место в системе государств рабовладельческого мира. Уже говорилось об упорной борьбе парфян с римскими захватчиками и с соседним Кушанским царством. Но со многими своими со-

седями парфяне были тесно связаны торговыми сношениями, обменивались посольствами. Известно, например, что китайский император У-ди (140—87 г. до н. э.) отправил посольство в Парфию. «Владетель* приказал военачальникам, — пишет китайский летописец, — с 20000 конницы встретить посольство на восточной границе, а от восточной границы до местопребывания владетеля еще несколько тысяч ли. Надобно до нее проехать сряду несколько десятков городов. Народонаселение почти сплошное. После сего владетель отправил с китайским посольством и своего посланника посмотреть Китай»[84]. Помимо торговли с Китаем и Индией, Парфия торговала и с северными соседями: парфянская монета встречается по среднему течению Волги, на Кавказе, парфянские товары достигали Северного Причерноморья[85].

Рис. 6. Ритон из старой Нисы (ЮТАКЭ)

В настоящее время мы имеем очень мало данных об общественном строе Парфии. На основании сопоставления имеющихся источников, советские ученые пришли к выводу, что парфянское общество было рабовладельческим. Огромная масса рабов требовалась для сооружения каналов, постройки многочисленных крепостей и длинных стен, прикрывавших целые участки границы (например, стеной была ограждена с севера почти вся подгорная часть нынешнего Каахкинского района от Баба-Дурмаза до Чаача). Рабский труд использовался, несомненно, в ремесле, особенно в горнодобывающей промышленности. В Парфии сохраняется также многочисленное свободное крестьянство— развалины больших укрепленных общинных поселений во множестве разбросаны в Прикопетдагской полосе. Вместе с тем, господство в политической жиз-

---

* т. е. парфянский царь.

ни аристократии отсталых степных племен (кочевники-парфяне, дахи и другие) должно было привести к сохранению многих архаических черт в общественной жизни: патриархального рабства, родоплеменной организации и других элементов патриархально-родовых отношений. С другой стороны, в Парфии вместе с развитием товарного производства растет и укрепляется частная собственность, развиваются торгово-ремесленные города, ширится торговля с Китаем, Индией и Римом. Под влиянием этого старые общинно-рабовладельческие отношения начинают разлагаться. В Парфии и даже в более отсталом Хорезме в первых веках нашей эры мы видим в сельских местностях начавшийся упадок древних общинных поселений, расселение небольшими отдельными «хуторами»[68], различными по величине. Это говорит о значительном имущественном неравенстве их владельцев. «Хутора», несомненно, не что иное, как усадьбы больших патриархальных семей, выделившихся из сельских общин. Богатые семьи, конечно, включали в свой состав и рабов, подобно римской familia.

Рост социальных и политических противоречий в связи с развитием рабства, разложением общин и, вероятно, соперничеством оседлой рабовладельческой знати, связанной с земледельческим хозяйством, городами и торговлей, и кочевой родоплеменной знати скотоводческих племен* — все это должно было ослабить парфянское царство, которое к тому же никогда не отличалось особенной внутренней прочностью, т. к. власть царя здесь всегда была ограничена влиятельной знатью — могущественными мегистанами.

В первой четверти III века против парфянских царей выступила персидская знать во главе с Ардеширом, потомком Сасана. В решительном бою на равнине Хормиздаган в Западном Иране Артабан V был убит, а войско его разбито. Вслед за этим Ардешир покорил все владения парфян, в том числе собственно Парфию. Это покорение сопровождалось массовыми убийствами[88]. Так сложилось персидское царство Сасанидов (224—651 гг.).

---

* Это соперничество, очевидно, лежало в основе острого политического кризиса в Парфии в I в. н. э., о котором сообщает римский историк Тацит[87] и некоторые другие источники.

Оно особенно усилилось при Шапуре 1 (241—272), разгромившем римские войска на Востоке и взявшем в плен императора Валериана и при Шапуре II (309—379), который захватил Армению и нанес сильное поражение среднеазиатским степнякам. Был создан сложный и стройный бюрократический аппарат, много веков считавшийся на Востоке образцовым[89].

Сасанидское государство III—IV вв. было еще рабовладельческим. Массы рабов попрежнему выполняли тяжелые земляные работы (особенно по ирригации), считавшиеся недостойными свободных людей. Крестьянство было свободно и организовано в общины[90]. Труд земледельца, как и раньше, считался почетным и в качестве основы существования общества и государства ставился выше, чем труд ремесленника. Но старый общинно-рабовладельческий строй быстро разлагался. Растет крупное частное землевладение (путем раздачи земель военной знати). Знать предпочитает обрабатывать свои земли силами издольщиков, а не рабов. Появление издольщиков говорит о процессе обезземеливания крестьянства.

На территории Южного Туркменистана III—IV вв. ознаменовались значительным упадком. Количество поселений резко сокращается. Многие парфянские городки и селения хиреют и забрасываются. Уменьшается площадь обрабатываемой земли[91]. Это было связано, главным образом, с общими процессами упадка древних земледельческо-ремесленных городов-общин, но отчасти было следствием жестокого погрома Парфии сасанидскими войсками и, вероятно, последующей усиленной эксплуатации ее.

Близка к этому и история Хорезма. Здесь с IV в. у власти стоит династия Афригидов, во время правления которой постепенно приходят в упадок и гибнут древние города. Страна покрывается тысячами укрепленных большесемейных усадеб, среди которых, ближе к головам каналов, располагаются могучие замки — укрепленные гнезда землевладельческой знати. С. П. Толстов отмечает для этого времени упадок ремесла и сокращение торговли[92].

Основной причиной этого экономического кризиса являлся, очевидно, конфликт между развивающимися

производительными силами и старыми, рабовладельческими производственными отношениями. Но слабая изученность данного периода и крайняя бедность источников не дают возможности осветить подробно этот кризис, начавшийся, видимо, в IV в. и с особенной силой разразившийся в V в. н. э.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА (V — XI вв.)

Падение рабовладельческого строя и возникновение феодальных отношений в земледельческой полосе Туркменистана (V — VIII вв.)

Смена рабовладельческого строя феодальным была исторически прогрессивным явлением, но в то же время означала лишь замену одной формы эксплуатации другой.

«При феодальном строе, — пишет И. В. Сталин, — основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде». (И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 595).

В своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин подчеркнул, что основой феодализма является феодальная собственность на землю. На Среднем Востоке в раннее средневековье (до XI в.) феодальная собственность развивается в форме государственной царской собственности и в форме наследственной земельной собственности дехканских фамилий*.

---

* Под дехканами в Средней Азии и Иране в VI—XI вв. понимали не крестьян, а богатых землевладельцев-феодалов.

Основой существования феодального общества был труд крестьян, закабаленных и закрепощенных феодалами. В. И. Ленин, характеризуя феодальное барщинное хозяйство, отмечает следующие условия, необходимые для его существования: во-первых, господство натурального хозяйства; во-вторых, наделение работников производства средствами производства, в частности землей, и прикрепление крестьян к земле; в-третьих, личная зависимость крестьян от помещика, обеспечивающая для помещика возможность «внеэкономического принуждения», т. к. иначе помещик не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. «Формы и степени этого принуждения,— пишет В. И. Ленин,—могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина». (В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 159). Приводя эту ленинскую характеристику, следует отметить, что, в отличие от Западной Европы, на Среднем Востоке в эпоху феодализма крепостное состояние крестьян было мало распространено, зато сословная неполноправность крестьян была непременной чертой восточного так же, как и европейского феодального общества. «Наконец, в-четвертых,— заключает В. И. Ленин,— условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой». (В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 159).

Феодальная эксплуатация состояла в том, что крестьяне были обязаны обрабатывать земли феодала (барщина), отдавать ему часть урожая со своих участков (натуральный оброк) или платить ему определенную сумму денег ежегодно. Феодал захватывал обычно не только прибавочный продукт, но и часть необходимого продукта, обрекая крестьянина на вечную нищету и полуголодное существование. Крепостная зависимость по своей тяжести иногда мало отличалась от рабства. И все же смена рабовладельческих отношений феодальными открывала некоторые возможности развития производительных сил, т. к. в отличие от раба, не заинтересованного в труде и совершенно неинициативного работника, крепост-

ной известную часть времени мог работать в собственном хозяйстве и имел некоторую заинтересованность в труде.

На протяжении всей феодальной эпохи шла жестокая классовая борьба между крестьянами и феодалами. Интересы *феодалов отстаивало и защищало феодальное* государство, помогавшее феодалам укреплять свою собственность на землю и усиливать эксплуатацию крестьян.

Мы чрезвычайно мало знаем о развитии производительных сил у народов земледельческой полосы Туркменистана в IV—VIII вв. Однако, даже самые общие сведения позволяют сделать вывод о том, что в это время произошло значительное качественное изменение производительных сил, по крайней мере в основной отрасли хозяйства — земледелии, несмотря на общий упадок хозяйства, вызванный кризисом рабовладельческого строя.

Во-первых, существенно изменяется ирригационная техника. *Каналы становятся более узкими, но более глубокими.* Появляются водоподъемные колеса — чигири, находившие с тех пор самое широкое применение в Средней Азии вплоть до 20-х годов нынешнего века, т. е. до ликвидации остатков феодального землевладения в среднеазиатских кишлаках и аулах. До самого конца своего существования чигири были в руках феодальнобайских элементов сельского общества важным орудием закабаления и эксплуатации трудового крестьянства.

Во-вторых, примерно в IV—VII вв. зернотерки сменяются ручными и водяными мельницами. Ручные мельницы появились еще в сасанидский период. Например, в развалинах замка Кюня-Кала в селе Кеши, не пережившем V века, *был обнаружен целый склад ручных мельниц, которые*, очевидно, там же изготовлялись. Первые сведения о водяных мельницах в Туркменистане относятся к середине VII и началу VIII веков. Смена архаических зернотерок ручными и водяными мельницами была, несомненно, связана с дальнейшими успехами земледелия, т. к. производительность ручной мельницы, не говоря о водяной, в несколько раз превышает производительность зернотерки.

Ручная и водяная мельницы так, же как и чигирь, оставались характерными орудиями земледельческого труда в Туркменистане, как и во всей Средней Азии, в

течение всей феодальной эпохи и стали выходить из употребления лишь после падения феодальных отношений в ауле.

Учитывая эти качественные изменения в земледельческом хозяйстве, а также значительные успехи ремесла — особенно ткачества и обработки металлов — в Средней Азии и Иране в «сасанидский» период, мы можем понять и объяснить факт смены рабовладельческих отношений феодальными. Новые производительные силы требовали новых производственных отношений, которые создавали бы у работника какую-то заинтересованность в труде. И эти новые, феодальные отношения в конце концов установились, несмотря на попытки старой рабовладельческой знати помешать развитию исторического процесса.

На Среднем Востоке, как и в позднем Риме, разложение рабовладельческих и зарождение феодальных отношений не означало непосредственного смягчения эксплуатации и ослабления классовой борьбы. Если для рабов новый общественный строй и означал некоторое смягчение их тяжелой участи, то для свободного и полусвободного крестьянства (крестьянские общины на Востоке, колоны в Риме) этот процесс означал экономическое закабаление и потерю личной свободы. Особенно значительны были эти социальные сдвиги на Востоке, где было многочисленное лично свободное крестьянство. Ясно, что отнять у него землю и закрепостить его можно было только после крупных и жестоких классовых битв. Обострение классовой борьбы требовало усиления государственной власти — в этом, очевидно, и крылась основная причина смены относительно рыхлого парфянского царства «упорядоченной» монархией Сасанидов с ее строгой централизацией, вышколенным бюрократическим аппаратом и влиятельным зороастрийским духовенством. Сасанидская деспотия железной рукой придавила народные массы, и недаром уже в III в. н. э. на ее территории широко распространяется манихейство — религиозное учение, сочетавшее древний дуализм* с идеей аскетизма, и

---

* Дуализм — представление о том, что мир разделен на два начала — доброе (свет) и злое (тьма) — между которыми идет непрерывная борьба; манихейцы считали бедноту носителями доброго начала, а богатых — злого.

отречения от земных благ, являвшееся, подобно раннему христианству, религией отчаяния и разочарования.

Обострение классовых противоречий привело к грандиозному взрыву классовой борьбы в сасанидском государстве в V в. н. э.— маздакитскому движению, названному по имени Маздака, руководителя движения. Маздакизм[93], сохраняя дуалистическую основу манихейства, требовал активной борьбы против зла, носителем которого считались богачи. Требования уравнения имущества и уничтожения гаремов богачей (замаскированной формы закрепощения свободных женщин) делали маздакизм боевым учением крестьянских масс, закабаляемых феодалами.

Мы знаем очень мало фактов, относящихся к маздакитскому движению. Это приводит к значительному разнобою в оценке его характера. Многие исследователи рисуют его как попытку борьбы против феодализма во имя сохранения архаических общинных отношений, т. е. как реакционное движение. Но представляется более вероятным, что оно объективно было направлено на ограничение феодальной эксплуатации, во имя защиты крестьянского хозяйства — основы всей хозяйственной структуры средневековья. Поэтому по своей экономической сущности оно было прогрессивным.

Мы не располагаем точными данными, имело ли маздакитское движение отголоски на территории Туркменистана, но это почти несомненно. Интересно, что по свидетельству одного из наиболее крупных ученых средневекового востока — Бируни, Маздак происходил из города Нисы в Хорасане.

Движение получило большой размах. Моментами маздакиты были близки к захвату верховной власти в Иране[94].

Острый социальный кризис, охвативший Иран и все остальные земледельческие области Среднего Востока, обеспечил успех новых вторжений отсталых степных племен. На этот раз мы встречаем имена хионитов, кидаритов, эфталитов. Уже в 356 г. упоминается хионитский князь Грумбат, бывший тогда союзником сасанида Шапура II. Позднее хиониты вели борьбу с персами за Мерв, но были разбиты и отброшены.

Кидариты в то же время упоминаются в Тохаристане.

Наиболее сильным племенем были эфталиты[95], жившие, по определению С. П. Толстова, юговосточнее Аральского моря, где стояли их укрепленные города. С 427 г. эфталиты начинают вторжения в Хорасан, подчинив до этого значительную часть Средней Азии. По мнению С. П. Толстова[96], эти успехи были обусловлены союзом «варваров» — эфталитов с поднявшимися против угнетателей народами земледельческих областей. Сасанидский царь Фируз был трижды разбит эфталитами и погиб в бою с ними. В руки эфталитов перешел Мерв. Они оказывали серьезное влияние на внутренние дела Ирана — возвели на престол царя Кавада, покровителя маздакитов, ранее изгнанного знатью. Тогда же эфталитский царь Торамана подчинил значительную часть северной Индии. К началу VI в. в руках Сасанидов на территории Туркменистана оставались только Ниса и предгорья Копет-Дага.

Эфталиты,* видимо, были полукочевниками, имели довольно развитое земледелие и ремесло. Архаический общественный строй, определивший их внутреннюю сплоченность и военную силу, быстро разложился в обстановке крупных завоеваний и создания государства. Уже в середине VI в. окрепший Сасанидский Иран переходит в наступление, а в 60-х годах VI в. государство эфталитов пало под натиском персов и тюрок. Но значительные группировки эфталитов и других степных племен сохранились в Бадхызе и Дехистане. Вероятно, эфталитам принадлежал большой укрепленный город в Североатрекской степи, ныне городище Шаудуз-Кала, впервые обнаруженное и обследованное автором настоящей работы летом 1950 года. Город Шаудуз-Кала расположен на низовьях большого канала, выведенного из Атрека, и состоит из двух основных частей: старого оседлого поселения, существовавшего еще в парфянскую эпоху, но дожившего до VI—VII вв., и созданной не ранее V в. крепостной ограды с башнями, окружающей большую пустую площадь, на территории которой встречается немало керамики, но нет и признаков строений. Видимо, эта крепость укрывала лагерь кочевников. Шаудуз-Кала — наиболее крупное раннесредневековое поселение в Западном Туркмениста-

---

* Весьма вероятно, что от эфталитов происходит туркменское племя абдаль

не. Оно, очевидно, было резиденцией главного вождя племен, кочевавших в североатрекских степях в IV—VII вв. н. э.

Во второй половине VI в. вновь усилилось государство Сасанидов. Хосров I Ануширван (531—579), разгромивший маздакитов и сокрушивший с помощью тюркских каганов эфталитское государство, провел налоговую реформу, установившую единую систему высоких поземельных податей в пользу государства (хараг)[97]. В VI в. в сасанидском Иране оформляется господствующий феодальный класс, состоящий из воинов, чиновников и зороастрийского жречества.

Вся северная граница государства (современный Южный Туркменистан) покрывается огромными замками, у подножья которых лежат полумесяцем неукрепленные крестьянские села[98].

В степях южнее Атрека сасанидские цари построили длинную стену с башнями из жженого кирпича (ныне вал Кизыл-Алан) для защиты от набегов кочевников из приатрекских степей; вероятно, поддерживался старый вал вокруг Атека (ныне вал Мерз в Каахкинском районе). Сасанидским царям удалось вновь захватить Мерв и всю долину Мургаба. Однако, захватить побережье Аму-Дарьи им не удалось.

Крупные социальные сдвиги происходят в IV—VI вв. и в Хорезме. Приходят в упадок и гибнут старые города, деградирует городское ремесло, ослабляются внешние торговые связи. Жизнь переходит в сельские местности, где вместо прежних общинных поселений появляются сотни и тысячи крупных и мелких укрепленных усадеб. «Перед нами ландшафт, говорящий о бурной эпохе непрерывных войн, — пишет С. П. Толстов,— о людях, живших в постоянном страхе перед нападением врага, в неизменной готовности оборонять с оружием в руках свою жизнь и имущество.

Феодализм еще не восторжествовал, но признаки его наступления чувствуются всюду. Грозные замки аристократии запирают головы ответвлений крупных каналов, командуя над усадьбами крестьян. Самая укрепленность последних явно свидетельствует не только о постоянной угрозе внешнего нападения. Крестьянин вынужден отста-

вать свою свободу от гораздо более серьезной угрозы со стороны хозяев больших замков»[99].

Южный Туркменистан и Хорезм в VI—VII вв. все более превращаются в раннефеодальные страны, где круп-

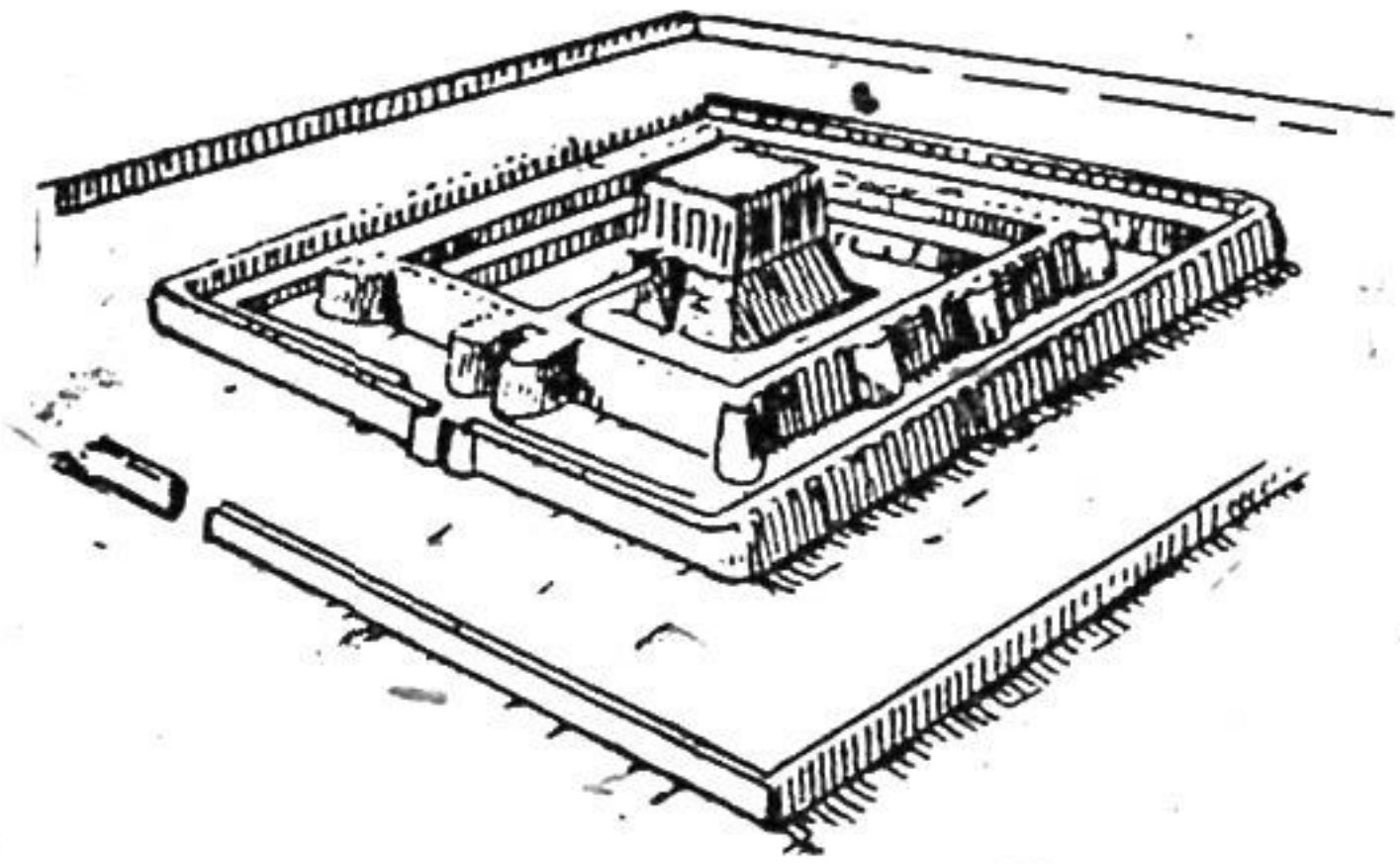

Рис. 7. Замок Якке-Парсан в Хорезме (реконструкция С. П. Толстова).

ные феодалы эксплуатируют отчасти рабов, отчасти клиентов — кедиверов, живших при дворе феодала, отчасти крестьян-издольщиков[100].

Издольная аренда всегда была одним из важнейших методов феодальной эксплуатации на Востоке. Феодалы стран Востока, как правило, не вели собственного крупного хозяйства, а свои земли сдавали мелкими участками безземельным или малоземельным крестьянам, получая за это значительную часть урожая.

Характерной чертой раннего феодализма на Востоке, в том числе и на территории Туркменистана, было сохранение здесь *особенно крепких крестьянских общин*, многочисленных и свободных[101], которые трудно было закабалить феодалу; поэтому здесь и держалось так прочно рабство. Второй особенностью было господство поливного земледелия в хозяйстве (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. письма, 1948, стр. 75), что требовало наличия крепкой центральной и областной власти. Третьей особенностью была постоянная угроза со стороны кочевой степи, что требовало организации достаточно сильного отпора. Наконец, и упадок ремесла и торговли не дошел здесь до такой степени, как в Западной Европе[102]. В результате действия всех перечисленных факторов на Востоке (как

и в Византии) в период перехода от рабовладельческого к феодальному устанавливается деспотия с сильно развитым бюрократическим аппаратом, а эксплуатация крестьян и ремесленников осуществляется не столько непосредственно феодалами, сколько централизованным порядком, путем сбора ренты-налога с крестьян и поголовного налога с неземледельческого населения. Поэтому важной составной частью возвышающегося класса феодалов была бюрократия, причем не только высшая, но и низшая сельская администрация — общинные старосты, сборщики налогов и т. п., в руки которых постепенно попадало прежде свободное общинное крестьянство.

Политическая история Туркменистана с середины VI до середины VII вв. заполнена борьбой сасанидов с тюрками. В 60—70 гг. тюркские каганы завоевали почти всю Среднюю Азию, установили сношения с Византией и начали борьбу с Ираном за Южный Туркменистан. В 588 г. тюркский ябгу Кара Чурин напал на Иран, но был разбит и погиб. После этого сасанидские войска в свою очередь вторглись на правобережье Аму-Дарьи. Большая часть Средней Азии раздробилась на множество мелких раннефеодальных государств, которые иногда покорялись тюркам (например, в начале VII в.), но чаще оставались независимыми, группируясь вокруг царей Хорезма, Бухары и Самарканда.

В 30—40 гг. VII в. Сасанидское государство, ослабленное крестьянскими восстаниями и мятежами знати, было разгромлено арабскими степными племенами. Последний сасанидский царь Ездегерд III был убит в окрестностях Мерва. Сасанидские наместники — правители областей и вожди кочевых племен оказались ненадолго самостоятельными государями, но уже в 651 г. в Южный Туркменистан вторглись арабы.

Ниса, Абиверд и Мерв были быстро захвачены арабами, несмотря на ряд восстаний, например, в 655 г.[103]. Завоевание побережья Аму-Дарьи, Хорезма и Дехистана затянулось. Серьезное сопротивление оказали степные тюркские племена. Среднеазиатские правители обратились за помощью к Китаю[104], но Танская империя не смогла остановить натиск арабов. В 70 гг. VII в. арабы захватили Амуль (Чарджоу) и Земм (Керки) и заселили левобережье Аму-Дарьи[105]. Местное население насильственно

обращалось в ислам. Арабские завоеватели не принесли с собой в Среднюю Азию более высокой культуры. Напротив, полуварварские арабские племена во главе со своими хищными племенными вождями, стоявшие в культурном отношении значительно ниже народов Средней Азии, задержали развитие последних.

В начале VIII в. эмир Кутейба покорил Тохаристан и Хорезм (в последнем случае он был приглашен хорезмской знатью на помощь для подавления народного восстания), а в 716 г. его преемник Иезид покончил с независимостью Дехистана[106].

Арабское завоевание ознаменовалось рядом жестокостей и актов вероломства. В Дехистане и Хорезме завоеватели тысячами истребляли пленных, разрушали селения, сжигали книги. Проводя в 1950 г. археологические обследования в Североатрекской степи, XIX отряд ЮТАКЭ обнаружил целую группу городов (Шаудуз-Кала, Орта-депесилик, Геокчик-депе, Ханлык-депе и др.), прекративших существование в период арабского нашествия. Арабские халифы сохранили в завоеванных областях харадж систему, причем харадж собирался с особенной свирепостью и его размер повышался; вместе с тем, арабское завоевание привело к усилению рабства[107], разгрому местной культуры[108] и вообще к временному упадку Средней Азии. Арабы первоначально не признавали феодальной (дехканской) собственности на землю[109], что должно было несколько задержать развитие феодальных отношений.

Усиление эксплуатации и тяжелое иноземное иго вызывали ожесточенное сопротивление трудящихся масс Хорасана. Бо́льшая часть VIII в. прошла в восстаниях и гражданских войнах. Крестьянство Хорасана, организованное в тайные секты маздакитского направления*, принимало активное участие в восстаниях против арабских халифов, хотя часто оказывалось, что эти восстания фактически приобретают характер феодальных мятежей и возглавляются знатью (например, восстание Хариса

---

* По преданию после гибели Маздака его вдова Хуррема удалилась в Хорасан, где продолжала пропаганду маздакитского учения. Это предание связано, видимо, с тем, что в Средней Азии маздакизм держался особенно долго и прочно.

ибн-Сурейджа в 734 г.)[110]. Наиболее крупным восстанием было движение Абу-Муслима в 747—750 гг. Это движение имело целью свергнуть династию Омейядов и возвести на престол халифов новую династию Аббасидов, опиравшуюся на хорасанскую феодальную знать, но Абу-Муслим путем широких демагогических обещаний сумел вовлечь в него огромные массы трудового населения. В 747 г. он открыто поднял в Мерве знамя восстания — черное знамя Аббасидов, обещая снизить налоги и уничтожить произвол арабских наместников. На его зов собралось многочисленное народное войско из всех областей Средней Азии. Арабский историк Динавери пишет: «Спешно двигались к Абу-Муслиму люди из Герата, Бушенджа, Мерверуда, Талькана, Мерва, Нисы, Абиверда, Балха, Саганиана, Тохаристана, Хутталяна, Кеша, Несефа. Все они сошлись на том, что красили в черный цвет свое платье. Красили они также половинки деревянных палиц... Приезжали эти люди на лошадях, ослах, или шли пешком... и было их числом 100 000 т. человек». Повстанцы поспешно сооружали укрепленные лагери, готовясь к решительной борьбе со сторонниками Омейядов. Среди воинов и военачальников Абу-Муслима были и феодалы, и горожане, и крестьяне; был даже целый отряд из рабов, размещавшийся в особом лагере. Все слои населения Средней Азии и северо-восточного Ирана объединила ненависть к арабским захватчикам. Но Абу-Муслим вовсе не был врагом арабской знати, он боролся лишь против Омейядов; поэтому в его войске было немало арабов, сторонников Аббасидов[111].

Наместник Омейядов в Хорасане, видя размеры восстания, *не решился на вооруженную борьбу и бежал.* Абу-Муслим стал правителем Хорасана, организовал государственный аппарат, укрепил свою армию и двинулся на запад, с целью окончательного разгрома врага и свержения династии Омейядов. Войска Омейядов были разгромлены. Хорасанская армия Абу-Муслима с победами прошла по Ирану, Ираку и Сирии. Известие об этом восстании проникло даже в китайские летописи. Престол халифов перешел в руки династии Аббасидов (750—1265). Однако, обещаний, данных народу Абу-Муслимом, Аббасиды разумеется не выполнили. Сам Абу-Муслим был вскоре убит по приказанию халифа.

После того, как крестьяне увидели истинное лицо Аббасидов, проводивших в общем ту же феодальную политику, что и свергнутые Омейяды, по территории Туркменистана и всего Среднего Востока прокатилась новая волна народных восстаний — восстание Сумбата Мага в Южном Хорасане, Шарика ибн-Шайха в Бухаре, восстание в Герате и ряде других пунктов.

Очагами движения в Туркменистане были Мерв, Абиверд, Бадхыз и верховья Мургаба[112]. Недаром из Мерва происходил Муканна, выдающийся вождь среднеазиатского крестьянства.

Настоящее имя Муканны было Хашим ибн-Хаким, а по другим источникам — Ата. Отец его и сам он служили сархангами (низшими военачальниками) в войсках Абу-Муслима. По профессии Муканна был ремесленником. После гибели Абу-Муслима Муканна принимал участие в восстании против Аббасидов в Мерве, причем играл в нем крупную роль. После поражения повстанцев он был схвачен, брошен в темницу в Багдаде, но сумел выбраться оттуда и вновь появился в Мерве в конце 60-х годов VIII века.

Нет сомнения в том, что Муканна действовал не в одиночку, а опирался на сильную организацию, скорее всего тайные секты манихейско-маздакитского толка. На этот раз он, очевидно, пришел к выводу, что Мервский оазис, где находился наместник Хорасана с крупными военными силами, не может стать базой восстания и поэтому перенес свою деятельность в Мавераннахр, за Аму-Дарью, куда он вначале направил письма с призывами к восстанию, а затем отправился сам, тайно перебравшись через Аму-Дарью, хотя на переправах его уже стерегли многочисленные арабские отряды. В Мавераннахре его как своего вождя с восторгом встретило трудовое население. По словам арабских историков, Муканна, с целью повышения своего авторитета, объявил себя богом, сошедшим на землю, чтобы покарать и уничтожить ненавистных арабских захватчиков и местных феодалов, сотрудничавших с арабской знатью в деле угнетения и эксплуатации народа. Вскоре весь Мавераннахр был охвачен народным восстанием, длившимся несколько лет. Восставшее крестьянство земледельческой полосы было поддержано тюркскими кочевниками.

Лишь после того, как в Мавераннахр было направлено сильное арабское войско с многочисленными осадными машинами, арабской знати и местным феодалам удалось справиться с восставшим народом[113]. Сам Муканна в 783 г. покончил самоубийством, чтобы не сдаваться в плен врагу. Его смерть не означала прекращения борьбы — отдельные восстания происходили и позже. Но к началу IX в. крестьянские восстания были в основном подавлены, хотя к этому времени они успели до основания потрясти арабское феодальное государство.

Раннефеодальные государства на территории Туркменистана (IX—XI вв.)

Арабский халифат, подобно империи Карла Великого, был временным и непрочным объединением ряда племен и народностей. Успех арабских завоеваний объясняется прежде всего острыми классовыми противоречиями в сасанидском Иране, Византии и государствах Средней Азии. Арабские халифы, особенно Аббасиды, сотрудничали с местной знатью в деле подавления сопротивления закабаляемого крестьянства. При этом арабские халифы опирались на массовое ополчение арабских племен, представлявшее по тому времени большую военную силу.

Но к IX в., в связи с развитием феодальных отношений и обострением классовых противоречий среди самих арабов, военная мощь халифов ослабевает. Это подрывает основу союза халифов с местной знатью, которая стремится теперь присваивать харадж в свою пользу, т. е. стать независимой. В начале IX века средневековые историки отмечают рост значения «меликов Хорасана», т. е. местных крупных феодалов.

С 820 г. Хорасан переходит в руки эмиров из династии Тахиридов, представителей местной феодальной знати. Значительная часть хараджа, ранее уходившая в Багдад, теперь остается в руках эмиров Хорасана, что позволяет им предпринять крупные ирригационные[114] и фортификационные работы, в частности, постройку рабатов (пограничных крепостей) Дехистан, Ферава, Шахрастан и Куфан на территории Южного Туркменистана. Тахириды правили Хорасаном с 820 по 873 гг. Все новейшие исследователи[115] единодушно отмечают эконо-

мический подъем Хорасана. Это подтверждается и археологическими данными. Развивается ремесло и торговля, растут новые города — ремесленно-торговые центры. Абдаллах ибн-Тахир (821—844) провел ряд каналов и приказал законоведам составить «Китаб-ал-куни» — «Книгу о кяризах», в которой были изложены основные правила водопользования. Составление этой книги преследовало цель укрепить и обосновать феодальную собственность на орошаемую землю. Вместе с тем, стремясь предотвратить крестьянские восстания, Абдаллах ибн-Тахир демагогически призывал феодалов смягчить эксплуатацию крестьян, боролся против злоупотреблений чиновников. Но в действительности при Тахиридах эксплуатация крестьян несомненно увеличилась, в частности, за счет сокращения труда рабов. Силами крестьян возводились многочисленные феодальные усадьбы и замки, развалины которых ныне покрывают всю Прикопетдагскую полосу и Марыйский оазис. Наряду с этим шло расхищение общинных земель, пример чему подавали сами Тахириды[116]. В IX в. распространяется издольная аренда и постепенно слово «барзигар», ранее означавшее вообще земледельца, приобретает значение «издольщик». Распространение издольщины было связано с обезземеливанием крестьянства и концентрацией земельной собственности в руках феодалов. Этот процесс шел уже не только путем пожалования земель в наследственную (дехканскую) собственность, наиболее распространенный вид феодальной собственности в Средней Азии и Иране в VI-VIII вв., но также путем коммендации (тальджиат)[117], когда «слабый человек» (т. е. крестьянин) передавал себя и свой земельный участок под покровительство «сильного человека» (т. е. феодала), чтобы этот «сильный» защищал его. Под предлогом «помощи» феодалы постепенно захватывали соседние крестьянские участки и создавали все более и более крупные поместья. Кроме того, феодалы сооружали новые каналы и кяризы и, на основании мусульманского права, становились собственниками орошенной земли, которую затем также сдавали в издольную аренду бедноте.

Большое значение на феодальном Востоке, в частности, и на территории Туркменистана, имела государственная форма феодальной собственности на землю. Феодаль-

ный государь рассматривался как собственник всей земли в государстве и на этом основании собирал со всех землевладельцев, т. е. в первую очередь с крестьян, феодальную ренту-налог (харадж). В IX в. большая часть хараджа поступала в распоряжение государя, который содержал на эти средства многочисленных чиновников, войско, придворных и т. д. Но все более и более значительная часть хараджа стала попадать непосредственно в руки феодалов, минуя государственную казну, путем раздачи земли в икта. Получение земли в икта давало право получившему (иктадару или мукта) собирать с отведенных ему земель харадж в свою пользу; за это иктадар должен был нести службу, как правило, военную. В результате раздачи земли в икта свободные прежде крестьяне попадали в зависимость от феодала-иктадара и уплата хараджа превращалась в обычный оброк в пользу феодала. Таким образом, различными путями все более и более широкие массы свободных крестьян попадали в помещичью кабалу, становились зависимыми людьми.

Феодалы, развернувшие наступление на крестьянство, особенно нуждались в поддержке со стороны государства. Поэтому мы не видим в тахиридское время крупных феодальных мятежей. Но эта мирная картина не должна приводить к идеализации Тахиридов. Их «мирное» правление сопровождалось новым взрывом классовой борьбы в Хорасане и Сеистане.

По всему Среднему Востоку, в том числе и на территории Туркменистана, были распространены многочисленные еретические учения[118], являвшиеся знаменем крестьянства в его антифеодальной борьбе. Религиозная оболочка этой борьбы не должна вводить нас в заблуждение. Она, несомненно, лишь прикрывала классовое содержание. Энгельс недаром отмечал, что в условиях средневековья «...все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси». (Крестьянская война в Германии. Москва, 1952, стр. 34.).

Среди принявших ислам кочевых и полукочевых скотоводческих племен Ирана и Южного Туркменистана была распространена ересь хариджитов, стоявшая за возвращение патриархально-родового строя и сохране-

ние общинного самоуправления. Среди крестьян и ремесленников большим успехом пользовалось учение карматов, маздакитское в своей основе, несмотря на мусульманскую форму, а также более умеренное шиитство. Последователи этих учений составляли основное ядро участников народных движений и поэтому свирепо преследовались феодальными властями.

Значительную роль в народных движениях IX—X вв. играли также газии. Это были полупрофессиональные воины, жившие обычно в пограничных крепостях-рабатах, охранявшие границу и занимавшиеся одновременно земледелием и ремеслом, а также нанимавшиеся охранять купеческие караваны.

Волна крестьянских выступлений во второй половине IX в. ослабила Тахиридов и позволила выдвинуться новым феодальным династиям — Алидам в Табаристане, Саффаридам в Сеистане и Хорасане. Ни те, ни другие не были, конечно, народными вождями. Несмотря на связи Якуба ас-Саффара, основателя династии Саффаридов, с газиями и в меньшей мере с хариджитами, мы не видим при нем каких-либо серьезных перемен в социальных отношениях. Но с другой стороны, связи Саффаридов с карматами и хариджитами отталкивали от них феодальную знать. Если в 873 г. Якуб смог захватить Хорасан, то вскоре он потерпел серьезную неудачу под Багдадом вследствие измены «эмиров Хорасана»[119]. Его брат и преемник Амр был оставлен хорасанскими феодалами в минуту решительного столкновения с Саманидами (900 г.), и Хорасан подчинился последним[120].

Саманиды были типичной феодальной династией, вождями и ставленниками дехканов Мавераннахра. В период их правления в Хорасане (900--999) гг. феодальные отношения продолжали успешно развиваться[121], и, в частности, большее значение, чем прежде, получает икта. Крестьянство пыталось возобновить борьбу с притеснителями, что сказалось в распространении карматского учения и ряде восстаний в Гуре и Мерверуде.

В 907 г. произошло восстание в горах Гура и Гарчистана (верховья Мургаба и Теджена)[122]. Вождем восстания был Абу-Билал, прозванный Дар ал-адл («Вместилище справедливости»). Правитель Герата доносил в тревоге бухарскому эмиру: «Неисчислимое количество

людей из округа Герата и окрестных краев идет к нему (Абу-Билалу — А. Р.), присягает ему; их численность — свыше десяти тысяч людей». Эмир Исмаил Саманид выслал против Абу-Билала сильный отряд отборных воинов, который соединился с феодальным войском правителя Герата, напал врасплох на лагерь восставших и истребил их. В 918 г. восстал наместник Хорасана Хусейн ибн-Али Мервези, сочувствовавший карматам[123]. Но в 943 г. эмир Нух свирепо расправился с шиитами и карматами в Мавераннахре и Хорасане; по приказу эмира в столице Саманидов — Бухаре и в остальных городах и сельских местностях феодалы разыскивали и убивали всех карматов, шиитов, членов тайных маздакитских сект, всех тех, «которые исповедовали учение общности»*. «В течение нескольких суток вели разыскание и убивали... —пишет Низам-ал-мульк, автор книги «Сиасет-Намэ» — так что в Хорасане и Мавераннахре была прекращена основа их пропаганды и эта вера стала тайной"[124].

Резня 943 г. была решительной победой феодалов и их победа не замедлила дать плоды в виде целой серии диких феодальных смут, очагом которых стал Хорасан[125]. С 945 г. начался длившийся десять лет мятеж эмира Чагани, с 962 г. Хорасан попал в руки феодальной фамилии Симджури. Смуты в нем не прекращались, пока в 999 г. Хорасан не перешел в руки Махмуда Газневи, главы возникшего во второй половине X в. Газневидского государства, которое к началу XI в. включало территорию современного Афганистана, Ирана, Южного Туркменистана и часть северо-западной Индии. В составе Газневидского государства территория Южного Туркменистана оставалась до 1040 года.

К этому времени феодальные отношения в Хорасане и Хорезме сложились почти полностью.

Победа новых производственных отношений способствовала дальнейшему и быстрому подъему производительных сил.

Известно, что «новые производственные отношения являются той **главной** и решающей силой, которая собственно и определяет дальнейшее, притом мощное разви-

---

* т. е. учение об общности имущества, в первую очередь земли, бывшее одной из основ маздакитской пропаганды.

тие производительных сил». (И. В. Сталин. «Экономические проблемы социализма в СССР», 1952. стр. 61).

По уровню развития производительных сил обе эти области в X в. стояли впереди большинства стран Европы[126]. Основной отраслью хозяйства было интенсивное поливное земледелие. Искусственное орошение было особенно хорошо организовано в Мургабском оазисе, где регулированием подачи воды была занята целая армия специалистов. Вот что рассказывает географ X в. Макдиси об ирригационной системе Мервского оазиса: «Не доходя до него (Мерва), приблизительно на день пути, с ней (рекой Мургаб) встречается большая долина, перегороженная со всех сторон удивительными деревянными плотинами... Управляет ею (рекой) эмир более сильный, чем заведующий налогами (эмир аль-химайят); ему подчиняются более 10 000 человек, получающих жалование... На реке поставлена доска с поперечными делениями через I шаиру. Когда вода высоко, то доходит до 60 делений по длине, и это год урожайный, народ радуется этому и доли воды увеличиваются. Когда же бывает 6 делений, то это год засухи. Место, где измеряется вода, в фарсахе* от города, оно похоже на круглый пруд. Когда управляющий им измерит (воду), он посылает особого спешного гонца в диван реки**, потом оттуда посылают гонцов ко всем управляющим мелкими каналами, и они делят воду согласно этому измерению»[127]. Помимо зерновых районов (Серахс, Абиверд, Дехистан), были целые районы, специализировавшиеся на хлопководстве (долина Мургаба)[128], шелководстве (Мерв и Гурган)[129], огородничестве (Ниса)[130], виноградарстве (побережье *Мургаба и Аму-Дарьи*). *Вообще, технические* культуры занимали в сельском хозяйстве видное место, что говорит о значительном развитии товарного производства. Скотоводство было особенно развито в юго-восточных Кара-Кумах (Серахс, Гузган), где жили тюркские и арабские кочевники; скотоводство также было тесно связано с рынком[131].

Ремесло уже отделилось от сельского хозяйства. Такие города, как Мерв, Ниса и др. в IX—XI вв. были крупными

---

* 7,5—6,5 км

** Канцелярия, ведавшая вопросами ирригации и водопользования.

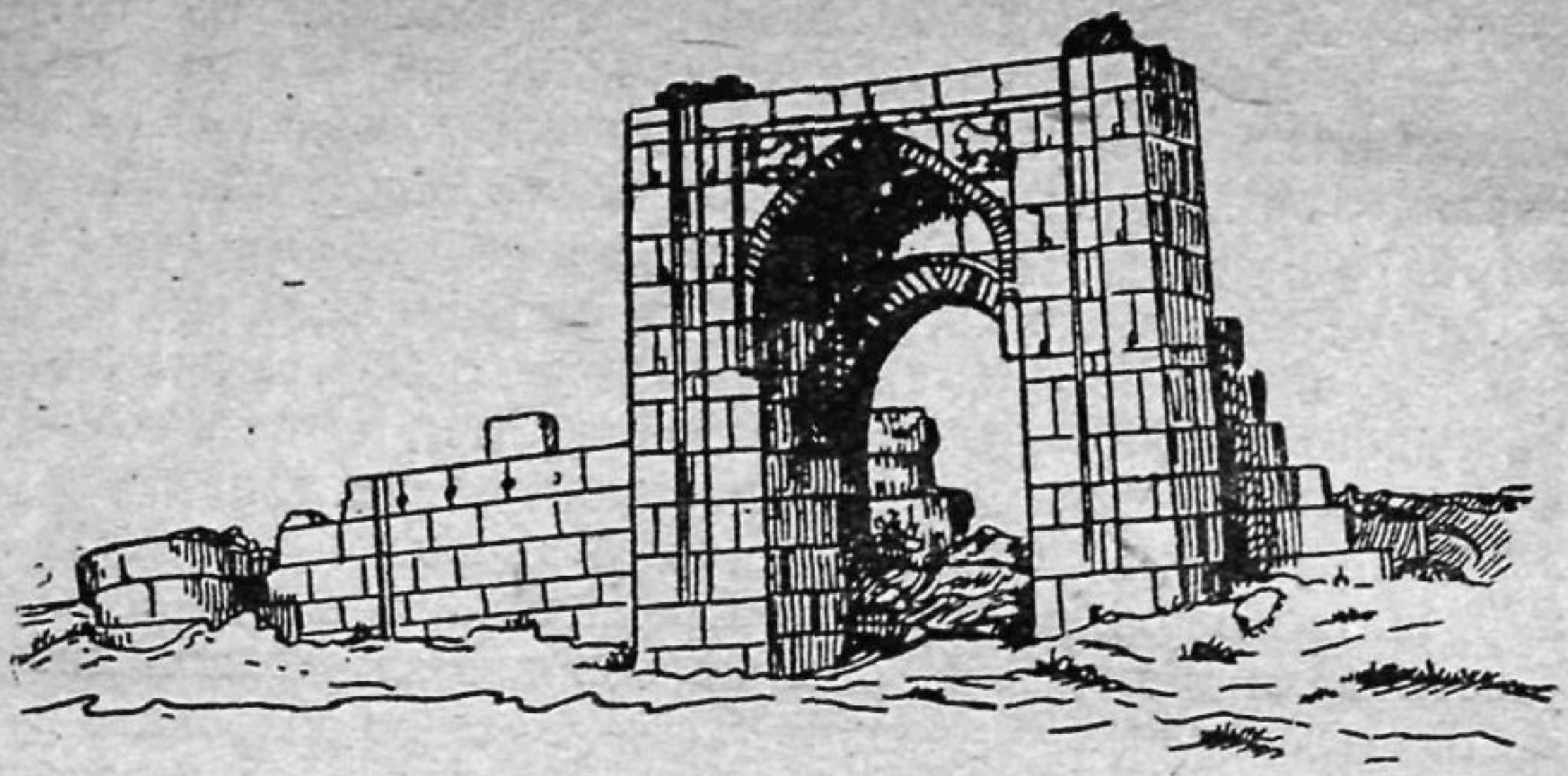

Рис. 8. Развалины каравансарая Белеули на Усть-Урте
(по С. П. Толстову)

ремесленными центрами[132]. Особенно славились шелковые и хлопчатобумажные ткани Мерва, луки Хорезма, гузганские кожаные изделия.

Показателем быстрого развития ремесла является широкое распространение в IX—X вв. хорошей глазурованной керамики городского производства. По Хорасану и Хорезму шли важные караванные дороги. Через Амуль, Мерв, Серахс шла дорога, связывавшая Ближний Восток с Китаем; через Хорезм шла дорога на Волгу, на Русь. Эти две дороги связывались между собой путем вдоль Аму-Дарьи и несколькими караванными дорогами через Кара-Кумы. От Мерва и Амуля шли дороги на юг, которыми Хорасан связывался с Индией. На хорасанских и хорезмских дорогах находились благоустроенные и укрепленные караван-сараи[133]. Имели значение и водные пути по Аму-Дарье и Каспийскому морю. В торговлю втягивались феодалы, особенно крупные[134].

В эти же века, на основе усилившихся экономических и культурных связей и политического единства Хорасана и Мавераннахра, облегчавшего эти связи, в земледельческих районах двух названных областей складывается таджикская народность.

Быстрое экономическое развитие обусловило значительный подъем культуры. В X—XI вв. таджики и хорезмийцы выдвинули ряд крупных деятелей в облас-

ти науки и искусства. Таковы знаменитый врач и философ Абу-Али ибн-Сина, крупнейший ученый энциклопедист средневекового Востока хорезмиец Абу-Рейхан ал-Бируни, математик Хорезми, блестящая плеяда поэтов — Рудеки, Дакики и наиболее знаменитый из них Абуль-Касем Фердоуси, автор огромной поэмы «Шахнамэ», впитавшей в себя неисчерпаемые сокровища народного творчества. Произведения этих титанов мысли и поэтического таланта представляют предмет законной гордости народов Средней Азии и всего человечества. В развитии науки и искусства Средней Азии в IX—XI вв. участвовали и тюркские племена, близко соприкасавшиеся с земледельческим миром. Так, тюрком по происхождению был один из крупнейших философов средневекового Востока, ал-Фараби, происходивший из города Фараб (Парьяб) на среднем течении Сыр-Дарьи.

Нельзя, однако, сказать, что феодальные отношения на территории Туркменистана в IX—X вв. оформились уже полностью. Феодал-иктадар (держатель икта) лишь собирал с крестьянина харадж, но не имел прав на его личность и имущество. Нет данных о том, чтобы все крестьянство или большинство его попало в прямую экономическую и юридическую зависимость от феодалов коммендации или издольной аренды. Основной формой эксплуатации оставался сбор хараджа. Значительную роль играло рабство[135]. Таким образом, собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства — крепостного,— еще не в полной мере стали основой производства.

Еще более отсталой была надстройка. Саманидское и Газневидское государства представляли типичные раннесредневековые восточные деспотии с развитым и сложным бюрократическим аппаратом и профессиональным постоянным войском из рабов-гулямов. В распоряжение государства поступала львиная доля хараджа, оно сосредоточивало в своих руках судебные функции. Даже феодалы были бесправны перед лицом деспота-эмира и его надменных чиновников. Историк XI в. Бейхаки прямо говорит, что газневидский наместник Хорасана Буль-Фазль Сури грабил и сильных и слабых[136]. Централизация дошла до крайней степени, особенно в Газневидском государстве[137], которое превратилось в гигантскую машину для

высасывания соков из подданых. Оно сковывало дальнейшее экономическое развитие общества и народ справедливо ненавидел Газневидов. Отсталая надстройка, типичная для периода перехода от рабовладельческого строя к феодальному, препятствовала полному оформлению феодальных производственных отношений, чего требовал достигнутый уровень производительных сил. Это противоречие делало неизбежным наступление экономического кризиса. Свержение тирании Газневидов стало условием дальнейшего развития порабощенных ими стран Среднего Востока.

Наиболее крупным газневидским правителем был Махмуд (997—1030 гг.), который совершил ряд крупных грабительских походов на Индию и отразил в 1006—1008 гг. вторжение орд кочевых тюркских племен, захвативших в конце X в. Мавераннахр. В 1017 г. он подчинил Хорезм, а в 1025 г. совершил поход на Бухару. Награбленные сокровища позволяли ему содержать сильную армию из гулямов и ополчений разных народностей[138], с помощью которой он подавлял сопротивление населения своей громадной империи. Махмуд окружил себя яркой плеядой способных военачальников и администраторов, преданных государю и безжалостных по отношению к народу. Административные и военные способности сделали его в глазах позднейших феодальных деятелей[139] образцом правителя. Тридцать три года Махмуд железной рукой правил громадной империей, беспощадно грабил соседей и собственный народ и сошел в могилу, так и не испытав возмездия за совершенные преступления, за акты дикого насилия и произвола. Но его «блестящее» правление подготовило жестокий кризис, который в ближайшее десятилетие после него привел к крушению реакционной Газневидской деспотии.

Складывание патриархально-феодальных отношений у кочевников аралокаспийских степей (V—XI вв)

Развитие скотоводческих степных племен Средней Азии значительно отставало от развития населения земледельческих областей. Экстенсивное, первобытное хозяйство степняков, основанное на сочетании примитив-

ного земледелия с пастушеским полуоседлым скотоводством[140], медленно эволюционировало, сменяясь почти таким же экстенсивным кочевым скотоводством с незначительными элементами земледелия[141]. В связи с этим медленно изменялся и общественный строй степняков. Полупатриархальные-полурабовладельческие отношения древности сменились постепенно отношениями патриархально-феодальными.

Быстрее шло развитие тех племен, в хозяйстве которых значительную роль играло земледелие и ремесло, например, у племен долины Сыр-Дарьи — тохаров, эфталитов. Гораздо более отсталыми были скотоводческие племена, жившие на территории современного северо-западного Туркменистана, Усть-Урта и Западного Казахстана. Эти области заселяли в первых веках н. э. племена аланов[142], в которых античные авторы видели потомков массагетов[143], хотя в действительности их этнический состав был, вероятно, сложнее. Севернее (в Приуралье) жили различные финноугорские охотничье-скотоводческие племена.

Видимо, в начале III в. н. э. на территории Западного Казахстана и Усть-Урта возник большой союз степных племен под главенством аланов, отнявших гегемонию у господствовавших здесь ранее аорсов[144]. Постепенно все вошедшие в союз племена слились в более или менее однородную массу под именем аланов. По данным античных авторов, массагеты — предки аланов — были кочевниками[145]. По китайской летописи Хоу-хань-Шу они сходны с кангюйцами и юечжи[146], т. е. были полуоседлым народом. Аммиан Марцеллин, впрочем, также пишет о плодовых рощах у аланов[147]. Вероятно не у всех алан-ских племен хозяйство было однородным. В основном эти племена были полукочевыми и скотоводческими со значительным удельным весом земледелия. Источники не позволяют говорить о классовых отношениях у аланов, хотя археологические данные о северокавказских аланах говорят о их значительном имущественном расслоении.

Аланы поклонялись мечу и вели бесконечные войны[148]. Их общественная организация в III—IV вв., очевидно, не поднялась выше военной демократии, что не исключает, а, напротив, предполагает наличие патриархального рабства.

Некоторое время — сообщают китайские летописи — аланы подчинялись Кангюйскому царству (по мнению С. П. Толстова кангюйским царством назывался в то время Хорезм), как и племенной союз Янь, расположенный, очевидно, в северном Казахстане и плативший дань мехами[149].

Позднее, в середине IV в. аланы вошли в состав еще более крупного союза племен, возглавляемого гуннами[150].

Гуннские племена, обитавшие в степях и пустынях Монголии, были типичными кочевниками-скотоводами и отчасти охотниками. Земледелие и ремесло у них были развиты слабо. Еще в III в. до н. э. на территории Монголии возник сильный союз гуннских племен. Гуннские орды обрушились на соседние страны, в т. ч. Китай и Среднюю Азию[151]. В I в. до н. э. часть гуннов переселилась в Семиречье, а затем двинулась в Центральный Казахстан. Движение гуннов в Казахстан не являлось актом экспансии гуннского союза в целом; сюда двинулись отдельные группировки, откочевавшие в результате внутренних конфликтов.

Гуннская держава, в состав которой входили и аланы, просуществовала до середины V века. За это время часть гуннов смешалась со среднеазиатскими степными племенами. Это сказалось на антропологическом составе[152] и, вероятно, на языке последних*. Об общественном строе степняков Средней Азии в этот период мы знаем особенно мало. Некоторые аналогии с восточноевропейскими гуннами V в. позволяют предположить, что здесь попрежнему господствовали патриархально-родовые отношения, сочетавшиеся с патриархальным рабством и даннническими отношениями между господствующим и подчиненными племенами. В этом обществе складывались классовые отношения, но они еще не победили окончательно.

Следующим этапом в истории азиатских кочевников было создание в VI в. н. э. тюркского каганата. Это было первое государство степняков-скотоводов[153].

Тюркские племена (ту-гю) жили на Орхоне и верхнем Енисее. В середине VI в. тюркские военные вожди (ка-

---

* Гунны принадлежали к монгольской расе. На языке какой семьи (тюркской или монгольской) они говорили, точно не установлено.

ганы), опиравшиеся на военную знать—бегов, подчинили себе окрестные степные племена и организовывали крупные грабительские походы на Китай и Среднюю Азию.

Среди тюркских племен возвышалась влиятельная военная знать — беги, владевшие громадными стадами скота и другими ценностями и эксплуатировавшие не только рабов и покоренные племена, но и своих сородичей. Все же назвать тюркское общество феодальным нельзя, т. к. основная масса народа оставалась еще свободной и эксплуатация соплеменников лишь начиналась. Большое значение имело рабство, целые племена подчинялись тюркской знати и низводились до положения рабов и клиентов[154]. «Попытки покончить со старой свободой первобытно-общинного строя, — пишет С. В. Киселев[155]— встречали, однако сильный отпор со стороны рядовых кочевников. Известия о постоянных возмущениях и восстаниях среди самих ту-гю и у подчиненных племен как раз и отражают это».

В 60-х годах VI в. тюркские каганы разгромили государство эфталитов и завоевали почти всю Среднюю Азию. Тогда же они подчинили степные племена аралокаспийских степей и подошли к границам Европы. В приаральские степи переселяются крупные массы тюркских кочевников, которые становятся здесь господствующей этнической группой. Тюркские племена появляются на верхней Аму-Дарье, на Атреке и даже в Сеистане[156]. Среди коренных обитателей степей распространяются тюркский язык и тюркские обычаи. В VII в. арабы уже путали тюрков и эфталитов[157].

В VIII в. тюркский каганат, разделившийся ранее на западный и восточный, окончательно рушится. К этому времени большинство приаральских степняков, кроме аланов Усть-Урта, восприняло тюркский язык.

В степях Средней Азии жило множество племен, каждое из которых носило особое название. Но с IX века все шире распространяется имя огузов. В X веке огузами стали называть почти все племена на территории арало-каспийских степей[158], кроме аланов и ясов, живших в окрестностях Сарыкамыша.

Огузские племена (их насчитывалось несколько десятков)[159] были этнически неоднородны и не составляли политического единства. В их состав входили центрально-

азиатские тюркские племена, а также коренные обитатели среднеазиатских степей и некоторые древние племена центрального Казахстана[160]. Наиболее значительными из огузских племен в IX—X вв. были салыры, жившие в низовьях Сыр-Дарьи, языры, занимавшие Мангышлак, Западный Усть-Урт и Балханы, кайы и баюндуры, кочевавшие в степях центрального Казахстана. Эти и другие огузские племена занимали огромную территорию от Эмбы, Каспийского моря и Атрека на западе, до гор Каратау и берегов Иртыша на востоке.

Основным занятием огузов в IX—X вв. было кочевое скотоводство[161]. Они разводили, главным образом, лошадей, верблюдов и особенно овец, т. е. животных, способных совершать большие переходы. Лишь у сырдарьинских огузов упоминаются быки. У огузов преобладали курдючные овцы, но были и овцы, близкие к нынешней каракульской породе, дававшие коричневые («красные») или черные смушки, очень высоко ценившиеся на рынках феодального Востока. Скот круглый год содержался на пастбищах, на подножном корму. Огузы сеяли люцерну, которая, вероятно, шла на корм скаковым коням. Помимо скотоводства, огузы занимались и земледелием, особенно в низовьях Сыр-Дарьи. Тюркский ученый XI в. Махмуд Кашгарский приводит много огузских терминов, относящихся к земледелию: эгин — пашня, ашлык — пшеница, тарыг — просо, юринча — люцерна и т. д.[162]. О технике земледельческого хозяйства у огузов мы почти ничего не знаем. Во всяком случае, своего хлеба им не хватало. Это известно из рассказов арабского путешественника X в. Ибн Фадлана. В результате недостатка хлеба в пищу употреблялись зерна некоторых дикорастущих злаков. Обычную пищу огузов составляло мясо и молоко.

Известное хозяйственное значение сохраняла охота. Географ Якуби, например, пишет, что огузы «больше всего едят дичь». Большое значение в хозяйстве некоторых огузских племен имела рыбная ловля на Каспийском и Аральском морях и особенно на Сыр-Дарье. У прикаспийских огузов существовало мореплавание, и они даже занимались морским разбоем. Ремесло у огузов было развито много слабее, чем в земледельческой полосе[163]. Наибольшее значение имела выделка войлока, кошм. Войлоком покрывались огузские юрты. Он шел также на

приготовление одежды и обуви (очевидно, типа современной чабанской накидки-ойлюк и войлочных сапог). Существовало также примитивное ткачество, обработка кожи, изготовление оружия, особенно луков и стрел. Ремесло имело домашний характер, не отделялось от сельского хозяйства.

Скотоводческое хозяйство огузов и других степных племен создавало у них излишек продуктов скотоводства при остром недостатке хлеба и ремесленных изделий. Поэтому на границе степной и земледельческой полосы Средней Азии издавна развивался широкий обмен между оседлыми ремесленниками и земледельцами с одной стороны, и кочевыми или полукочевыми скотоводами с другой[164]. Помимо хлеба, в страну огузов ввозились ткани, готовая одежда, сушеные фрукты, вероятно, также металлические и керамические изделия. Вывозились из страны огузов овчины, кожи, войлок, мясо, меха степных зверей. Огузы продавали кроме того скот (особенно баранов и верблюдов), а также рабов, захваченных во время междоусобных войн и набегов. В связи с быстрым ростом ремесла в земледельческой полосе и развитием кочевого скотоводства в степях все шире и шире развивалась торговля.

Для ведения торговли в огузскую степь отправлялись большие караваны, снаряжаемые купцами Хорезма, Мавераннахра и Хорасана. Каждый купец, отправляющийся в степь, должен был иметь «друга» из знатных огузов, у которого останавливался и под его защитой вел торговлю. Огуз, приезжая для торговли в города земледельческой полосы, также останавливался у своего «друга». Организация торговли была очень примитивной. Сохранились даже следы древнего обычая обмена «подарками», как зародышевая форма торговли.

У огузов существовала богатая и влиятельная знать, окруженная рабами, клиентами, дружиной. Некоторые ханы и беги имели до 100 тыс. овец и 10 тыс. лошадей[165]. У нас нет данных о существовании у огузов феодальной собственности на землю. Но, вероятно, беги, используя свой авторитет в родовых общинах, уже захватили право самовластно распоряжаться пастбищами и водными источниками, принадлежащими родам. Это давало им возможность эксплуатировать обедневших сородичей. Так постепенно у огузов стали развиваться элементы феодаль-

ных отношений, хотя данных о том, что эти отношения стали господствующими, нет. Основную массу общества все еще составляли свободные скотоводы, носившие название «эр». В огузских племенах появлялась беднота, которая не могла кочевать и оседала. Этих людей называли «ятуки»[166]. У огузов сохранялась родоплеменная организация. Но старые кровнородственные союзы огузов разлагались и переставали выступать в качестве реальных общностей. Возникали смешанные территориальные группировки из осколков слабых и подчиненных родов и племен, которые сосредоточились вокруг сильных военных вождей .Такие группировки обычно носили имя своего предводителя (сельджуки, ягмури и т. д.). Между знатью и простым народом развертывалась классовая борьба. Правда, в условиях сохранения значительных элементов патриархально-родовых отношений эта борьба была крайне затруднена и выступления трудящихся долго не приобретали организованного характера.

Огузская знать вела постоянные войны, нападая на соседние кочевые племена и земледельческие области. Излюбленным занятием огузских ханов и беков были грабительские набеги на соседей, совершавшиеся, как правило, осенью и зимой. Взаимные грабительские набеги создавали в степи невыносимую обстановку постоянной тревоги. Эти набеги разоряли бедноту, как кочевую, так и оседлую, но обогащали и возвышали знать.

Ведя войну, огузы стремились напасть на противника врасплох, часто ночью или на рассвете. В бою огузские родоплеменные ополчения, состоявшие, главным образом, из легко вооруженных конных лучников, окружали войско противника, осыпали его стрелами, стремясь ослабить, измотать врага. Лишь после этого следовала сокрушительная атака всей массы огузской конницы. Главную роль в атаке и рукопашном бою играли дружины ханов и беков, состоявшие из панцырных всадников с копьями, саблями, палицами и щитами. При поражении огузы быстро рассыпались по степи и стремились уйти от врага, а одержав победу, они неотступно преследовали разбитое войско противника вплоть до полного его уничтожения. Крепостей у огузов не было, но в бою они устраивали укрепленный лагерь из юрт и арб, сдвинутых кругом. Огузы искусно вели разведку и хорошо организовывали

охранение. Их излюбленным боевым приемом было притворное бегство передовых отрядов, которые должны были, убегая, навести преследовавшегося их неприятеля на главные силы огузов, стоявшие в засаде. Огузские войска были многочисленными, т. к. все огузы, кроме оседлых бедняков, являлись воинами.

Политическая история огузов в VIII—X вв. почти не известна. Сопоставляя рассказ «Родословной туркмен», составленной в XVII в. хивинским историком ханом Абулгази, и отрывочные сведения средневековых авторов, можно предположить, что в VIII в. племена огузов были разрознены, но в IX в. создались три значительных группировки этих племен — салырская в низовьях Сыр-Дарьи, кайы-баятская в Центральном Казахстане и язырская на Балханах и Мангышлаке. Салыры в конце IX века выдержали жестокую борьбу с печенегами. В эту борьбу вмешались другие огузские племена — кайы, баят и прочие, в результате чего салырская и кайы-баятская группировки объединились, и в начале X в. создалось огузское государство во главе с ябгу из племени кайы. Столицей огузов стал г. Янгикент в низовьях Сыр-Дарьи.

Государство янгикентских ябгу имело очень примитивную организацию. Власть ябгу была ограничена советом знати. Ябгу имел помощника, носившего титул «кударкин» и наделенного судебными полномочиями, а также имел визира, начальника войска и сборщиков налогов[167]. Некоторые советские историки считают, что государство у огузов в X в. еще не сложилось, а сохранилось племенное самоуправление.

В 30—40 гг. X в. (вероятно, при воинственном ябгу Канлы-Яули[168]) начались походы огузов на запад — сначала против печенегов и башкир[169], потом против хазар и булгар[170]. С 60 годов устанавливаются союзные отношения между огузами ябгу и киевскими князьями[171]. Одновременно развертывается война огузов против Хорезма[172].

В то же время шла острая внутренняя борьба между ябгу и мятежной феодально-родовой знатью отдельных племен[173], окончившаяся открытым мятежом влиятельного феодала Сельджука из племени кынык. В конце X в. Сельджук переселился на окраины бухарского оазиса, принял ислам и стал вассалом Саманидов[174].

Так сложилась сельджукская группировка, включав-

шая несколько десятков тысяч семей и кочевавшая на северной окраине Бухарского оазиса и в пустыне Кизыл-Кум. К концу своей жизни Сельджук так укрепил свою власть, что принял титул ябгу. Отделение сельджуков значительно ослабило сырдарьинских огузов. Это совпало по времени с усилением натиска со стороны кочевников-кипчаков (северных соседей огузов), и в начале XI в. сырдарьинское государство огузов было уничтожено[175]. Но союз прикаспийских кочевых племен под главенством языров, занимавший Балханы и Мангышлак, сохранился и, видимо, даже усилился. В XI в. сельджуки сыграли крупную роль в политической истории Среднего и Ближнего Востока.

С X в., а вероятно, и раньше часть огузов начинают называть туркменами. Это название носили первоначально те тюркоязычные степные племена, которые жили на границе с земледельческими областями. Туркмены в IX—X вв. не составляли особой народности. Так называли не только часть огузов, но и некоторые другие тюркские племена, например, карлуков Семиречья. В XI в. сельджуков очень часто также называли туркменами. Происхождение самого слова «туркмен» не выяснено.

Итак, в результате 800-летнего (с III по X в. н. э.) развития степные племена Средней Азии прошли путь от общинно-племенного самоуправления до возникновения государства. В их хозяйстве стало решительно преобладать кочевое скотоводство, а их общественные отношения стали патриархально-феодальными. В результате скрещивания и смешивания с центральноазиатскими племенами степняки Средней Азии приобрели монголоидные черты в физическом облике и восприняли тюркские языки.

ТУРКМЕНИСТАН В ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА (XI—XV вв.)

Туркменистан во второй половине XI и начале XIII вв.

Земледельческие области Туркменистана (Северный Хорасан и Хорезм), как уже говорилось, входили в первой половине XI в. в государство Газневидов.

С 1031 г. эмиром Газны стал Масуд, человек недалекий и взбалмошный. При нем произвол и поборы чиновников выросли еще больше. Начались феодальные мятежи, восстания оседлых крестьян и вооруженные выступления туркмен и других вассальных степных племен.

В 1031 г. по приказанию Масуда были вероломно перебиты 50 предводителей балханских туркмен — Ягмур, Кизыл, Бука и другие. Но эта кровавая расправа не запугала туркменские племена. С этого времени на северных границах Хорасана не прекращалась открытая война между туркменскими отрядами и газневидскими войсками[176]. В 1034 г. в южном Хорасане поднялось стихийное народное восстание оседлого населения. Доведенные до отчаяния крестьяне, вооруженные лопатами, серпами и палками, геройски сражались с панцырной газневидской конницей, руководимой опытнейшими полководцами[177]. Народное восстание удалось подавить лишь с большим трудом, но политическое положение в Хорасане продолжало оставаться крайне напряженным.

Хорасанская феодальная знать мечтала о свержении Газневидов, но боялась новых народных восстаний. Поэтому она, при посредстве суфийского духовенства и его главы, шейха Абу-Саида из Мейхене, обратилась за помощью к вождям туркмен-сельджуков[178].

Сельджукская знать по своему социальному характеру

была подходящим союзником для хорасанской знати. Ряд косвенных указаний позволяет утверждать, что сельджукская группировка ушла по пути развития феодальных отношений дальше, чем остальные среднеазиатские степняки (не считая арабских и тюркских племен Южного Туркменистана). Можно думать, что у сельджуков в начале XI в. уже сложились классовые, патриархально-феодальные отношения. Этому способствовало сближение их с феодальной Бухарой и принятие ислама. Сельджук и его потомки рассматривали весь состав своей группировки, как людей зависимых, обязанных службой[179] и стремились максимально усилить их эксплуатацию[180]. Это вызвало серьезный конфликт. В 1025 г. значительная часть туркмен отказалась подчиняться Сельджукидам и откочевала из Бухары в Южный Туркменистан[181].

Внешнеполитическое положение сельджукской группировки в это время было тяжелым. В самом конце X в. тюркские племена Семиречья и Тянь-Шаня, объединенные под властью династии Караханидов, уничтожили государство Саманидов и захватили Мавераннахр. Отношения сельджуков и караханидских тюрков были напряженными. Очевидно, это результат борьбы за землю. В 1034 г. основное ядро сельджукской группировки, после ряда столкновений, было вытеснено из Бухары и появилось через год в Нисе[182]. Сельджуков было около 10 тысяч. Ими руководили ябгу Муса (сын Сельджука) и его племянники Тогрул-бек и Чагры-бек[183], будущие основатели сельджукского государства.

Сельджукские вожди пытались договориться с Масудом Газневи, игнорируя интересы своего народа[184]. Они *обещали верно служить государю Газны. Но Масуд не* доверял им и попытался уничтожить пришельцев. Это вызвало ожесточенную пятилетнюю войну 1035—1040 гг. Вокруг сельджуков постепенно сплотились другие туркменские группировки[185]. Их поддержало также оседлое население Хорасана, особенно Мейхене, Серахса и Абиверда[186], ненавидевшее тиранию Газневидов. Народные волнения начались и в других городах[187]. Однако, руководство движением принадлежало сельджукской патриархально-феодальной знати, которая с самого начала взяла курс на тесный союз с хорасанской феодальной знатью и суфийским духовенством[188].

Используя народное негодование против Газневидов, вожди сельджуков нанесли газневидским войскам несколько поражений и провозгласили себя независимыми государями Мерва и Нишапура.

Зимой 1038 г. Масуд выступил в решительный поход против сельджуков с сильной армией в 40—50 тысяч человек и множеством боевых слонов. После ряда мелких стычек ему удалось в июле 1039 г. южнее Серахса разбить главные силы сельджуков. Однако сельджуки и после этого поражения не прекратили борьбы. Они отослали семьи и скот в глубь пустыни, а сами, уклоняясь от крупных сражений, непрерывно тревожили войско противника мелкими нападениями. Газневидское войско вынуждено было отступить к Герату, так и не добившись победы над неуловимым врагом, в руках которого остались Нишапур и Мерв. Осенью 1039 г. Масуд внезапным ударом отнял Нишапур у Тогрул-бека, но народные восстания в городах Хорасана помешали Газневидам закрепить свои временные успехи.

В мае 1040 г. армия Масуда Газневи была наголову разгромлена в бою у Данданкана (юго-западнее Мары). Хорасан был освобожден от Газневидов и для народа цель войны казалась достигнутой.

Сельджукская война 1035—1040 гг. вначале была войной степняков-сельджуков и оседлого населения Хорасана против газневидской деспотии, хотя ее возглавляла феодальная знать, мечтавшая в первую голову о власти и личном обогащении. Эта война привела к крушению газневидской тирании в Хорасане. Но после победы над Газневидами сельджукская знать предприняла крупные завоевательные и грабительские походы и постепенно завоевала весь Иран, Ирак, Закавказье, Сирию, Малую Азию и значительную часть Средней Азии. Характер войны коренным образом изменился. Она стала несправедливой, грабительской и это вызвало протесты против войны и даже восстание туркменского войска в 1038 году под лозунгом прекращения завоеваний.

Сельджукские завоевания привели к тяжелым бедствиям для трудящихся Закавказья и Передней Азии, к упадку культуры в этих странах. В процессе этих войн значительная часть огузов и других степных племен, принимавших участие в походах сельджуков, была переселе-

на в Азербайджан и Малую Азию, навсегда оторвавшись от своих среднеазиатских сородичей. В среде этих закавказских и малоазиатских огузов и сложился в XIV—XV вв. военно-феодальный эпос «Коркут-ата», который буржуазные националисты пытались без всяких оснований объявить «народным эпосом» среднеазиатских туркмен.

Сельджукское государство достигло максимальной силы при султанах Алп-Арслане (1063—1072) и Мелик-шахе (1072—1092). Создался стройный бюрократический аппарат[189], главой которого был визирь Низам-ал-мульк, поборник централизации и крепкой власти. Однако расцвет феодальных отношений обусловил, как и повсюду, быстрый развал централизованного государства и переход к феодальной раздробленности. Маркс пишет, что «Мелик-шах основал в своем государстве ряд ленных владений, раздробивших его царство на многочисленные мелкие государства» [190].

Как правило, каждый сельджукский царевич получал особый удел, имел свое войско, судил, собирал налоги и очень неохотно подчинялся султану — верховному правителю государства и главе рода Сельджукидов.

В конце XI в. на Среднем Востоке складываются типичные феодальные государства, основанные на иерархической военно-ленной системе.

Феодальная надстройка активно содействует оформлению и укреплению феодального базиса.

Конечно, сельджуки не могли принести в Хорасан какие-то новые, более высокие общественные отношения: наоборот, в период сельджукского вторжения на территорию Южного Туркменистана и вообще Среднего и Ближнего Востока, проникли крупные массы кочевников, носителей более отсталых патриархально-феодальных отношений.

Как мы видели, феодальные отношения у оседлого населения развивались задолго до сельджукского завоевания. Но кочевая сельджукская знать, создавая свое государство,широко использовала сложившиеся на Среднем Востоке феодальные учреждения, формы земельной собственности и т. п. и сделала их всеобщими[191]. Сложилась система наследственных удельных княжеств. Всеобщее распространение получила система икта[192]. Управление государством и командование войском из рук правительственных чиновников переходило в руки фео-

далов-эмиров и крупных иктадаров. Начинается фактическое закрепощение феодалами крестьянства. Оформляется феодальная иерархия: султан — владетельный князь (эмир, мелик, шах) — воин — иктадар. Эта «лестница» была очень близка к феодальной иерархии Западной Европы.

Дальнейшее развитие и укрепление феодальных производственных отношений, в то время еще новых и прогрессивных, способствовало дальнейшему успешному развитию производительных сил. XI—XII вв. были для Туркменистана временем значительного экономического подъема.

Продолжался подъем сельского хозяйства. Историк Самани, уроженец Мерва, называя ряд селений на территории Южного Туркменистана, неоднократно прибавляет: «селение обильное зеленью с обширными полями», «большое селение с большим благосостоянием», «селение изобилующее жизненными благами» и т. п.[193]. Упоминаются такие ирригационные сооружения, как водоподъемные колеса на реке Мургаб выше Мерва[194]. Результаты археологических исследований подтверждают вывод о значительном развитии сельского хозяйства в XI—XII вв.[195].

Из сказанного нельзя, однако, сделать вывод, что это благосостояние распространялось и на крестьянство. Напротив, положение крестьянства значительно ухудшается. Громадное большинство крестьян опускается до положения издольщиков (барзигар), появляются элементы крепостничества.

В сельджукский период широко распространяется институт икта, быстро эволюционирующий в сторону окончательного превращения в феодальную собственность на землю. Если раньше икта давался только на время и иктадар имел право лишь собирать с крестьян харадж в свою пользу, то в XI—XII вв. икта начинает приобретать характер наследственной земельной собственности, хотя акт передачи икта по наследству еще нуждался в утверждении султана[196]. Из сочинения Низам-ал-мулька «Сиасет-Намэ» можно сделать заключение, что иктадары увеличивали повинности крестьян сверх «законного» хараджа, захватывали их имущество, жен и детей, препятствовали переходу из одного селения в другое, т. е. постепенно за-

крепощали их[197]. Данные археологии показывают, что крестьянские поселения XI—XII вв. явно беднеют и приходят в упадок, сравнительно даже с периодом IX—X вв.[198]

Разорение и закабаление крестьянства вызвало массовое бегство крестьян, которые, видимо, устремлялись в города, как это было и в Европе[199].

Города Туркменистана в XI—XII вв. быстро росли и развивались[200]. Особенно вырос и расцвел Мерв — столица Сельджукидов.

Мерв сельджукидской эпохи, центром которого являлось нынешнее городище Султан-Кала, представлял громадный по средневековым понятиям город с великолепной мечетью, вблизи которой был позднее построен мавзолей султана Санджара — одно из лучших произведений среднеазиатского зодчества в средние века. В Мерве было несколько больших базаров, где продавались всевозможные предметы роскоши, ремесленные изделия,а также хлеб, зерно, овощи. Основой экономики Мерва было высоко развитое ремесло — производство шелка, сукна, высококачественной керамики. Развитие ремесла и отделение его от сельского хозяйства порождало в городе спрос на хлеб и овощи[201].

В Мерве имелись хорошие библиотеки, школы[202]. В северо-западной части города размещался Шахрияр-арк— царский дворец.

Вторым крупным городом Южного Туркменистана была Ниса. Раскопки, произведенные ЮТАКЭ, показали несомненное развитие в Нисе ремесленного производства и торговли и вообще интенсивный рост города. Особенные успехи делает керамическое производство. И глазурованная и неполивная посуда XI—XII вв. поражает своим качеством и богатством орнаментировки. Не менее изящна тонкостенная стеклянная посуда, часто из цветного стекла[203].

Значительный подъем наблюдается и в других городах на территории Туркменистана, в которых растут ремесленные кварталы керамистов, стеклодувов, металлистов, повсюду идет большое строительство, возводятся новые караван-сараи, мечети, минареты. Большой размах строительных работ вызвал усиленное производство кирпича, в том числе жженого[204].

В средневековых городах Туркменистана существова-

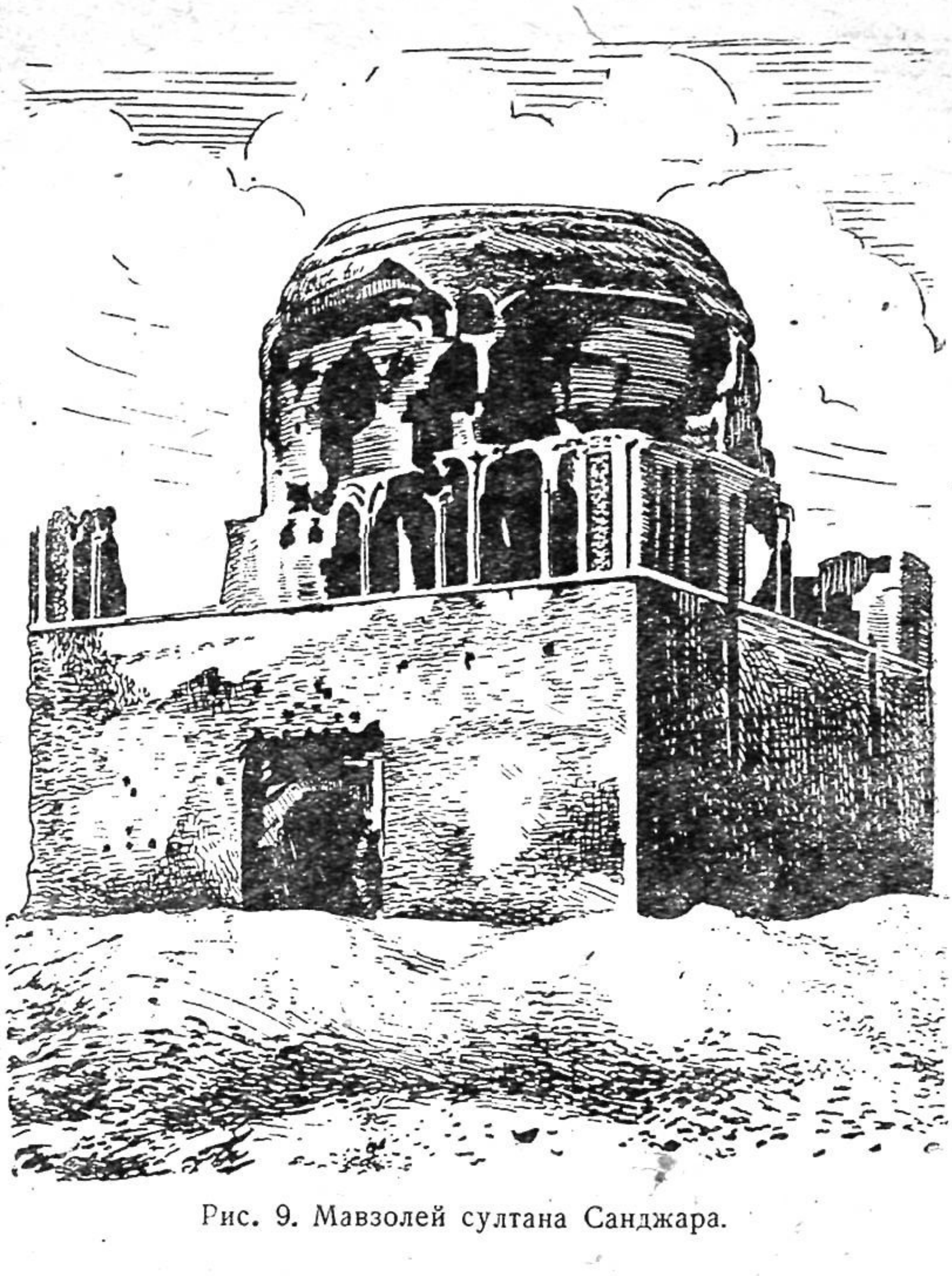

Рис. 9. Мавзолей султана Санджара.

ли организации различных сословий (феодалов, купечества, плебейства), попрежнему выступавшие в виде религиозных сект и толков (шафииты, ханифиты, шииты и др.)[205]. Дело порой доходило до кровавых столкновений между различными слоями городского общества или между горожанами и феодалами[206].

На территории Туркменистана широко развивались

товарно-денежные отношения, в которые втягивалось и сельское население. Это видно из значительного распространения технических культур в XII в.[207] и из наличия обломков отличной глазурованной керамики городского производства на всех развалинах сельских поселений, в т. ч. и крестьянских сел XI—XII вв.[208]. Вероятно существование в XII в. ряда местных рынков, тяготевших к городам Дехистана, Так (Шахрислам), Ниса, Абиверд, Мейхене, Серахс, Мерв и др. Типичным небольшим городком—центром сельскохозяйственного округа—был город Мейхене (Мехне) близ современного аула Меана. В нем существовало производство стекла, керамики, железных и медных изделий. С другой стороны, в Мейхене велась оживленная торговля продуктами сельского хозяйства, например, в одном лишь каравансарае Идрис находилось 40 весов для взвешивания хлеба[209].

Но, помимо внутренней торговли между деревней и ремесленным городом, а также между оседлыми земледельцами и кочевниками-скотоводами, все более значительные успехи делала транзитная торговля. Для Хорасана особенное значение получила старая торговая дорога через Амуль и Мерв, Серахс и Нишапур. В XI—XII вв. на этой дороге, являвшейся одним из величайших мировых торговых путей того времени, создаются новые укрепленные каравансараи, рабаты, станции, крытые водохранилища (сардоба). Особенно великолепен был каравансарай между Мервом и Амулем, называемый в настоящее время Акча-Кала. На наиболее трудных участках пути в песках сооружались сигнальные башни. Вся дорога усеяна обломками керамики, стекла и т. п., подтверждающими *оживленное движение по этому торговому пути*[210].

Классовая структура Туркменистана XI—XII вв. сложна и изучена еще недостаточно. Феодальный класс состоял из ряда категорий: владетельные князья (наследственные правители уделов и областей), многочисленные иктадары, феодально-родовая знать кочевых племен, земско-городской патрициат (связанный с бюрократическим аппаратом)[211], немногочисленные остатки древних дехканских фамилий, уцелевших кое-где в горах Копет-Дага[122]. Неоднородным было и крестьянство: в Хорасане сохранились старинные сельские общины[213], а в Хорезме преобла-

дали общины большесемейные[214]. Общины того и другого рода жили в укрепленных селениях и хуторах и эксплуатировались классом феодалов путем уплаты хараджа государству или непосредственно иктадарам. Кроме того, издольщики вынуждены были отдавать значительную часть урожая владельцу земли. Важную часть класса крестьян составляли рядовые общинники степных и горных скотоводческих племен, сохранившие патриархально-родовую организацию, но подвергавшиеся феодальной эксплуатации со стороны своей феодально-родовой верхушки. Таким образом, в XI—XII вв. почти все крестьянство Туркменистана подвергалось феодальной эксплуатации и постепенно низводилось до положения крепостных.

Впрочем, крепостничество не развивалось в той степени, как в Европе, т. к. интенсивное поливное земледелие требовало более квалифицированного и инициативного работника с возможно большей заинтересованностью в труде.

Помимо феодалов и крестьянства — основных классов феодального общества — существовали и другие классы и общественные прослойки — рабы и торгово-ремесленное население городов. Рабство в Туркменистане сохранялось как уклад, хотя давно уже не составляло основы производства. Рабы больше использовались в качестве домашней прислуги, чем в качестве рабочей силы в ремесле и сельском хозяйстве. Купечество делилось на крупных торговцев (базарган) и мелких лавочников, «людей базара»[215]. К последним примыкали многочисленные ремесленники, делившиеся на мастеров (уста) и учеников (шагирд) и организованные в цехи[216]. Наконец, часть степных племен (особенно на Усть-Урте и Мангышлаке) все еще, очевидно, оставалась на дофеодальной стадии развития и поэтому сохраняла значительный слой свободных и полноправных мелких собственников, унаследованный от эпохи патриархально-родового строя.

В условиях окончательного оформления феодальных отношений огромная империя Сельджукидов, разноплеменная и разноязычная, лишенная прочной экономической базы, быстро разваливается. К концу XI в. потерпела полную неудачу централизаторская политика Низам-ал-мулька[217], правители уделов становятся фактически самостоятельными[218], власть султана все более ограничи-

вается крупными феодалами, захватившими власть на местах. Они имели войско, творили суд и расправу над населением своих владений и оказывали серьезное влияние на общегосударственные дела путем участия в феодальном совете при султане[219].

Этот процесс особенно усилился при султане Санджаре (1100—1157). Санджар вошел в историю как верный защитник прав и привилегий феодальной знати [220], но это не спасло его от мятежей феодалов, ставших обычным явлением. Свыше 25 лет, например, продолжалась борьба Санджара с его непокорным вассалом — хорезмшахом Атсызом. Атсыз не составлял в этом отношении исключения. В то же время народ нищает, классовые противоречия обостряются до крайности, у населения растет ненависть к сельджукидским правителям. Это отражено в широко распространенной на Востоке легенде о старухе и Санджаре[221].

В несколько особом положении находились степные скотоводческие племена. Часть их оседала на землю (например, в Мерве), но большинство еще оставалось кочевниками.

В XII в. все шире распространяется слово «туркмены» как общее название ряда степных племен. Это явление несомненно отражало процесс формирования туркменской народности. Но этот процесс не был закончен в XII в. Напротив, слово «огузы» больше не употреблялось как общее, собирательное название. Огузами стали называть лишь одну группу степных племен, жившую в середине XII в. в районе Балха. Туркмены и другие кочевые племена занимали Мангышлак, Балханы, Атрекские степи, жили также в районах Серахса, Балха и Земма (Керки). Часть туркмен оставалась еще на Сыр-Дарье и в Бухаре, мелкие группы проживали в разных областях Ирана. В XII в. у большинства туркменских племен сложились патриархально-феодальные отношения. Этому способствовала политика Сельджукидов, которые рассматривали феодально-родовых предводителей как «законных правителей» племен, а трудовую массу как их подданных[222]. Бесконечные феодальные войны XI—XII вв. также должны были возвысить феодально-родовую знать и принизить положение бедноты.

Степные туркменские племена XI—XII вв. вели ожив-

ленную торговлю с оседлым таджикским и хорезмским населением и постепенно смешивались с ним[223].

Сельджукиды не только использовали туркменские и другие степные племена как военную силу, но и облагали их всевозможными поборами[224]. Это усиление феодальной эксплуатации вызвало в 1153 г. восстание огузов, карлуков, халаджей и других тюркских племен в районе Балха[225]. Султан Санджар, выступивший по настоянию эмиров на подавление восстания, был дважды разбит огузами, бежал в Мерв, но его настигли и взяли в плен[226]. В Хорасане воцарилась феодальная анархия, а в ряде городов началось народное восстание[227].

Движение огузов вначале носило антифеодальный характер, но вскоре «своя» феодально-родовая знать сумела встать во главе народной массы и использовать успех движения для организации грабительских набегов и завоеваний, что особенно ярко сказалось в походах 1158—1160 гг. и позже[228]. «Каждый из огузов и хорасанцев завладевал какой-нибудь из местностей Хорасана и проедал ее доходы»,— пишет историк Ибн ал-Асир[229]. Мерв и Серахс захватил огузский вождь — мелик Динар, Балх — союзник огузов эмир Зенги, Абиверд — хорасанский феодал Муайид ай-Аба, Балханы и Ахал захватил Ягмур-хан язырский*, Нису и Дехистан — феодальный авантюрист Инак[230]. Часть степняков (главным образом халаджи) ушла в Индию[231]. Южный Туркменистан был жестоко разорен[232]. Вторжение в него крупных масс огузов и языров, несомненно, повысило роль экстенсивного скотоводства за счет земледелия, хотя постепенно кочевники, особенно языры, оседали и переходили к земледелию[233].

Однако эта анархия была сравнительно быстро пресечена в связи с возвышением государства хорезмшахов. Хорезм усилился еще при Атсызе (1127—1156).

Опираясь на сильное войско, основу которого составляли ополчения кипчаков, хорезмшахи начинают завоевание соседних феодальных княжеств. Иль-Арслан (1156—1172) захватил Дехистан и Нису, Текеш (1172—1200) — Ахал, Нишапур и Мерв; при этом Текеш систематически

---

* Глава язырского союза племен. В 60 гг. XII в. язиры захватили Ахал и осели в нем, перейдя к земледелию.

уничтожал местные династии, заменяя их своими сыновьями и наместниками[234]. Одновременно с начала XII в. хорезмшахи подчинили себе туркмено-огузские племена Мангышлака, Балхан и Сыр-Дарьи[235]. В правление Мухаммеда II (1200—1220) Хорезм превратился в одно из сильнейших государств Ближнего и Среднего Востока. Был завоеван Самарканд, большая часть Ирана, совершались походы на Багдад, в Кашгарию и в глубину кипчакских степей (Дешт-и-Кипчака).

Временное прекращение феодальной анархии способствовало дальнейшему подъему производительных сил, развитию товарного производства, внешней и внутренней торговли. Быстро растет Ургенч (нынешний Куня-Ургенч), столица хорезмшахов, крупный торговый и ремесленный центр, через который шла торговля Средней Азии с Восточной Европой в. т. ч. с Киевской Русью. Хорезмшахи упорно боролись за овладение торговыми путями на Русь и после длительных войн захватили города Мангышлак и Саксин в северной части побережья Каспийского моря, через которые шли эти пути. Недаром в средние века русские стали называть Каспийское море Хвалисским, т. е. Хорезмским морем. В начале XIII в. в Ургенче жило много русских[236].

Развивается сельское хозяйство, ремесло, внутренняя торговля. Географ Якут так описывает Хорезмскую область в начале XIII в.: «Я... никогда не видел области более процветающей, чем она. Несмотря на то, что почва ее дурная и расположена на болотах с множеством мест, где просачивается вода, в ней непрерывная возделанная полоса с селениями, расположенными близко друг к другу. В их степях множество отделанных домов и замков. Редко где падает твой взор на невозделанное место среди их волостей. Все это при обилии деревьев, преобладающее количество которых тутовые и ивовые. Они нуждаются в них для построек и корма шелковичных червей. Нет разницы — идти ли по всем их волостям, или идти по рынкам. И не думаю, чтобы в мире были где-нибудь обширные земли шире хорезмских и более населенные (при том, что жители) приучены к трудной жизни и к довольству немногим. Большинство селений Хорезма — города, имеющие рынки, жизненные блага и лавки. Как редкость бывают селения, в которых нет рынка... не ду-

маю, чтобы в мире был (город) подобный главному городу Хорезма по обилию богатства и величине...»[237].

Значительный подъем экономики Хорезма подтверждается и археологическими данными[238]. Выросла ирригационная сеть, строились новые города, крепости. Развалины хорезмских городов и сел усыпаны множеством обломков дорогой посуды, отчасти местной, отчасти привозной. Улучшаются караванные пути, возводятся новые караван-сараи.

Однако, судя по материалам, полученным в результате работ ЮТАКЭ, этот экономический подъем почти не затронул периферию государства хорезмшахов. Мерв, сильно пострадавший во время восстания огузов против Санджара, не восстановил прежнего благополучия, хотя оставался крупным ремесленно-торговым и культурным центром.

Вместе с тем, этот прогресс феодального общества совершался за счет усиления эксплуатации трудящихся масс. В период правления хорезмшахов усиливается закабаление и закрепощение крестьян[239].

Основой государственной системы хорезмшахов оставалась прежняя система раздачи икта воинам и чиновникам. Крупные иктадары, вроде хорасанского мелика Туган-шаха, владели целыми областями, имели свою канцелярию (диван), самостоятельно назначая чиновников. Крупным иктадарам принадлежало также право суда и административная власть в своих владениях, причем, иктадары и их судьи могли приговаривать людей даже к смертной казни. Крупный иктадар имел свои войска и крепости. Хорезмшах Текеш в своей грамоте на имя Туган-шаха говорит о последнем, как о носителе государственной власти, представителе самого хорезмшаха, и приказывает крестьянам, ремесленникам и прочему населению, проживающему во владениях Туган-шаха, беспрекословно повиноваться ему и аккуратно вносить налоги: «да вносят они сборщикам подати того дивана ежегодно подать и налоги полностью и целиком, без представлений каких-либо мешающих сему извинений и отговорок; да признают они приказ благородного господина... наравне с нашим приказом и его слово наравне с нашими распоряжениями»[240].

Таким образом, в XII в. крупный иктадар являлся

носителем политической власти, обладал судебным и, очевидно, налоговым иммунитетом (хотя бы неполным), имел собственный аппарат управления и войско, а трудящееся население его владений оказывалось не только в экономической, но и в юридической зависимости от него (хотя бы потому, что было подсудно ему). Государство хорезмшахов, как и всякое феодальное государство, активно способствовало укреплению феодального базиса и, прежде всего, развитию феодальной собственности на землю и усилению власти феодала над трудовым населением — крестьянами и ремесленниками.

Историки иногда сравнивают хорезмшахов с французскими королями XII—XIII вв., которые упорно боролись с феодальной раздробленностью, опираясь на дворянство и города. Но в действительности мы не видим, чтобы среднеазиатские города служили опорой хорезмшахов. Напротив, Мухаммед II разрушил стены ряда городов, в частности Нисы, чтобы ослабить и обезоружить их[241]. Дело в том, что и в XII в. мы не наблюдаем в Средней Азии достаточно широкого и мощного движения городов за самоуправление, подобного коммунальному движению западноевропейского средневековья. Города все еще крепко удерживались феодальными владетелями и не представляли ценного союзника с точки зрения центральной власти, тем более, что сама верхушка городского населения была неразрывно связана с феодальными элементами[242]. Хорезмшахи опираются не на торгово-ремесленные города, а на феодально-племенную знать кочевых племен, свою главную военную силу. Это несомненно снижает прогрессивность объединительных тенденций хорезмшахов по сравнению с европейскими государями. Отсталые кочевые племена не могли быть надежной опорой централизованной монархии. Это доказал успех интриги Туркан-хатун (матери хорезмшаха Мухаммеда II), сумевшей создать конфликт между Мухаммедом II и кипчакской знатью непосредственно перед нашествием монголов[243]. А другой опоры хорезмшах не имел.

Итак, земледельческая часть Туркменистана в XII в. представляла собой типичную феодальную страну с высокоразвитым поливным земледелием, крупными ремесленно-торговыми городами, с растущей внутренней

торговлей (в пределах местных рынков). По уровню производительных сил, материальной и духовной культуре, она стояла в числе передовых стран мира. Наряду с этим, на территории Туркменистана находилось много отсталых степных племен, экстенсивное скотоводческое хозяйство которых не смогло породить ничего выше патриархально-феодальных отношений. Феодальные правители Хорасана и Хорезма стремились подчинить себе степные племена, превратить их в эксплуатируемый «райят»*. С другой стороны, степные племена не раз вторгались в земледельческие районы, грабили их, захватывали землю и частично оседали на ней, смешиваясь с оседлым населением. Это оседание способствовало социально-экономическому развитию степняков, но частые набеги и вторжения тормозили развитие земледельческих областей.

Все же в XI—XII вв. сохранялось прежнее положение: основную массу оседлого земледельческого и городского населения составляли таджики в Северном Хорасане и хорезмийцы в низовьях Аму-Дарьи, а основную массу степняков скотоводов — различные тюркоязычные племена, за которыми все больше укреплялось общее название «туркмены». Но параллельно смешиванию населения шло и скрещивание языков, в частности, обогащение тюркских языков таджикскими корнями.

Туркменистан в XIII—XV вв.

В 1220—1221 гг. Средняя Азия была завоевана монголами Чингис-хана. Монгольское завоевание и монгольское иго сыграли глубоко реакционную роль в истории Азии и Восточной Европы, задержав развитие всех стран, завоеванных монгольскими ханами. Ряд стран был отброшен далеко назад. Так, например, на Алтае[244] и в Семиречье[245] была почти уничтожена древняя земледельческая культура, которая сменилась отсталым кочевым скотоводством. Почти то же мы наблюдаем в Туркменистане.

Монгольские племена — кочевые скотоводы и охотники—были наиболее отсталыми степными племенами Центральной Азии. Монгольская империя Чингис-хана, осно-

---

* Податное крестьянское сословие.

ванная в 1206 г., была типичным раннефеодальным государством, гораздо более отсталым, чем окружающие ее феодальные государства оседлых или полуоседлых племен и народностей. Монгольские завоевания носили вначале характер крупных грабительских набегов, но позднее, с 1217 г. стали сопровождаться захватом земледельческих областей[246]. Как общее правило, часть покоренного населения обращалась в рабство, в первую очередь ремесленники, т. к. у самих монголов ремесло было развито крайне слабо.

Монгольское нашествие на Китай, Средний Восток и Русь совершилось в пору расцвета феодальных отношений в этих странах, когда производственные отношения в общем соответствовали производительным силам, а надстройка — базису. Монгольское завоевание не принесло и не могло принести ничего положительного. Оно означало перерыв в нормальном развитии общества и восстановление многих архаических институтов (патриархально-родовые пережитки, рабство). Оседлое трудовое население не ожидало от монгольских завоевателей ничего хорошего и поэтому оказывало монголам героическое сопротивление. Монголы смогли на время подавить это сопротивление лишь путем систематического террора, разорения и массовых убийств. Поэтому монгольское нашествие, сопровождалось невиданным еще разрушением производительных сил и запустением целых областей, стало катастрофой небывалых размеров.

Среднеазиатские феодалы частью эмигрировали, частью пытались сопротивляться монголам и погибали поодиночке, но большей частью покорялись завоевателям. Хорезмшах Мухаммед II бежал, бросив царство. Султан Джелал-эд-дин, его сын, пытался объединить феодальные дружины и ополчения кочевых племен и дать отпор монголам, но был разбит, превратился в обычного феодального авантюриста и погиб в Закавказье в 1231 г. Феодалы, боясь народа, не сделали серьезной попытки поднять народную войну против захватчиков[247]. Между тем, народные массы Средней Азии оказали монголам стойкое сопротивление, подавленное лишь потому, что оно не было возглавлено и объединено.

Особенно упорно сопротивлялось население, жившее на территории Туркменистана. Часть туркменских племен,

оставшаяся на Сыр-Дарье, первая выступила против монголов, но потерпела поражение[248]. Уцелевшие жители бежали к своим сородичам в окрестности Мерва. Власть в Мерве захватил туркменский вождь Бука, собравший значительное войско и отказавшийся подчиниться монголам[249].

Монгольские отряды опустошили бóльшую часть Хорасана, истребляя население сопротивлявшихся городов, но Мерв держался твердо, отбивая все нападения. Лишь весной 1221 г., после того, как возникли разногласия между степняками-туркменами и жителями города, монголы сумели порознь нанести поражение сначала туркменам, а затем и мервцам. Город был разорен[250]. Несколько позже после героической обороны пал Ургенч. Покорились и остальные области Хорасана и Хорезма, беспощадно разграбленные и опустошенные завоевателями. Монгольское нашествие было страшным бедствием для Средней Азии, как и для всех захваченных монголами стран. Маркс отмечал в своих «Хронологических выписках»: «...Орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к чорту». (Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 220).

Но власть монголов в Хорасане была еще слаба. Большинство феодалов платило дань монголам, но в то же время читало хутбу (т. е. официально признавало правителем) на имя Джелал-эд-дина или его брата Гияс-эд-дина, а фактически не признавало никакой власти[251]. В стране, несмотря на разрушения и грозящую опасность, *не прекращались феодальные междоусобные войны.* Народ все еще пытался сопротивляться монголам. Мерв снова стал центром антимонгольской борьбы, но в 1223 г. был окончательно разрушен завоевателями и вся область его захирела, т. к. была разрушена и заброшена ирригационная система. В 1229 г. монгольские войска вновь с огнем и мечом прошли Хорасан, окончательно разгромили Джелал-эд-дина, и над разоренной, залитой кровью страной установилось тяжкое иго монгольских ханов.

После анархии 30—40 гг. XIII в. и недолгого правления наместника монгольских ханов — эмира Аргуна (1243—1246) Хорасан входит в состав государства Хула-

гуидов (1256—1335)*. Первые Хулагуиды были типичными монгольскими ханами и правили страной, опираясь на многочисленные ополчения монгольских и тюркских кочевых племен[252]. Ханы отобрали огромное количество земель у местных феодалов и сделали ее своей собственностью (инджу). В первую очередь были захвачены земли, удобные для выпаса скота[253]. Сами ханы кочевали обычно в Азербайджане, а их наследники—в восточном Хорасане (Теджен, Серахс, Бадхыз)[254]. Оседлое население было обложено чудовищными повинностями и разбегалось, бросая землю[255]. Восстановились рабовладельческие отношения в ремесле и земледелии (особенно на землях инджу)[256]. Жалкое существование влачили города Хорасана, систематически ограбляемые и разрушаемые монгольскими феодальными хищниками[257]. Нелегко приходилось и кочевым племенам, так как их привилегированное положение не освобождало их от тяжелых налогов и патриархально-феодальной зависимости от кочевой знати[258]— главной опоры Хулагуидов. Налицо был явный упадок страны, значительное усиление роли экстенсивного кочевого скотоводства, восстановление патриархального хозяйства и наиболее примитивных и грубых форм эксплуатации.

Это в первую очередь относится к северному Хорасану, ставшему районом постоянных военных столкновений Хулагуидов с чагатайским улусом[259]. Мы видим явный упадок городов и земледелия, особенно в Мерве, но отчасти также и в Прикопетдагской полосе. Зато источники постоянно упоминают о многочисленных кочевых ордах монгольских ханов и тюркских эмиров, особенно на территории юго-восточного Туркменистана[260].

И раньше в составе рабовладельческой и феодальной знати на территории Туркменистана, как и всего Среднего Востока, мы видели две группировки — экономически более передовую знать оседлых народностей, связанную с земледелием и городским ремеслом, и более отсталую разбойничью знать кочевых и полукочевых скотоводческих племен. Это деление эксплуататорской верхушки общества было выражением того общего взаимоотношения между оседлостью одной части племен и народов

* Хулагуиды — потомки Хулагу-хана, монгольского царевича, который в 1256—58 гг. завоевал Иран, Ирак и Закавказье.

Востока, в т. ч. и Туркменистана, и продолжающимся кочевничеством другой части, которую отмечал Маркс. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1948, стр. 73). Но если в IX—XII вв. первенство принадлежало земледельческо-городской знати, то после монгольского нашествия положение стало обратным.

Лишь постепенно отсталая монгольская кочевая знать воспринимает средневосточные феодальные обычаи и учреждения, частично сближается с местными феодалами. Решительный поворот в этом отношении связан с правлением хана Газана (1295—1304). Он раздавал своим воинам как монголам, так и таджикам земли и крестьян на правах икта, наследственно и юридически прикрепив крестьян к земле этих иктадаров, разрешая феодалам искать беглых крестьян в течение 30 лет. Так развивается полное крепостничество. В то же время Газан-хан принял ислам, упорядочил налоговую систему и администрацию. Таким образом, развитые феодальные отношения, ослабленные монгольским нашествием и частично сменившиеся патриархально-феодальными отношениями, вновь до известной степени восстанавливаются, но (для территории Туркменистана) с той серьезной разницей, что поливное земледелие и городское ремесло было подорвано, сокращаются товарно-денежные отношения, хозяйство приобретает в большей степени натуральный характер. В частности, вместо хлопка, риса, кунжута, овощей, винограда мы в XIV в. повсеместно встречаем упоминания лишь о хлебе, фруктах и дынях[261]. В экономической жизни значительно выросла роль кочевых племен, а в политической жизни ведущая роль перешла в руки наиболее реакционной части феодального класса, в руки патриархально-феодальной кочевой знати, эксплуатирующей как соплеменников-кочевников, так и оседлых земледельцев.

Упорная борьба между двумя названными группировками феодальной знати привела во второй четверти XIV в. к целой серии феодальных усобиц и распаду государства Хулагуидов. В юго-западном Хорасане вспыхнуло движение сарбедаров, в котором главную роль играли ремесленники и крестьяне, но к которому частично примкнули мелкие феодалы и городская знать. Сарбедарам удалось освободить от монголов юго-западную

часть Хорасана и создать там свое государство. Государство сарбедаров просуществовало с 1336 по 1387 г.; их движение вызвало ряд откликов в Средней Азии[262], где измученное оседлое население также поднялось против засилия кочевой знати. Но большая часть хулагуидских земель досталась именно этой тюрко-монгольской аристократии. В Азербайджане сложились владения западно-туркменских династий Ак-коюнлу и Кара-коюнлу, большую часть Южного Туркменистана захватил Аргун-шах, вождь племени чунгурбани. Это феодальное государство держалось до 1384 г., включая в себя Мерв, Атек, Ахал и часть Южного Хорасана с городами Мешхед и Тус. Юго-восточные окраины Туркменистана подчинились Куртам, феодальным правителям Герата, Дехистан — эмиру Вали[263].

С начала XIV в. все более определенно вырисовывается различие исторического развития Северного и Южного Хорасана, приведшее позднее к разделению этой области, некогда единой в экономическом, этническом и политическом отношениях. Если в Южном Хорасане (южнее хребта Копет-Дага) победили в основном местные оседлые элементы, что сказалось в победе антимонгольского движения и создании государства сарбедаров, то в Северном Хорасане (современный Южный Туркменистан от Кизыл-Арвата до Мерва и Тахта-Базара), где природные условия были особенно благоприятны для кочевого и полукочевого хозяйства, прочно укрепилась кочевая тюрко-монгольская знать, а уцелевшее после монгольского завоевания немногочисленное оседлое население было в значительной мере ассимилировано кочевыми племенами. В XV в. Хорасан обычно делили на две части — на Хорасан Али-Муайяда (главы сарбедаров), т. е. Южный, и Хорасан Али-бека (преемника Аргун-шаха), т. е. Северный. Позднее этнические и экономические различия между Северным и Южным Хорасаном все более усиливались и, наконец, старое название осталось только за Южным Хорасаном, ныне входящим в состав иранского государства. Коренное оседлое население Северного Хорасана вошло в состав туркменского народа, сохранив многие свои производственные навыки и культурные традиции, вошедшие неотъемлемой составной частью в туркменскую культуру.

История Северного Туркменистана в XIII—XIV вв. изучена очень плохо. Ургенч, разрушенный монголами, скоро был восстановлен, т. к. через него прошла основная караванная дорога XIII—XIV вв., связывавшая Восточную Европу с Китаем[264]. В XIVв. Ургенч стал наиболее крупным и богатым городом на территории Туркменистана и одним из крупнейших торговых центров Среднего Востока с большими оживленными базарами, множеством ремесленных мастерских, великолепными зданиями. Ургенч был хорошо известен не только восточным, но и западноевропейским купцам. «Кто отправляется с товарами,— пишет Франческо Пегалотти, флорентийский купец XIV в.,— тому следует пройти в Органчи (Ургенч), так как там идет бойкая торговля». Но, несмотря на блеск и богатство Ургенча, Хорезм в целом не достиг прежнего уровня[265]. Сильно пострадала ирригационная сеть. Воды Аму-Дарьи прорвались в Сарыкамышскую впадину, заполнили ее, затопили некоторые раннесредневековые городки[266] и, возможно, частично обводнили Узбой. На Дарьялыке возник ряд небольших городов, в т. ч. и Вазир. Обводнение Дарьялыка и Сарыкамыша, несомненно, должно было способствовать развитию земледелия у некоторых северных туркменских племен. Об этом прямо говорит «Родословная туркмен», составленная в XVII в. хивинским ханом Абулгази.

Стягивание туркмен на Мангышлак и Балханы можно отметить еще в XI в.[267]. В этих удаленных и бедных областях меньше чувствовался гнет, сюда реже направлялись грабительские походы феодальных государей. Здесь складывались союзы степных туркменских племен, еще не достигших феодального уровня развития — язырский, мангышлакский. Языры в XII в. двинулись всей массой на более богатый юг и осели в западной части Ахала. Но, несомненно, что монгольское нашествие заставило многие туркменские племена бежать на бедный, но относительно спокойный и свободный север; как это бывало и позже.

Мы не знаем подробностей дальнейшей судьбы этих племен, но известно, что они были подчинены Золотой Орде. «Родословная туркмен» говорит, что в середине XIV в. золотоордынские ханы распоряжались Большими Балханами. Туркменские племена обязаны были платить

золотоордынским ханам налог скотом, выставлять воинов и пасти ханский скот[268]. Таким образом, они находились в феодальной зависимости от Золотой Орды. Туркменская знать являлась военными вассалами, а трудящаяся масса платила феодальную ренту — отработочную и продуктовую. Это говорит о низком уровне развития хозяйства (отсутствие денежной ренты). Показательно, что в последующем многие туркменские вожди носят золотоордынские звания, например, «онбеги»[269]. Значительную часть туркменских племен называют «саинхани»[270], т. е. союнхановские, батыевские*. Но власть монголов на этих окраинах была слаба. Это видно хотя бы из того, что по словам «Родословной» здесь укрывались беглые монголы[271]. «Родословная» также сохранила воспоминания о восстаниях туркмен против монгольских ханов в 60-х гг. XIV в.[272]. Эта упорная борьба завершилась успехом в конце XIV в., когда, после победы русских войск на Куликовом поле, Золотая Орда стала быстро ослабевать. Освободительная борьба русского народа способствовала освобождению из-под тяжелого монгольского ига других народов, в том числе туркмен.

На Балханы и на Узбой бежало немало народа, спасавшегося от монгольского рабства. «Родословная» рассказывает, что из таких беглецов складывались целые племена. «Родоначальником» племени хызр-или был, якобы, богатый бай Хызр-джура, занимавшийся земледелием в районе колодцев Куртыш на верхнем Узбое. «Четыре монгола пришли и поступили к Хызр-джуре в работники. Затем шесть салыров пришли и тоже поступили в работники. Все они разбогатели. С разных сторон собрались голодные, отощавшие и ограбленные и, присоединившись к ним, поселились»[273]. Это вполне соответствует рассказам историков XIV в. о массовом бегстве оседлого крестьянства от хулагуидских феодалов[274]. Население Северного Туркменистана XIII—XIV вв. вследствие всего этого было весьма смешанным и несомненно очень бедным.

В период монгольского владычества здесь возникают из осколков старых огузских и других степных племен и

---

* Союн-хан — прозвище Батыя.

массы пришлого люда, новые «племена», которые фактически были смешанными по этническому составу территориальными группировками — эрсари, алили, ёмут и др. Лишь некоторые огузские племена (салыр, човдур) сохранили свое значение и старое племенное имя, но и они, несомненно, включили в свой состав много инородного элемента. Политическую историю этих группировок восстановить трудно. Можно думать, что в конце XIII в., в обстановке временного ослабления Золотой Орды (усобица Ногая), на Балханах возникает сильное полунезависимое эрсаринское объединение. Заботы его главы Эрсари-бая о распространении ислама[275] позволяют предположить, что классовые противоречия у балханских туркмен были острыми и знать нуждалась в усилении идеологического воздействия на недовольные массы. Из «Родословной» известно, что пришлая беднота подвергалась довольно значительной эксплуатации[276]. Позднее на первый план вновь выдвигаются салыры, возглавившие одну группировку северных туркменских племен, и човдуры, возглавившие другую.

Итак, если земледельческие области Южного Туркменистана и Хорезм в период монгольского владычества были отброшены далеко назад и их развитое земледельческое и ремесленное хозяйство разрушается и частично заменяется отсталым кочевым и полукочевым, то в Северном Туркменистане, при господстве прежнего кочевого скотоводства, мы замечаем развитие земледелия и появление значительных масс земледельческого полуоседлого населения на Дарьялыке, Узбое и Балханах. Разница между этими областями начинает несколько смягчаться, стираться[277].

В конце XIV в. на Среднем Востоке создается империя Тимура. Завоевания Тимура [278] не создали, однако, какого-либо перелома в истории Средней Азии. Завоеванные им страны остались феодальными. Его империя была лишь эфемерным и случайным объединением княжеств, захватывающим только поверхностно-административную сферу; подобные государства удавалось иногда создавать наиболее удачливым феодальным завоевателям, но все эти «империи» были обычно очень непрочными. Тимур, как и хорезмшахи, опирался в первую очередь на кочевую патриархально-феодальную знать[279]. Борьба

с феодальной анархией в его деятельности сочеталась с «дикими разрушениями, которые по его приказу совершали татарские орды». (Маркс. Архив Маркса и Энгельса. т. VI, стр. 184.). И поэтому, если для Мавераннахра время Тимура ознаменовалось экономическим и культурным подъемом и грандиозным строительством, то для завоеванных областей, в том числе и для большей части Туркменистана, оно принесло новые массовые убийства, разрушение производительных сил без какого-либо прогресса в социально-экономическом строе.

С 1372 по 1380 гг. Тимур произвел несколько походов на Хорезм, где с середины XIV в. утвердилась династия Суфи. Он захватил южную часть Хорезма, осаждал Ургенч и добился покорности от Сулеймана Суфи. В 1381 г. Тимур двинулся на Герат. В 1382 г. он прошел через Махан (около Мары), захватил Келат и Каахка и ликвидировал государство чунгурбани. В 1384 г. Тимур прошел по предгорьям Копет-Дага и завоевал окончательно Хорасан и Мазандаран[280]. В последующие годы он захватил ряд других областей Ирана. Нападение хана Золотой Орды Тохтамыша и восстание Сулеймана Суфи в Хорезме заставило его вернуться. В 1388 г. Ургенч был разрушен и жители угнаны в Мавераннахр. Правда, в 1391 г. Тимур разрешил восстановить город, но Ургенч никогда уже не достиг прежнего блеска. Во время всех походов воины Тимура беспощадно грабили население. Попытки сопротивления свирепо подавлялись. Так, когда в 1389 г. жители Туса в союзе с туркменами (вероятно племени баят) восстали, то Мираншах, сын Тимура, приказал перебить 10 тысяч человек и из их голов сложить *башню*[281].

После смерти Тимура его громадное государство быстро начало распадаться. С 1404 по 1409 г. шли ожесточенные усобицы между потомками Тимура. Тем временем, в 1406 г., Хорезм был захвачен золотоордынским эмиром Едигеем[282].

В 1409 г. эмир Шахрух, внук Тимура, сумел до некоторой степени подавить феодальную анархию, хотя фактически государство Тимура распалось на ряд крупных уделов[283]. В 1413 г. тимуридами вновь был захвачен Хорезм. В дальнейшем в правление Шахруха (1409—1447), Улугбека (1447—1449) и Бабура (1450—1457) мы

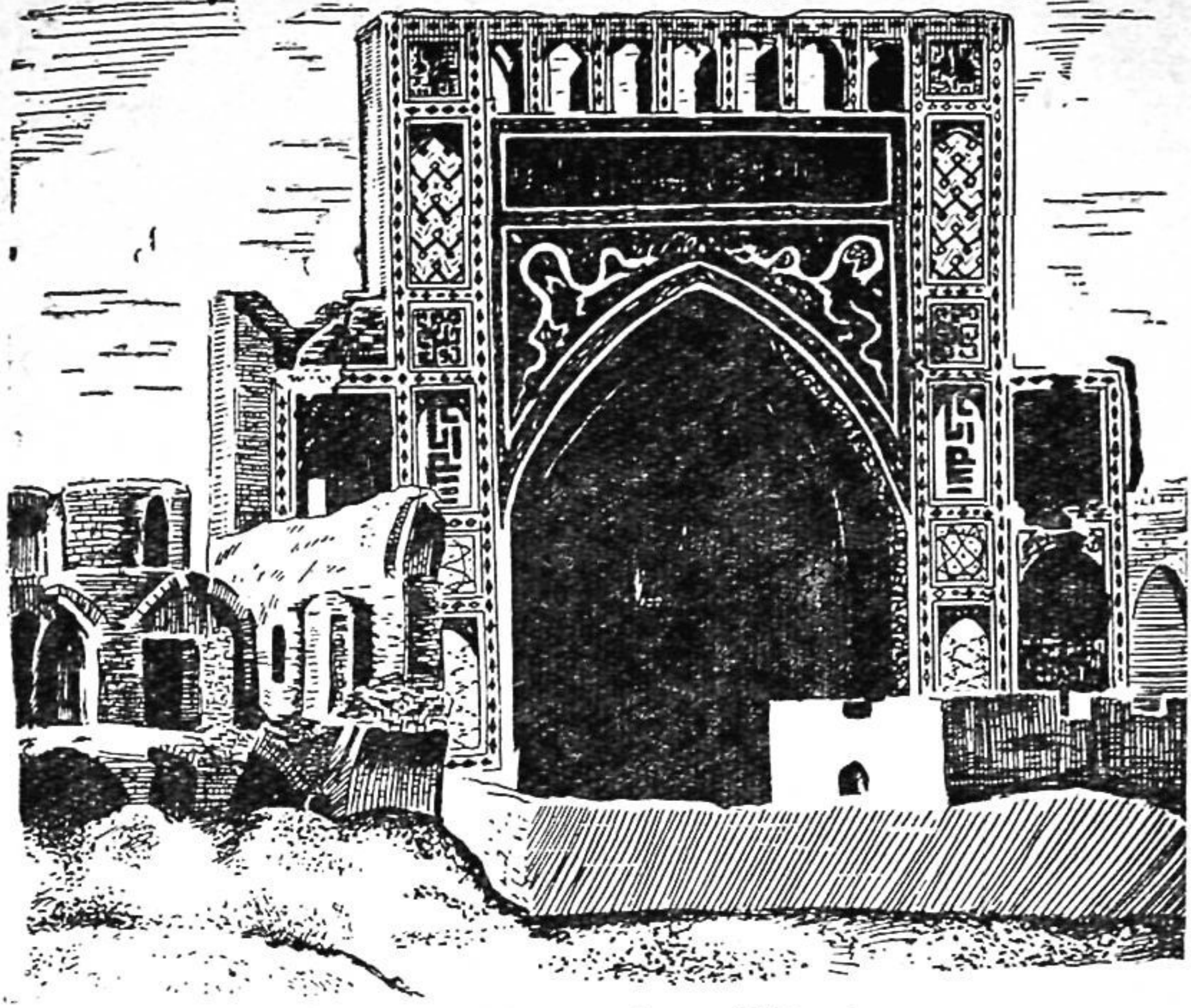

Рис. 10. Мечеть Анау (XV в.).

не слышим о крупных войнах в Хорасане, кроме набегов степняков, в том числе, вероятно, и туркмен на Хорезм, Нису и Языр[284].

Несомненно, что в XV веке имел место некоторый экономический подъем Северного Хорасана. Был восстановлен Мерв[285], построен город Багабад (Анау)[286]. В Нисе и в других городах и городках встречается великолепная кашинная керамика и привозной китайский фарфор[287]. И все же, этот экономический подъем ни в какой степени не мог равняться с расцветом земледелия, ремесла и торговли в предмонгольский период. Новые города были малы и, видимо, имели, главным образом, сельское население[288]. Характерно, что тимуридская керамика очень редко встречается в сельских местностях. Очевидно, население стягивалось в укрепленные города[289]. Земледелие попрежнему носит натуральный харак-

тер, из сельскохозяйственных культур упоминаются только зерновые и дыни[290]. Лишь к концу XV в. из Мерва стали вывозить хлопок[291]. Совершенно захирело земледелие в Дехистане, превратившемся с тех пор в бедный скотоводческий район, усеянный развалинами древних городов и сел.

Еще более ухудшилось положение, когда с 1457 г. началась новая полоса усобиц. Формальное объединение государства Абу-Саидом (1457—1469) не остановило их. В течение 13 лет на территории Туркменистана шли ожесточенные войны, от которых сильно пострадали города Ниса, Языр, Абиверд, Вазир и другие[292]. Языр с этого времени вообще перестал существовать. Установление, относительно, твердой власти при Хусейне Байкара (1470—1506) все же не привело к сколько-нибудь заметному подъему.

Вместе с тем, нет оснований утверждать, что феодальные отношения в земледельческих областях Туркменистана при тимуридах были в какой-то степени ослаблены или поколеблены. Исследуя общественный строй Средней Азии при тимуридах, А. Ю. Якубовский приходит к выводу, что феодальные отношения в этот период приобрели наиболее четкий, классический характер. Большинство крестьян было прикреплено к земле, была распространена такая типично феодальная форма земельной собственности, как союргал[293], представляющий крупное наследственное земельное владение с налоговым и судебным иммунитетом и полнотой административной власти. Так, Хорасан в начале XV в. составлял союргал Байсункара[294], Мерв в 1455 году стал союргалом мирзы Санджара и т. д.[295].

История Северного Туркменистана в XV в. известна еще меньше, чем в XIV в. Большинство северо-туркменских племен, очевидно, никогда не подчинялось тимуридам, так как на Узбое в XV в. укрывались беглецы из Северного Хорасана[296]. Вряд ли они подчинялись и ослабевшим золотоордынским ханам. Более вероятно, что временами туркмены Мангышлака и Усть-Урта вынуждены были подчиняться узбекским султанам Ак-Орды*.

---

* Ак-Орда — владение на территории современного Казахстана, занятой кочевыми узбекскими племенами. Здесь в XV в. сложилось узбекское государство хана Абулхайра. В конце XV века узбеков возглавлял Шейбани-хан.

Скорее всего, туркменские племена сохранили свою полунезависимость, хотя именно к тимуридскому времени относятся данные об усилении эксплуатации бедноты знатью наиболее сильных племен[297]. Иногда туркменские отряды вмешивались в феодальные войны, особенно в тех случаях, когда эти войны шли около туркменских земель[298], но это также не является доказательством их зависимости от тимуридов. Туркменские легенды и предания говорят о том, что еще в XIV—XV вв. продолжалось переселение туркменских племен из Мавераннахра на Мангышлак и Усть-Урт. Это вполне соответствует представлению об этой области, как о месте, где феодальный гнет был относительно слабее и которое поэтому притягивало беглецов из соседних феодальных владений.

Археологические работы Хорезмской экспедиции в районе Сарыкамыша[299] показали, что в XV в. там создается крупная и очень своеобразная ирригационная система, с помощью которой вода из Сарыкамышского озера поднималась на уровень окружающей степи и с помощью сети каналов направлялась на поля. Эта ирригационная система была создана туркменами, прежде всего племенем адаклы-хызыр, центром которого был город Адак. Особенно большой район орошенных земель (не менее 50 тысяч га) находился на восточном берегу Сарыкамышского озера, но следы оросительных каналов были обнаружены и на западном берегу озера. Хозяйство сарыкамышских туркмен, конечно, не было чисто земледельческим — недаром все степные районы вокруг Сарыкамыша, особенно западнее его, изобилуют старыми, давно заброшенными колодцами и хоуданами. Очевидно, в XIV—XV вв., как и позднее, хозяйство большинства туркменских племен было полуоседлым и смешанным, земледельческо-скотоводческим. Следует отметить также, что у сарыкамышских туркмен XV в. существовало и ремесло, в частности, производство и обработка железа и гончарное дело.

Таким образом, монгольское нашествие и тяжелое монгольское иго не изменило основ общественного строя Южного Туркменистана и Хорезма, но все же отбросило эти области далеко назад. Хозяйство стало более примитивным и натуральным, усилилась роль кочевого скотоводства, восстановлены были самые грубые и архаические

формы эксплуатации, повысился удельный вес отсталых кочевых племен. Некоторый прогресс при Тимуридах не мог изменить основного факта. Из страны передовой в хозяйственном и культурном отношении Южный Туркменистан и Хорезм превратились в страну отсталую. В то же время Балханы, Мангышлак, Дарьялык, Узбой и Усть-Урт, населенные отсталыми скотоводческими племенами, стали убежищем беглецов, спасавшихся от монгольских погромов и феодальной кабалы. Здесь развивалось, в связи с поворотом части вод Аму-Дарьи на запад, земледельческое хозяйство*, создавалось многочисленное население, причем бежавшая беднота, естественно стремившаяся к объединению, использовала традиционные формы и создавала новые «родоплеменные» группировки. Общественный строй сохранил некоторые элементы древнего общинно-родового самоуправления. Здесь, среди моря монгольского рабства, создавался уголок относительной свободы, население которого готово было мириться с тяготами и лишениями бедной и суровой жизни в пустыне и отстаивать свою землю с оружием в руках.

Но не следует думать, что на этой окраине существовала какая-то патриархально-крестьянская демократия. Патриархальные отношения в северо-западном Туркменистане XIII—XIV вв. сочетались с феодальными отношениями и патриархальным рабством. Беднота, как местная, так и пришлая, подвергалась жестокой эксплуатации, хотя и более слабой, чем в Золотой Орде или в государстве Хулагуидов.

Основой этой эксплуатации была крупная земельная собственность, родоплеменная по форме и феодальная по существу. В «Родословной туркмен» говорится, что Эрсари-бай купил шесть источников на Больших и Малых Балханах и эти источники перешли по наследству к его потомкам. Таким образом, формально в собственности феодально-родового вождя была не земля, которой было очень много и которая считалась собственностью рода или племени, а водные источники, необходимые для скотоводства (колодцы) и земледелия (оросительные каналы). Но тот, кто владел водными источниками, владел

---

* хотя скотоводство все же решительно господствовало.

и землей, как это было в Туркменистане еще и в XIX в. Конечно, прорыв Аму-Дарьи в Дарьялык и обводнение Сарыкамыша создали новые значительные массивы обводненных земель. Но более ранние пришельцы (вроде Хызр-джуре и Али-джуре из «Родословной») захватили эти земли и стали богатыми баями, а беднота, пришедшая позже, была вынуждена наниматься в работники или чаще всего брать землю на основе испольщины. «Родоначальники и вожди племен» выступают перед нами в виде крупных земельных собственников, эксплуатирующих пеструю массу бедноты, которая сидела на их земле или кочевала вместе с ними. Вся эта группировка и называлась племенем. В наиболее тяжелом положении были рабы, хотя рабство было патриархальным и рабов часто отпускали на волю. Но даже отпущенные рабы и их потомство рассматривались как низшая часть общества.

Тот факт, что возникновение большинства позднесредневековых туркменских тайпа и тире (родоплеменных подразделений) относится именно к XIV—XV вв., отмечался Г. И. Карповым[300]. Эти новые группировки связывались не родственными отношениями, как это пытаются представить туркменские «седжере» (родословные), а отношениями господства и подчинения, основанными на крупной феодальной земельной собственности степных феодально-родовых вождей*. Эти классовые отношения прикрывались родоплеменной формой, так как в силу отсталости хозяйственного строя в общественном строе сохранялось много патриархально-родовых пережитков. Такие отношения следует охарактеризовать, как патриархально-феодальные.

---

* Формально — собственности на водные источники.

ТУРКМЕНИСТАН В ПЕРИОД УПАДКА ФЕОДАЛИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ (XVI—XVIII вв.)

С XVI века история человечества вступила в период разложения феодализма и развития буржуазных отношений. Этот процесс привел к тому, что в течение XVI—XIX вв. передовые в экономическом отношении государства Европы превратились в капиталистические государства, а более отсталые феодальные государства Азии (кроме Японии) стали их колониями и полуколониями. Этот процесс, особенно мучительный для народов Азии, сопровождался значительным обострением классовых противоречий и крупными политическими потрясениями. В Азии складывается ряд новых государств, происходят значительные миграции населения.

В начале XVI в. держава Тимуридов, раздираемая феодальными усобицами, рухнула под напором кочевых узбекских племен Дешт-и-Кипчака* во главе с Шейбани-ханом, который в конце XV в. делал неоднократные нападения на земли тимуридов. Столицей Шейбани-хана стала Бухара. На территории Южного Туркменистана и Хорезма завязалась ожесточенная борьба между тиму-

---

* Узбеками в XV в. называли некоторые кочевые племена, населявшие Дешт-и-Кипчак. Оседлое и полукочевое население, жившее на территории современного Узбекистана, в конце XV и начале XVI в.в. было покорено узбекскими ханами, а затем постепенно смешалось с узбеками. Это название вначале прилагавшееся только к некоторым кочевым племенам, стало общим почти всего тюркоязычного населения на данной территории, консолидировавшегося позднее в единый узбекский народ, в этногенезе которого кочевники-узбеки XV в. играли далеко не главную роль.

ридскими царевичами и наместниками с одной стороны и узбекской кочевой знатью — с другой. В этой борьбе туркмены и отуркменившиеся монгольские племена джелаир и гирейли выступили на стороне тимуридов[301]. Несмотря на это, тимуриды потерпели полное поражение и Шейбани захватил Хорасан и Хорезм. Но навстречу ему двинулись азербайджанско-иранские (кизылбашские)* войска шаха Исмаила, основателя государства Сефевидов. В 1510 г. Шейбани погиб в бою у Мерва. Сефевидские войска в свою очередь вторглись в Мавераннахр. Так началась ожесточенная борьба бухарских ханов с сефевидскими шахами за обладание Хорасаном и Хорезмом, затянувшаяся на весь XVI в. Дважды — в 30-х и 90 годах XVI в. — бухарские войска захватывали почти весь Туркменистан, но вновь вынуждены были отступить[302]. Эти войны и многочисленные грабительские набеги с обеих сторон сильно разорили страну, вновь подорвали ее земледельческое хозяйство, способствовали упадку городов.

В обстановке бухарско-иранского соперничества выросло значение узбекских султанов Хорезма. В 1513 г. дарьялыкские города, где основную массу населения, вероятно, составляли туркмены, изгнали кизылбашей и провозгласили ханом степного узбекского султана Ильбарса, вскоре подчинившего себе весь Хорезм[303]. Города и области были поделены между членами ханского рода. Это в скором времени привело к ожесточенным усобицам. Одновременно началось покорение туркменских племен Балхан и Мангышлака, затянувшееся надолго и сопровождавшееся боями, восстаниями, истреблением ханских чиновников[304]. Туркмены не все сразу подчинились завоевателям. В первой четверти XVI в. произошло большое восстание, в котором приняли участие многие туркменские племена, жившие между Сарыкамышем и Каспийским морем, а также на Балханах: эрсари, хора-

* В государстве Сефевидов первоначально ведущую роль играли азербайджанские кочевые племена, носившие название кизылбашей. Это название (букв. «красноголовые») они получили потому, что носили на своих чалмах 12 красных полос в честь 12 имамов (кизылбаши были шиитами). Однако с конца XVI в. на первое место выдвигается иранская (персидская) феодальная знать. Поэтому название «кизылбаш» распространилось и на персов, а туркмены в XVIII—XIX вв. называли кизылбашами вообще жителей Ирана.

санские (внешние) салыры, теке, сарыки и ёмуты. Суфьян-хан сделал на них набег и разграбил туркменские кочевья. Часть туркмен, используя свой обычный военный прием, укрылась на трудно доступной возвышенности Чотак*, куда вела лишь одна узкая тропа. Воины Суфьян-хана не смогли подняться на гору, но вскоре безводье заставило восставших начать переговоры о мире и покориться. За убитых ханских сборщиков налога туркмены должны были отдать 40 тыс. баранов и это превратилось затем в ежегодную дань. Остальные туркменские племена также были обложены данью, а некоторые (адаклы) были обязаны давать воинов[305]. В период правления Суфьян-хана, которое Бартольд относил к 1525—1535 гг., были захвачены и предгорья Копет-Дага, откуда в 1524 г. бежали сефевидские чиновники[306].

Таким образом, в начале XVI в. на Среднем Востоке вместо государства Тимуридов возникли три новых государства — Бухара, Хорезм (Хива) и Персия (Иран), которые сохранились на весь период позднего средневековья и нового времени.

В 20—30 гг. XVI в. туркменские племена оказались под властью узбекских султанов. Трудящиеся туркмены, в дополнение к эксплуатации со стороны «своей» патриархально-феодальной верхушки, были обложены тяжелыми поборами в пользу центральной власти. Это сильно ухудшило их положение. Кроме того, с XVI в., в связи с новым подъемом земледелия в Хорезме и изменением течения Аму-Дарьи, сокращается поток воды по Дарьялыку[307]. Это сильно ударило по земледельческому хозяйству — важной отрасли хозяйства многих северных туркменских племен. Обе эти причины — резкое усиление феодальной эксплуатации и недостаток воды — заставили северные туркменские племена начать в XVI—XVII вв. массовое переселение на юг, приведшее к ряду межплеменных войн и постепенному перемешиванию южных и северных туркменских племен. Одним из первых продвинулось на юг племя эймур, которое в правление шаха Тахмаспа I (середина XVI в.) осело и перешло к земледелию в приатрекских степях[308]. Очень важно отметить,

---

* м. б. Чанак.

что северные туркменские племена, продвинувшись на юг, как правило, оседают, что видимо было обусловлено наличием у них полуземледельческого хозяйства на прежнем месте обитания — на Дарьялыке, Узбое, Балханах. Лишь часть племен (например, ёмуты) остается преимущественно кочевой.

Захватившие Хорезм, Ахал и Атек узбекские султаны вскоре оказались под ударом бухарских ханов. Чтобы удержаться у власти, глава султанского рода Дин-Мухаммед-хан обратился за помощью к шаху Тахмаспу[309], но реальной помощи он не получил. Однако Дин-Мухаммед сумел найти надежную опору в лице знати туркменских племен, обещав ей почетные места при ханском дворе, зачисление части туркмен в число нукеров* и вообще уравнение с узбекской знатью[310]. С помощью туркмен ему удалось разбить бухарское войско у Хазараспа (1539)[311] и вернуть Хорезм, а затем добиться сравнительной независимости от шаха и захватить Мерв[312].

В результате почти весь Туркменистан (кроме Чарджоу и Керки) оказался разделенным на несколько феодальных государств, во главе которых стояла узбекская феодально-племенная кочевая знать и ее вожди — султаны Хорезма. Население, однако, было по преимуществу туркменским, особенно на юге. Туркменская знать играла в этих государствах видную роль[313]. Она иногда выдвигалась на первый план, что имело место в Южном Туркменистане при Нур-Мухаммед-хане в конце XVI в.[314]. Но и на севере в XVI в. туркмены играли огромную роль. Недаром английский путешественник Дженкинсон называет правителя Вазира — Хаджи-Мухаммед-хана «королем туркмен»[315].

Политическая история этих государств свелась к многочисленным усобицам и упорным феодальным войнам с Бухарой и Ираном. Не раз бухарцы овладевали почти всей территорией Туркменистана (например, в 1593—98 гг). Границы отдельных феодальных владений часто менялись. Более или менее оформилось Мервско-Атек-

---

* Нукеры — военно-служилые люди, военные вассалы, из которых в XVI—XIX бв. состояло феодальное ополчение (нукерия) среднеазиатских ханств. Беднейшие нукеры по своему имущественному положению стояли наравне с крестьянами, но большая часть нукеров принадлежала к классу феодалов.

ское ханство, где с 1536 по 1601 гг., (с перерывами) правили Дин-Мухаммед-хан и его потомки, и собственно Хорезм, где с 1546 г. правили Актай-хан и его потомки. Ахал с 1536 по 1568 гг. принадлежал Али-султану, а затем переходил из рук в руки; другие уделы так же.

О внутреннем строе этих государств мы знаем мало. Они делились на уделы, которыми правили члены ханского рода, владевшие судебной и военной властью и собиравшие подати с населения[316], и пошлины с торговцев[317].

Ханы были окружены узбекско-туркменской феодальной знатью (баи, тараханы)[318] и духовенством. Туркмены были и среди деятелей культуры. Так, туркмен-салыр Кулали Салыр-баба, проживавший в Нисе в третьей четверти XVI в., перевел для Али-султана «Сборник летописей» Рашид-эд-дина, (первый том рукописи Салыр-баба хранится в Рукописном фонде Института языка и литературы АН ТССР). Низшую часть привилегированного военно-служилого сословия составляли нукеры[319] из узбеков и туркмен. Податная масса состояла из кочевых и полукочевых племен (узбеки, туркмены и отуркменившиеся племена, например, гирейли и джелаиры) и земледельческого «райята» (крестьян и ремесленников), из хорезмийцев и туркмен. На юге были еще остатки старого оседлого населения (кочевники-узбеки называли его сартами)[320], но оно постепенно ассимилировалось туркменами. Особенное значение приобрело в XVI в. туркменское племя алили, переселившееся с нижнего Узбоя в Ахал, Атек и Мерв[321] и, несомненно, вобравшее в себя много старого оседлого земледельческого населения. Это сильно отразилось на языке[322] и физическом облике алили[323].

Переход власти в руки кочевой аристократии и переселение в Хорезм и Южный Туркменистан новых значительных масс кочевников и полукочевников, хотя и оседавших постепенно на землю,— все это должно было способствовать значительному разрушению развитых феодальных отношений времен тимуридов. В частности, *вероятно, ликвидируется личная зависимость крестьянина*, о которой мы более ничего не слышим. Зато все большая часть населения оказывается включенной в патриархально-феодальные по существу и родоплеменные по

форме группировки. Это было связано с новым повышением удельного веса кочевых и полукочевых племен в экономике и политической жизни. Вместе с тем, XVI в. для северных туркменских племен был веком значительного усиления феодальной эксплуатации.

Все это вызвало сопротивление туркменских племен, переходившее порой в открытые восстания. Если не считать восстания северных туркмен в начале XVI в., о котором говорилось выше, то самым крупным выступлением было восстание в 1550—1558 гг. атрекских туркмен во главе с Аба-сердаром[324] против шахов Ирана. Туркмены перебили шахских чиновников и в течение нескольких лет успешно отражали нападения сефевидских войск, опираясь на помощь узбекского хана Али-султана. В 1554 году шах выслал против восставших туркменских племен сильное войско. Но туркмены, уклоняясь от боя с главными силами врага, уничтожали его сторожевые отряды, захватывали обозы, нападали на лагерь и, в конце концов принудили кизылбашское войско уйти ни с чем. Поход повторился в 1557 г. К этому времени вокруг Аба сплотились все или почти все туркменские племена Атрека и Гургена, и он захватил почти всю Астрабадскую область.

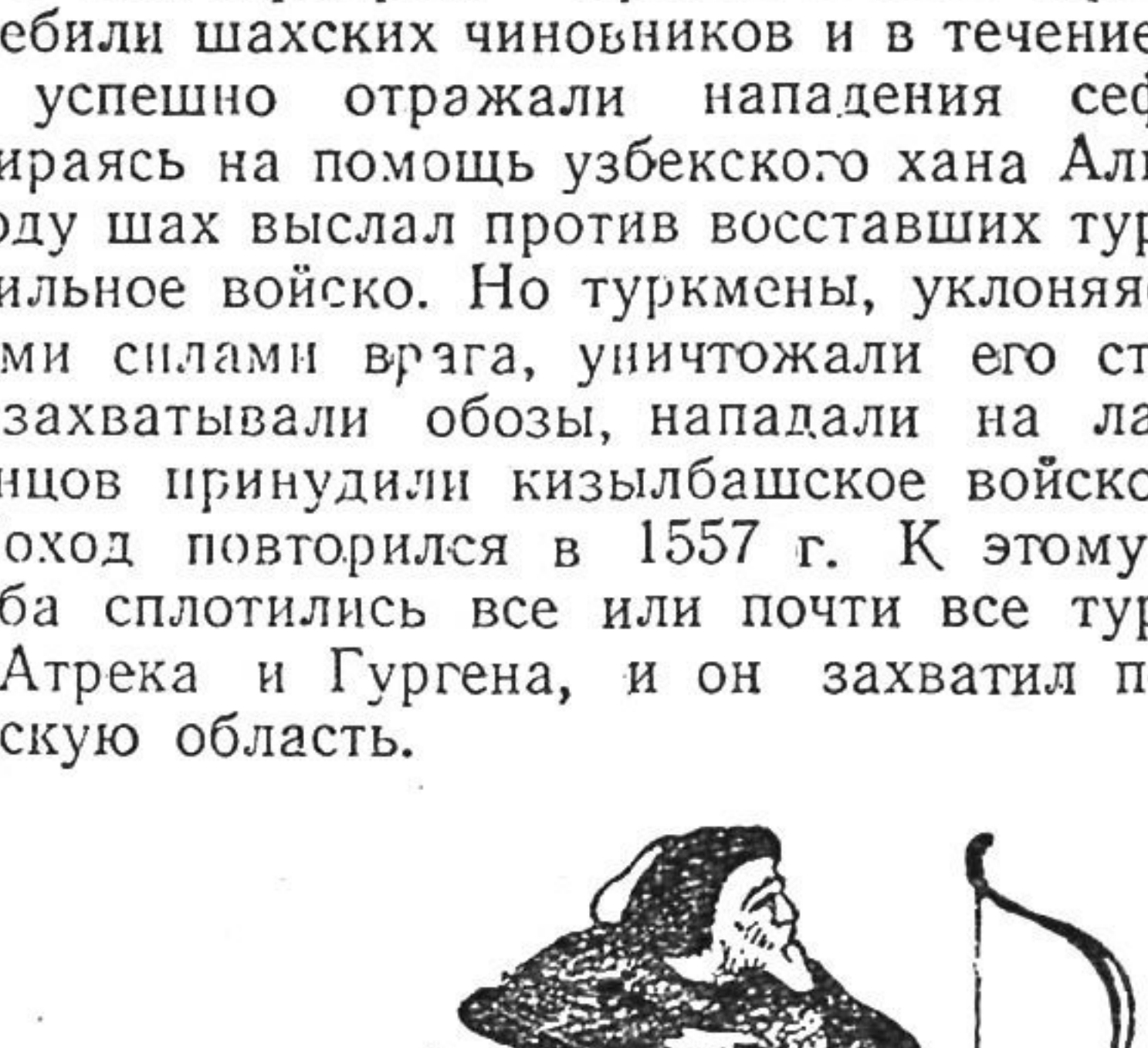

Рис. 11. Туркменский всадник (со старинной миниатюры).

Двенадцатитысячное кизылбашское войско, состоявшее из панцырной конницы и туфангчи (пехоты, вооруженной ружьями) двинулось вглубь гургено-атрекских степей. Туркмены отправили семьи и стада на север, за Атрек, а сами возобновили партизанскую войну. Преследуя туркмен, кизылбаши наткнулись на трехтысячный узбекский отряд, который вместе с туркменами засел в укрепленном лагере и оказал стойкое сопротивление. В разгар боя Аба-сердар с отборной туркменской конницей сделал смелую вылазку и внезапно ударил в тыл врагу. Узбеки в свою очередь ударили по кизылбашам и захваченный в клещи враг, несмотря на свое численное превосходство и более совершенное вооружение, сбратился в беспорядочное бегство. Так союз с узбеками помог туркменским племенам одержать победу над врагом и отстоять свои земли и имущество от покушений шаха и его сподвижников-феодалов. В атрекских степях сложился союз туркменских племен эймур, охлу и других, сохранивший некоторое время независимость и после предательского убийства Аба-сердара слугами его жены — персиянки.

Однако было бы ошибочным предполагать, что туркменские племена были внутренне едиными, не знали классовых противоречий. Для XVI в. характерно стремление туркменской феодально-родовой знати к союзу с иранскими и узбекскими феодалами. Так, Али-Яр-хан — вождь атрекских эймуров, в конце XVI в. добился должности шахского наместника в Гургене[325]. Это означало новое подчинение атрекских туркмен Ирану, хотя и в смягченной форме, т. е. ликвидацию результатов восстания Аба-сердара. Смягчение эксплуатации заключалось в том, что вместо определенных налогов Али-Яр-хан довольствовался получением «подарков» от туркменских племен[326]. Его сын попытался усилить нажим и был за это убит[327].

Все же родоплеменные пережитки притупляли классовое самосознание туркменского патриархального дейханства, для которого племенное единство обычно заслоняло классовые противоречия; с другой стороны, сохранение некоторых черт общинного самоуправления, личная свобода и наличие оружия у значительной части трудящихся туркмен заставляло порой феодально-родо-

вую знать серьезно считаться с мнением народа[328]. Все это относится в первую очередь к кочевым и полукочевым северотуркменским племенам. Но эти порядки частично сохранились и при оседании их (например, у тех же эймуров).

В 1598—1601 гг. весь Южный Туркменистан, кроме побережья Аму-Дарьи, был завоеван шахом Аббасом I[329] и на полтораста лет вошел в состав персидского государства. В соответствии с централизаторской политикой шаха Аббаса ликвидируются местные феодальные княжества и назначаются шахские наместники в Мерв, Нису, Багабад[330]. Местное земледельческое население, в том числе и туркмены, было разоружено[331] и рассматривалось как райят. Очевидно, оно несло и соответствующие повинности. Попытки восстаний были подавлены[332]. Мы ничего не знаем о формах землевладения, категориях феодалов и податного населения. Но можно думать, что и в Южном Туркменистане господствовали обычные сефевидские порядки XVII в.[333], т. е. разделение феодальной знати на гражданскую бюрократию, военную знать кочевых племен и высшее духовенство, а податного населения на оседлый райят, плативший высокие налоги, и кочевой элят, облагавшийся менее высокими налогами, но зато обязанный нести военную службу. Для археологических памятников XVII—XVIII вв. в Южном Туркменистане характерны средней величины городища, состоящие обычно из крепости, расположенной на холме и слабоукрепленного поселка, окружающего подножье холма. Таковы, например, Дурун и Мехин-Кала в Бахарденском районе, Шахр-и-Хайбар (Шахрабат) и Шахр-и-Джурджап в Геок-Тепинском районе, Ниса и Анау (Багабад) в Ашхабадском районе, Кюрен-Кала, Хосров-Кала, Кюня-Чаача, Чаардех и другие в Каахкинском районе*. Низкое качество ремесленных изделий в этих городищах, сравнительно небольшие их размеры и отсутствие сельских поселений какого-либо другого типа, позволяют утверждать, что это были не города в подлинном смысле этого слова, а большие укрепленные села

---

* Цитадель в этих городах не всегда росположена в центре поселения. Иногда она занимает один из его углов или (реже) даже распсложена рядом с ним, как, например, в Хосров-Кала

с феодальчыми замками в центре. Подобный характер носили даже наиболее крупные населенные пункты — Ниса, Дурун, Мерв, хотя в них несколько более развито ремесло, торговля[334] и сни были военно-административными центрами. В некоторых городах существовали медресе. Помимо этого земледельческого населения в Южном Туркменистане, особенно в Мерве, Теджене, Дехистане, находились значительные массы кочевого и полукочевого населения, главным образом из северных туркменских племен (салыр, теке, ёмут и др.). О его положении почти ничего неизвестно, но оно управлялось своей феодально-родовой знатью[335] и, вероятно, было в лучшем положении, чем кочевые и полукочевые племена Ирана и Азербайджана, так как могло в случае значительного усиления феодального гнета откочевать на север, как это не раз и бывало.

Несколько больше мы знаем о хорезмских туркменах во второй половине XVI и XVII вв. Хозяйство их было не совсем однородным, судя по характеру дани, собиравшейся с туркмен хорезмскими ханами. С внешних салыров, эрсари, теке, сарыков и ёмутов брали дань баранами. В начале XVI в. эти племена ежегодно давали 40 тысяч баранов. Вносили дань скотом и многие другие племена. По данным хивинской хроники XIX в., почти не расходящейся с сообщениями хивинского хана и историка XVII в. Абулгази, размеры дани были таковы: «с ички-салыров 17 000 баранов, с хасан-эли*— 10 600, с арабачи —4 400, с гокленов и адаклы по 13 200. Племена хызыр-эли и теведжи** занимались земледелием и поэтому платили дань зерном»[336]. Абулгази сообщает, что уч-эль («три племени», т. е. туркмены адаклы-хызыр, дюечи и алили) вносили в ханскую казну десятую часть урожая, но алили и дюечи платили также налог со скота. Из этих сообщений видно, что у большинства северных туркменских племен в конце XVI и начале XVII вв. основным занятием было скотоводство. Это подтверждает и английский путешественник Дженкинсон, который в 1558 г. проехал через Мангышлак, Усть-Урт и окрестности Сарыкамыша. Он пишет, что «от Каспийского моря до

---

* т. е. човдуры, абдалы и др.
** дюечи.

сказочного замка Селлизюр * и по всей стране у Каспийского моря люди живут, не имея городов и постоянных жилищ, в диких степях, кочуя с одного места на другое большими ордами со своим скотом, которого у них множество, а именно, верблюдов, лошадей и овец как прирученных, так и диких»[337]. Однако, как уже говорилось выше, хорезмские туркмены занимались и земледелием на берегах Сарыкамыша и на Дарьялыке, причем у некоторых племен земледелие являлось основным занятием. Исследования С. П. Толстова на Сарыкамыше показали, что сарыкамышская ирригационная сеть, орошающая земельные массивы в несколько десятков тысяч га, продолжала существовать и в XVI—XVII вв. Абулгази говорит, что у туркмен имеются пашни, сады и виноградники. Дженкинсон рассказывает, что жители дарьялыкских городов, в частности, Вазира, выращивают дыни, арбузы и джугару. Небольшие посевы были, конечно, и у туркмен, населявших Балханы и Мангышлак. Таким образом, большинство северных туркмен в XVI—XVII вв. вели смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Абулгази сообщает, что летом более богатая часть туркмен со своим скотом откочевывает на колодцы в глубь пустыни, а более бедная остается у своих пашен. Эти порядки очень близки к порядкам, существовавшим у туркмен в XIX в. Очевидно, что в XVI—XVII вв. туркмены делились на оседлых земледельцев (чомур) и кочевых, точнее полукочевых, скотоводов (чарва). Обе эти группы были неразрывно связаны в хозяйственном отношении. Поэтому хозяйство и быт большинства туркменских племен были фактически полуоседлыми.

Вплоть до середины XVII в. в Хорезме продолжалась борьба за власть между различными группировками феодальной знати, причем туркменская знать в этих усобицах играет очень активную роль. В основе этих усобиц и войн лежал земельно-водный вопрос. С XVI в. основная масса вод Аму-Дарьи поворачивает в Аральское море, в связи с чем сокращается поток воды по Дарьялыку и начинается высыхание Сарыкамышского озера. Это подрывает земледельческое хозяйство боль-

---

* Город Вазир на Дарьялыке (Шехр-и-Вазир).

шинства хорезмских туркмен и ставит их в безвыходно тяжелое положение. Туркмены вынуждены были искать новых земель в самом Хорезмском оазисе, но на эти земли уже претендовала узбекская феодальная знать. В результате разгорелась упорная борьба, в которую оказались втянутыми и трудящиеся массы туркмен и узбеков.

Усобицы особенно обострились в период с 1620 по 1645 гг.[338]. Узбекская знать в 1620 г. свергла и убила хана Араб-Мухаммеда, опиравшегося на туркменских вождей. Сын убитого, Исфендияр-хан, бежал в туркменские кочевья, откуда вернулся с большим войском, состоявшим из теке, сарыков, ёмутов, мангышлакских туркмен, и после упорной борьбы захватил власть в Хорезме. Управление и сбор налогов были переданы в руки туркменской знати. Исфендияр-хан и его сподвижники — туркменские феодально-племенные вожди постарались укрепить торговые связи с Русским государством. В Москву ездили туркменские купцы. Однако против Исфендияра и туркменской знати поднялась узбекская знать во главе с ханом Абулгази, младшим братом Исфендияра. После смерти Исфендияр-хана Абулгази удалось захватить власть. Его правление (1645—1663) ознаменовалось укреплением узбекского феодального государства[339] и жестоким погромом туркменских племен, [340], особенно салыров. Во второй половине XVII в. узбекская знать окончательно захватывает орошаемые земли Хорезма, и узбеки переходят от кочевого к оседлому земледельческому хозяйству. Напротив, туркменские племена сохраняют свое скотоводческое полуоседлое хозяйство и патриархально-феодальные отношения. Земледельческое хозяйство туркмен, очевидно, даже сокращалось ввиду захвата головы каналов узбекскими феодалами и сокращения подачи воды в хвостовую часть каналов, т. е. в туркменские районы. Именно в это время забрасываются города Дарьялыка[341]. Острый недостаток земли, а также набеги калмыков заставили многие северные туркменские племена начать переселение на юг с целью захвата орошаемых земель в Прикопетдагской полосе, на берегах Атрека, Теджена, Мургаба и Аму-Дарьи.

На севере в XVII в. жило несколько туркменских племен — човдуры на северном Усть-Урте, салыры на Ман-

гышлаке и Балханах[342]. В салырское объединение входили частично теке и ёмуты, хотя часть этих племен в XVI в. помещалась в юго-западном Туркменистане. Эрсари в XVII в. уже в основном переселились в Южный Туркменистан. В частности, вероятно, из эрсари состояла многочисленная туркменская группировка[343], находившаяся в середине XVII в. в окрестностях Мерва. Впрочем, если эрсари и были в Мерве, то недолго. В конце XVII в. значительные массы их оседают на Средней Аму-Дарье, создают заново погибшую в раннее средневековье ирригационную систему, осваивают под пашни болота и заросли, строят крепости. Эрсаринский поэт Сеиди в стихотворении «Лебап хош имди», написанном около 1823 г., рассказывает, что эрсаринцы, переселившись на берега Аму-Дарьи 150 лет назад, начали копать каналы и засевать поля. Об оседании эрсаринцев свидетельствуют их многочисленные крепости — Ходжа-Идат-Кала, Чишлен-Кала, Аджи-Кала, Актери-Кала и многие другие[344], которые, судя по археологическим данным, действительно основаны в XVII в.*. Феодально-племенная знать эрсаринцев вступает в союз с феодальной Бухарой. Эрсаринские вожди в XVIII в. получают бухарские звания караулбеги, дадха[345] и др. Но это не означало превращения эрсаринского дейханства в полукрепостной райят. Оно сохранило свою личную свободу, хотя и платило налоги бухарским ханам и эмирам.

Политическая история XVII в., помимо уже указанных процессов упорной борьбы узбекской и туркменской знати в Хиве, переселения ряда туркменских племен на юг (особенно после победы Абулгази), а также жестоких калмыцких набегов[346], сводится к упорной борьбе между Ираном, Бухарой и окрепшей Хивой за Ахал, Атек и Мерв. Основными моментами этой борьбы был крупный набег бухарцев на Мерв и Абиверд в 1617 г.[347], неудачный поход хивинских ханов Исфендияра и Абулгази в Южный Туркменистан в 1628 г.[348], борьба Бухары и Персии за долину Мургаба в 1628—1633 гг.[349], ряд походов Абулгази в Южный Туркменистан[350], узбеко-индий-

---

* Как правило, эти крепости возведены на развалинах древних селений и небольших городов.

ская война за Балх, в которую частично вовлечено и население юго-восточного Туркменистана в середине XVII в. [351] и, наконец, новая неудачная попытка бухарского эмира Субханкули-хана захватить Мерв в 1690 г. [352]. В результате этой борьбы, сильно разорившей страну, атрекские степи, Прикопетдагская полоса и долина Мургаба остались за Персией, побережье Аму-Дарьи с городами Чарджуй и Керки — за Бухарой, Хорезм, Балханы, Сарыкамыш, Усть-Урт и Мангышлак—за хивинскими ханами.

Характеризуя историю Туркменистана в XVI—XVII вв., нельзя пройти мимо такого важного факта, как установление во второй половине XVI в. непосредственных дипломатических и, главное, торговых сношений Хорезма и Бухары с Русским государством. Эти сношения начались еще при хане Актае[353] и постепенно делались все более систематическими и оживленными. Одна из важнейших торговых дорог шла через Мангышлак и кочевья туркмен-салыров[354]. В Среднюю Азию двинулись русские и западно-европейские товары — меха, кожи, моржовые клыки, деревянная посуда, сукно. На Русь из Средней Азии везли хлопчато-бумажные и шелковые ткани, дорогое восточное оружие и разные восточные редкости[355]. Эта связь способствовала развитию в среднеазиатских ханствах торговли и ремесла. Одной из причин экономического упадка Средней Азии в XVI в. было перемещение мировых торговых путей. После открытия морского пути в Индию и Китай, потерял значение старый караванный путь через Среднюю Азию, игравший такую огромную роль в мировой торговле с III—II вв. до н. э. по XV в. н. э. Крутой поворот в мировой торговле подорвал благосостояние среднеазиатских городов, вызвал общий упадок городского ремесла и торговли в Средней Азии. В этих условиях исключительное значение для экономики Средней Азии приобретает торговля с Россией, позволившая среднеазиатским городам постепенно оправиться от экономического кризиса и вновь окрепнуть. Влияние торговли с Россией на экономику туркменских племен не изучено, но нет сомнения в том, что и туркмены участвовали в ней и, покупая на среднеазиатских рынках русские товары, втягивались в товарно-денежные отношения. Кроме того, туркменские купцы ездили за товарами

в Астрахань, другие пограничные русские города и даже в Москву. С XVII в. устанавливаются и политические связи туркмен с Русским государством. Особенно окрепли русско-туркменские связи в период правления в Хорезме Исфендияр-хана, при котором заметно оживилась русско-туркменская торговля[356]. Исфендияр-хан вел оживленную переписку с царем Михаилом Федоровичем[357], пытаясь организовать союз Русского государства, Хорезма и Бухары для борьбы против калмыков, разбойничьи набеги которых мешали торговле между Русским государством и Средней Азией. К этому союзу хотел примкнуть и правитель Балха[358]. Это показывает насколько далеко на Восток уходили в XVII в. экономические связи и влияние России и насколько торговля с ней была необходима для среднеазиатских государств.

Русско-туркменские связи продолжали развиваться во второй половине XVII в. Видя укрепление Русского государства, международный авторитет которого поднимался все выше и выше, некоторые туркменские группировки, измученные набегами хивинцев и калмыков, в конце XVII в. переходят в русское подданство и переселяются на территорию Русского государства, чтобы обеспечить себе мирную жизнь[359]. Эти туркмены, главным образом, човдуры были позднее поселены на Северном Кавказе, где потомки их живут и поныне (ставропольские туркмены).

В XVIII в. почти вся Азия вступила в период острого кризиса феодального строя[360]. Капиталистическое развитие Европы, в первую очередь Англии и Голландии, привело к развертыванию все более широкой колониальной экспансии. Индонезия и часть Индии открыто захватываются европейскими колонизаторами, остальные страны постепенно превращаются в полуколонии. Это привело к катастрофическому падению ремесла[361] и торговли[362] восточных стран, к сокращению доходов феодальных государей[363], которые пытались найти выход в усилении феодальной эксплуатации[364] и этим вконец разоряли основную производственную базу своих государств — сельское хозяйство[365]. Экономический кризис[366], обнищание горожан и крестьян[367], невиданное обострение классовых противоречий, приводившее с одной стороны к многочисленным восстаниям трудящихся масс[368].

а с другой—крайнему усилению феодального произвола и деспотизма[369], все это в целом создавало картину общего упадка феодального общества, тем более тяжелого, что страны Востока неспособны были в то время выйти из него путем перехода к более высокому капиталистическому способу производства. В обстановке кризиса ослабевшие феодальные государства Азии часто оказывались не в силах противостоять натиску отсталых кочевых и полукочевых племен, которые кое-где становятся вершителями политических судеб (афганцы, афшары и каджары в Иране, маньчжуры в Китае, афганцы в Северной Индии). Тяжелый экономический и политический кризис переживали и государства Среднего Востока — Бухара, Хива и Иран.

Упадок сефевидского государства в начале XVIII в. [370] фактически привел к превращению шахских наместников в Хорасане и феодально-родовых вождей туркмен и курдов в мелких независимых государей. Каждый из них имел одну или несколько крепостей и, опираясь на свою дружину и ополчение племени, вел бесконечные войны с соседями[371]. Видя ослабление феодального государства Сефевидов, северные туркменские племена двинулись в предгорья Копет-Дага. В первой четверти XVIII в.[372], теке во главе со своим полулегендарным вождем Кеймир Кёром захватили часть Ахала, занятого ранее туркменскими племенами емрели, кардашлы (языр), алили и другими. Сохранились легенды о борьбе Кеймир Кёра с емрелинскими феодалами[373]. Ёмуты заняли атреко-гургенские степи. В то же время значительно ослабели Хива и Бухара, раздираемые феодальными смутами[374]. Правда, в конце XVII в. и в самом начале XVIII в. хивинские ханы сумели временно подчинить себе и обложить хараджем туркменские племена Мервского оазиса, Прикопетдагской полосы и гургено-атрекских степей. Но Хива не смогла в XVIII в. сохранить свое влияние в Южном Туркменистане. В Хиве в начале XVIII в. вновь замечается временами усиление влияния туркменских феодально-родовых вождей[375], которых хивинские ханы, видимо, пытались противопоставить мятежным узбекским феодалам. Все же в основном власть оставалась в руках узбекских феодалов и туркмены испытывали очень большие затруднения с водой. Хивинские ханы не

только не строили каналов для орошения туркменских земель, но даже перегораживали плотинами естественные протоки, по которым часть амударьинской воды прорывалась иногда в Дарьялык и вообще в северо-западную часть Хорезмского оазиса, занятую туркменами[376]. Постройка этих плотин наносила хозяйству туркмен тяжелый удар. Не будучи в силах справиться с хивинскими феодалами, туркмены Хорезма искали себе сильного союзника и покровителя, способного обеспечить им успех в борьбе за воду, за орошаемые земли. Это и вызвало к жизни смелый проект туркмена Ходжи Непеса, заключавшийся в том, чтобы с помощью России повернуть Аму-Дарью в Каспийское море и возродить пришедшее в совершенный упадок земледелие хорезмских туркмен. Ходжа Непес ездил в Петербург и изложил свой проект Петру I. По приказу Петра I на восточное побережье Каспийского моря была отправлена экспедиция под руководством князя Бековича-Черкасского. Экспедиция основала три крепости, в том числе одну из них неподалеку от Красноводска, а в 1719 г. Бекович-Черкасский отправился в Хиву, но здесь был вероломно схвачен и убит по приказу хана.

Таким образом, экспедиция Бековича-Черкасского потерпела неудачу, а после смерти Петра активность царского правительства на Востоке резко упала. Крепости на восточном побережье Каспийского моря были заброшены.

В 20-х годах XVIII в. победителем в междоусобной войне хорасанских феодалов вышел афшарский предводитель Надир-хан, впоследствии захвативший иранский престол под именем Надир-шаха (1736—1747). В результате ряда походов он создал сильное деспотическое государство и пытался жестокими мерами поддержать расшатанный феодальный порядок в Иране. Однако созданная им лоскутная монархия не имела прочной экономической базы и лишь жестокий террор обеспечивал ее единство.

В своем стремлении максимально усилить эксплуатацию податного населения Надир встретил упорное сопротивление туркмен.

В 20-х годах XVIII в. на борьбу против Надира поднялись емрели в Атеке, алили и теке в Ахале, гок-

лены и ёмуты на Сумбаре и Атреке, а также туркмены Мервского оазиса. К этому времени, видимо, относится столкновение Надира с Кеймир Кёром, о котором рассказывают текинские легенды. Затем настала очередь приамударьинских районов.

В своей борьбе против туркмен Надир проявил зверскую жестокость. Внезапно нападая на туркменские кочевья, села и городки, войска Надира истребляли и уводили в рабство людей, угоняли скот, грабили имущество. По приказу Надира была разрушена плотина на реке Мургаб[377] и, таким образом, подорвана база земледельческого хозяйства всего Мервского оазиса. Разбитые в ряде боев, туркмены массами покидали Южный Туркменистан и уходили в северные степи, подчиняясь хивинским ханам. Так ушли эрсари[378], теке[379], ёмуты[380], отчасти гоклены[381]. Но племена карадашлы, алили, емрели, более тесно связанные с земледелием, в основном остались на старых местах[382].

Для укрепления своего государства в Туркменистане Надир-шах еще в конце 1737 г. создает сильную военную колонию в Мерве[383]. Мерв был заново укреплен, заселен большим количеством воинов и крестьян, восстанавливается ирригационная система. Весь урожай Мервской области поступал на государственные склады и расходовался на нужды гарнизона. Земледелием занимались не только крестьяне, но и воины. Позднее в Мерве были созданы большой артиллерийский парк и арсенал[384]. Здесь отливались пушки и мортиры, а также снаряды для них. Так в Мургабском оазисе временно появилось многочисленное иранское население.

Ушедшие на север туркменские племена, особенно ёмуты, пытались оказать сопротивление в Хиве, но хивинская армия в 1740 г. была разбита, хан Ильбарс взят в плен и казнен Надиром[385]. Бо́льшая часть Туркменистана оказалась в руках завоевателя. Непокорившаяся часть туркмен ушла в прикаспийские районы, особенно на Мангышлак[386]. Среди собравшихся там значительных масс туркмен начался голод. Туркмены обратились за помощью к России. По распоряжению русского правительства на Мангышлак был отправлен хлеб из Астрахани[387].

Создание деспотического государства Надир-шаха

сопровождалось чудовищным ростом эксплуатации[388], разорявшей крестьянское хозяйство, приводившей к общему упадку производительных сил. Это отразилось в стихах туркменского поэта Азади (1704—1760), обличавшего деспотизм, чрезмерную эксплуатацию народа, разорение страны.

Знай, о шах! произвол и гнева гнет
Плодородье по всей земле убьет.
Нивы никнут, гибнут сады долин,
Сохнут от злобы твоей, господин.

И бедный народ — да услышит бог!
От злобы шаха, как песок иссох[389].

Поэт гневно восклицает:

— Если прихоть шаха для всех закон,
Знайте все, тот шах рассудка лишен![390]

Добиться полной покорности туркмен Надир-шах не мог. В 1743 г. началось массовое восстание ёмутов, теке и других племен в Хорезме и на Атреке. Шеститысячный персидский отряд с 10 пушками оказался недостаточно сильным для подавления восстания и был окружен севернее Чарджоу. Тогда в Туркменистан было направлено сильное войско в 30—40 тыс. человек с 66 пушками и мортирами. Повстанцы смогли противопоставить этим силам лишь 6—7 тысяч всадников и 2—3 тысячи пеших мергенов (стрелков). Открытое вооруженное сопротивление было в этих условиях явно невозможным. Восставшие покинули Хорезмский оазис и ушли в пустыни, на Балханы и Мангышлак.Часть туркмен переселилась в Россию. Прикаспийские туркмены в это время неоднократно обращались в Петербург с просьбой принять их в русское подданство[391], но царское правительство в XVIII в. не решилось еще присоединить к России туркменские земли, хотя русско-туркменские торговые связи продолжали успешно развиваться. Походы персидских войск, снабженных сильной артиллерией, заставили часть туркмен в 1745 г. вновь уйти на Мангышлак и Балханы, но борьба не прекращалась. Не прекращались волнения замученного крестьянства и в других

областях Ирана и покоренных Надир-шахом областей[392].

В 1747 г. дикий произвол Надир-шаха переполнил чашу терпения даже наиболее преданных ему людей и он был убит афшарской знатью. Его смерть послужила сигналом к массовому восстанию покоренных народов и быстрому развалу созданного им государства. Падение надировской деспотии создало также предпосылки для нового крупного переселения туркменских племен на юг.

Таким образом, с XVI в. до середины XVIII в. мы видим на территории Туркменистана постепенный упадок городской жизни, непрерывные феодальные войны, упадок некоторых земледельческих районов на севере страны и медленное, но неуклонное движение северных туркменских племен в плодородные и богатые водой оазисы Южного Туркменистана.Полностью погиб большой земледельческий район на берегах постепенно высыхающего Сарыкамыша, что повлекло за собой отлив на юг и скотоводческой части населения (чарвы), неразрывно связанной с земледельческим хозяйством другой части туркмен (чомуров). В результате этого на юге значительно выросла численность населения, были проведены новые каналы, увеличились посевные площади (особенно на берегах Аму-Дарьи). Переселяясь на новые места и оседая здесь, северные туркменские племена приносили с собой свои патриархально-феодальные порядки и полуоседлое хозяйство. Города юга, с их смешанным туркмено-иранским населением, хирели и аграризировались, городское ремесло вытеснялось домашним. В Южном Туркменистане укреплялась родоплеменная организация. Даже старое население многих южно-туркменских городов, давно уже утратившее родоплеменную организацию, стало рассматриваться как особые «племена». Таково, например, происхождение «племен» анаули (жители Анау), мехинли (жители Мехина), мурчали (жители Мурча) и т. д.

Иранские и бухарские феодалы пытались превратить переселяющиеся на юг северные туркменские племена в закрепощенный райят, но туркмены вели упорную борьбу против местных феодальных правителей, против усиления феодальной эксплуатации, за сохранение личной свободы и общинного самоуправления.

ТУРКМЕНСКИЕ ПЛЕМЕНА С СЕРЕДИНЫ XVIII в. ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

После смерти Надир-шаха его государство начало разваливаться с поразительной быстротой. Наместники областей и городов фактически превратились в полунезависимых правителей. С 1747 по 1794 гг. в Иране шли ожесточенные войны между наиболее крупными феодалами — претендентами на корону шах-ин-шахов. Особенно большой степени анархия достигла в Хорасане, где до 1796 г. формально сохранял власть Шахрух — внук Надир-шаха. В Мерве правил Байрам-Али-хан, каджар, в Дуруне — Искандер-хан, емрели[393], в каждом городе Атека и Ахала сидел свой мелкий феодальный хищник. Старое оседлое население (туркмены из племени алили, емрели, карадашлы, мехинли, а также курды и другие племена) жило в этих укрепленных городках у подножья феодальных замков. Письменные источники ничего не сообщают о положении этой части оседлого населения, но предания сохранили сведения о крайнем имущественном неравенстве[394], о больших поборах, о деспотизме ханов[395]. Археологический материал[396] и легенды создают определенную картину хозяйственного упадка старых городов и оседлых поселений Южного Туркменистана.

После смерти Надир-шаха немедленно началось поголовное восстание туркмен против ига афшарских шахов. Племена, ушедшие на Мангышлак, устремляются обратно. Эрсари, сарыки и отчасти другие племена вновь занимают среднее течение Аму-Дарьи[397], а затем и Пендинский оазис. Воспользовавшись ослаблением Бухары в середине

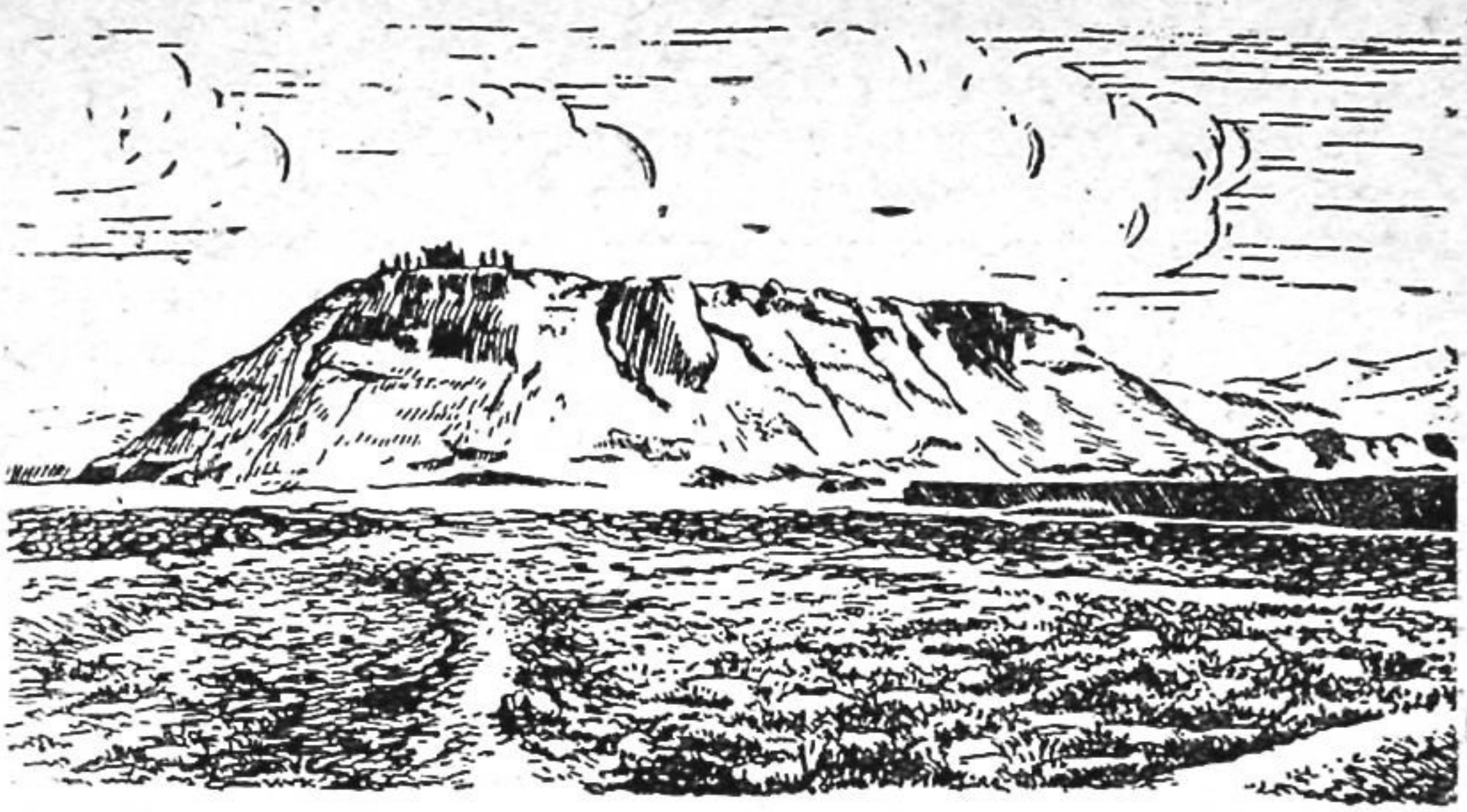

Рис. 12. Развалины Дуруна. Вид цитадели с северо-востока.

XVIII в., эрсари добиваются относительной самостоятельности*, строят крепости. Ёмуты движутся в Хиву и на Гурген, теке — в Ахал и на низовья Теджена, салыры,— видимо, в Мерв. Байрам-Али сумел поладить с туркменами-салырами и удержать власть над низовьями Мургаба, до своей гибели в 1785 г. в войне с Шамурадом, правителем Бухары, но в Ахале текинцы начали систематическое истребление местных ханов, разорение старых крепостей и захват земли[398]. Вторичное завоевание Ахала текинцами затянулось на сто с лишним лет и не проводилось планомерно. Обычно поход предпринимался силами определенной, состоявшей из представителей разных родов, группировки теке (очень часто смешанной), против какого-либо одного феодального городка, где сидел емрелинский, алилинский или курдский хан[399]. Местное население, особенно туркменское, часто поддерживало текинцев (например, махтумы в Багире)[400], но иногда оказывало сопротивление (анаули в Анау[401], курды в Гермабе) и в случае неудачи переселялось в другое место. В результате часть племен (мехинли, мурчали, махтумы) осталась жить на старых местах, другие (емрели, карадашлы, алили) почти поголовно ушли в Атек или в Хорезм. К началу

---

* не выходившей, впрочем, за рамки вассальных отношений.

XIX в. теке уже владели большой частью Ахала от Кизыл-Арвата до Ашхабада[402].

В то же время на севере завязалась ожесточенная борьба между туркменской феодально-родовой знатью и узбекскими феодалами за главенство в Хиве[403]. С 1757 по 1779 гг. там шли непрерывные войны, которые привели Хиву к невероятному разорению и голоду, доходившему до людоедства. В городе Хиве осталось 14—40 домов. Ёмутская знать на время захватила власть в Хиве, ёмутские феодально-племенные вожди поделили между собой города, хотя сохранили старый государственый аппарат[404]. Но против них выступила знать прибывших в Хиву салыров и теке[405]. Используя и разжигая межплеменную борьбу туркмен, к власти в Хиве пришел в конце XVIII в. крупный узбекский феодал Мухаммед-Эмин, основатель кунградской династии. Часть туркмен (вероятно, более зажиточные) стала нукерами хивинских ханов[406]. Туркмены получили землю и воду, хотя и в хвостовой части каналов. Таким образом, хивинское феодальное государство уже в 80-х гг. XVIII в. несколько окрепло, а туркмены оказались на положении подчиненного меньшинства, хотя часть их и вошла в состав привилегированного феодального сословия.

В конце XVIII в. бухарские эмиры, воспользовавшись ослаблением Персии, захватили с помощью теке и сарыков Мерв, за которым с тех пор окончательно закрепилось его туркменское название — Мары. Во время войны по приказу эмира Шамурада была разрушена плотина на реке Мургаб, что привело к запустению большей части оазиса. Остатки иранского населения Мары были уведены в Самарканд и Бухару, салыры постепенно переселились в Серахс, а Марыйский оазис заняли сарыки и часть теке.

Во второй половине XVIII в. продолжалось русско-туркменское сближение[407]. В основе его лежали крепнущие экономические связи. Особенно активно участвовали в них прикаспийские туркмены — жители Челекена и Мангышлака. Русские купцы и рыбопромышленники привозили сюда нужные туркменам товары — муку, деревянную посуду, чугунные котлы, а увозили войлок, овчину, рыбу и т. п. Прибытие русских кораблей встречалось туркменами с большой радостью. На берегу

собиралось множество людей, приезжавших порой за сотни верст и начиналась оживленная меновая торговля. Туркмены охраняли русские торговые караваны, шедшие в Хиву и Бухару. От туркменских племен продолжали поступать просьбы о принятии в русское подданство. Царское правительство неоднократно обсуждало этот вопрос, посылало экспедиции на восточное побережье Каспийского моря, но присоединить эту область к России не решалось из-за трудности сооружения крепостей и содержания гарнизонов в суровой, безводной стране с редким населением.

К началу XIX в. туркмены заселяли всю территорию нынешнего Туркменистана и часть сопредельных территорий. В Ахале, жили теке и ряд мелких племен (анаули, алили, емрели, мехинли, мурчали и др.), в Атеке — емрели, алили, мехинли и теке-караханлы, в Теджене — теке, в Серахсе — салыры, в Мары — теке и сарыки, в хивинских землях — ёмуты (байрам-шалы), човдуры, емрели и карадашлы, на Гургене — ёмуты (кара-чока), в западном Копет-Даге — гоклены и нохурли, на Аму-Дарье — эрсари и множество группировок разных племен (теке, салыр, човдур, баят, сакар и др.), в окрестностях Андхоя и Меймене* — эрсари и алили, на Балханах — немногочисленные группы ёмутов, на Усть-Урте и Мангышлаке — човдуры, на Челекене — огурджали. Следует оговориться, что для каждой области названы лишь основные племена, фактически, перемешивание племен было гораздо большим. Многие эвлядские («священные») племена, вообще, не имели единой отдельной территории и жили мелкими группами среди других племен (ших, сеид, ходжа, меджеур). Длительное жительство мелкой иноплеменной группировки на территории какого-либо большого племени часто вело к тому, что она фактически инкорпорировалась (например, гургенские эймуры стали рассматриваться как один из ёмутских родов), но обычно на этих людей все же смотрели несколько свысока.

Хозяйство туркмен в XVIII—XIX вв. (до присоединения к России) изучено еще совершенно недостаточно,

---

* В настоящее время эти города находятся на территории Северного Афганистана.

хотя материал по данному вопросу имеется довольно богатый.

Важнейшим занятием туркмен в XVIII—XIX вв. было, очевидно, скотоводство. Чал, напиток из кислого молока, и гурт, сухой овечий сыр, были обычными продуктами питания. Разводились прежде всего овцы и верблюды. Главную массу поголовья верблюдов составляли различные виды помеси одногорбых и двугорбых верблюдов — нер, майя и другие. Овец разводили больше всего курдючных, грубошерстных, местной породы; каракульских овец было мало. Большое значение имели также лошади, особенно боевые кони (ат) и рабочие лошади (яби). Меньшую роль в хозяйстве играли козы, крупный рогатый скот и ослы. Для охраны стад использовались собаки-овчарки. Скотоводство было экстенсивным. Основная масса скота (кроме лошадей) круглый год содержалась на пастбищах. Бо́льшую часть года стада находились на пастбищах, на границах оазисов или в глубине песков. Летом, после уборки урожая, скотоводы (чарва) пригоняли свои стада поближе к аулам и кормили скот соломой. Кроме того, практиковался выпас скота на жнивье, что особенно повышало его упитанность. Заготовки кормов не производилось. Это приводило к тому, что в сухие или слишком холодные годы скот погибал массами. Земледельцы-чомуры, имевшие небольшое количество скота, сооружали для него загоны (агылы) из сухой верблюжьей колючки. Эти «стены» были одновременно запасом корма на зиму. Для водопоя сооружались колодцы и водосборные ямы (каки). Лошади содержались не в табунах, а на приколе возле жилья и получали, помимо сена и люцерны, ячмень, пшеницу, джугару и ячменные лепешки (последние — перед походами)[408]. Таким образом, заготовка кормов, по крайней мере для лошадей, производилась. Помимо лошадей, на привязи содержалось небольшое количество баранов (баг-гоюн), предназначенных на убой. Этих баранов особенно тщательно откармливали люцерной, дынной кожурой, ячменем, отрубями и т. п. Впрочем, это могло делаться лишь в незначительных масштабах.

Туркмены умели выводить ценные породы скота и улучшать их. Всемирной известностью пользуются ахал-

Рис. 13. Жеребец ахалтекинской породы.

текинские и ёмутские лошади, сыгравшие крупную роль в коневодстве и коннозаводстве Европы, не говоря о Востоке[409]. Марыйскими текинцами была в XIX в. выведена сараджинская овца, имеющая поныне немалое значение в народном хозяйстве республики. Большая работа проводилась в области улучшения породы верблюдов. Высокими качествами отличаются туркменские овчарки и борзые, весьма ценившиеся скотоводами и охотниками.

О численности поголовья скота в XVIII—XIX вв. прямых данных почти нет, так как вообще никакой статистики у туркмен не существовало. По сведениям Агехи, хивинские аламанщики угнали в 1852 г. у марыйских сарыков 40 тысяч верблюдов и 80 тысяч овец[410]. Персидский военачальник Аббас-Мирза во время грабежа Серахса в 1832 г. получил в число прочей добычи, вошедшей в его личную долю, 300 салырских

коней[411], широко славившихся в первой половине XIX века. В Марыйском оазисе в 1884 г., т. е. непосредственно после присоединения к России[412], имелось 267000 голов мелкого рогатого скота, 42 780 голов крупного рогатого скота, 11 780 лошадей и 8 340 верблюдов. Кроме того, в оазисе насчитывалось свыше 24 000 ослов, широко использовавшихся как в хозяйстве, так и для различных поездок. Подобный состав поголовья может считаться в общем типичным для всех районов Туркменистана, кроме прикаспийской полосы, где количество крупного рогатого скота было ничтожным, зато в большом числе разводились верблюды. Во всяком случае, поголовье было настолько большим, что о стойловом содержании не могло быть и речи. Скотоводство было или кочевым, или, чаще всего, отгонным. При каждом стаде находился пастух (чопан) и его помощник (чолук). Последний выполнял, в основном, подсобную хозяйственную работу. Работа пастухов являлась чрезвычайно тяжелой и опасной. Пастухи жили в жалких шалашах (чатма) или в землянках, по несколько дней оставались под открытым небом, страдая летом от жары и жажды, а зимой от дождей и морозов. Их жизни грозила постоянная опасность от нападения аламанщиков и хищных зверей.

Однако было бы неправильным игнорировать тот несомненный факт, что в хозяйстве туркмен видную роль играло земледелие. Выше отмечалось, что сочетание экстенсивного кочевого скотоводства с примитивным земледелием было основой хозяйства туркмен в XIV—XV вв., в связи с чем часть населения не кочевала, а оставалась обрабатывать пашни в районах зимовок. Деление населения на «чарва» (скотоводов) и «чомур» (земледельцев) удерживалось у туркмен и в XIX в., причем можно предполагать, что число оседлых хозяйств постепенно увеличивалось. Ко времени присоединения Туркменистана к России оседлых земледельцев-чомуров было значительно больше, чем скотоводов-чарва[413]. Такие племена, как алили, мурчали и анаули, были, несомненно, оседлыми почти целиком. Эрсари в 1879 г. также произвели на русского путешественника Быкова[414] впечатление народа, крепко осевшего на землю. Это подтверждается и стихами Сеиди, который больше

пишет о земледелии, чем о скотоводстве[415]. Весьма велик был процент оседлого населения у сарыков, текинцев, гокленов, емрели, хорезмских човдуров и ёмутов, нохурли, махтумов. Еще в середине XVIII в. туркмены, бежавшие из Южного Туркменистана на Мангышлак, говорили, что они «люди не кочевые и обыкли к хлебу, и где хлебных мест нет, там они жительства иметь не могут»[416]. Текинская знать, например, в середине XIX в. уже как правило не кочевала, а жила оседло. Стремление к оседлости, к овладению землей, пригодной для хлебопашества, было сильным у всех племен. Об оседлости говорит широкое распространение крепостей и постоянных жилищ. Только у прикаспийских туркмен кочевники-скотоводы составляли подавляющее большинство населения. Русские чиновники, описывавшие быт и хозяйство туркмен непосредственно после присоединения к России, когда русское влияние не успело еще сказаться, отмечали, что «туркмен, обитающих в Закаспийской области, нельзя назвать ни вполне кочевым населением, ни вполне оседлым... Даже чарва—не чистые кочевники. Их семьи и имущество — в аулах; только в конце весны жены и работницы идут в пески для сбора молока и приготовления его продуктов, а хозяева и работники занимаются стрижкой шерсти. Ко времени уборки хлебов чарва возвращаются в аулы, стада кормятся жнивьем и сохранившейся соломой»[417].

Основными сельскохозяйственными культурами были: пшеница, джугара, дыня, ячмень, люцерна, просо, тыква, хлопок, кунжут; огородов было мало и овощи, кроме лука, употреблялись, главным образом, старыми оседлыми племенами — анаули, мехинли, мурчали, а также гокленами; лук сажался повсеместно.

Важнейшей сельскохозяйственной культурой была пшеница; сеяли, главным образом, яровую пшеницу (язлык), но были и озимые посевы. В обильных водой местах сеяли рис. Кое-где существовали плодовые сады, особенно у коренных южнотуркменских племен (мурчали, махтумы, анаули, мехинли), а еще чаще — виноградники. Разводилась также и шелковица, прежде всего, в Нохуре и на Лебабе (Карабекаул — Пальварт).

Земледелие, в основном было, пашенным, но земледельческая техника была очень примитивной. Сельско-

хозяйственными орудиями служила громоздкая деревянная соха (омач, кюнде) с железным сошником и деревянная борона (мала), представлявшая массивную доску. В омач и малу запрягали пару коней или верблюдов, реже волов[418]. Вспомогательную роль играли кетмень (главным образом, в Восточном Туркменистане и отчасти на Мургабе) и лопата (пиль). Убирали урожай железными серпами. Серпы были двух типов — без зубцов (ангал), которыми убирали зерновые, и с зубцами (орак), которыми убирали люцерну и другие травы. Существовал специальный тип небольшого орака для подрезки винограда, шелковицы и других деревьев. Для переработки сельскохозяйственных продуктов служили небольшие водяные и ручные мельницы (дегирмен), прессы для выжимания кунжутного масла (джуваз), грубые деревянные ступки (сокы) и т. п. Хлеб пекли в примитивных глиняных печах (тамдыр), а пастухи — просто в золе (ер-чорек).

Орошаемое земледелие решительно преобладало над посевами под дождь. Для орошения сооружались каналы, а в Прикопетдагской полосе, помимо их, кяризы,— подземные каналы. Иногда стенки кяризов облицовывались грубыми керамическими плитками. Плотины строились из таловых бревен и связок гребенчука, засыпанных землей. Постройка кяризов, плотин, каналов, ремонт и очистка ирригационных сооружений требовали, при наличии низкой техники, огромного количества труда. На сооружении кяризов использовался труд рабов-иранцев. Необходимость трудоемких работ по созданию и поддержанию ирригационной сети была серьезным фактором, обуславливающим стойкое сохранение у туркмен крепкой общинной организации, особенно в Марыйском оазисе и в Приамударьинских районах.

Орошение, главным образом, было самотечным, но все же довольно широким распространением пользовались простейшие водоподъемные сооружения — водоподъемное колесо (чигирь), приводимое в движение силой воды или животных, и еще более примитивные «нова» («корыта»), приводимые в действие силой человека.

Правильных севооборотов, видимо, не существовало. Имеющиеся у некоторых авторов XIX в. сведения о сложных севооборотах у гокленов[419] не подтверждаются

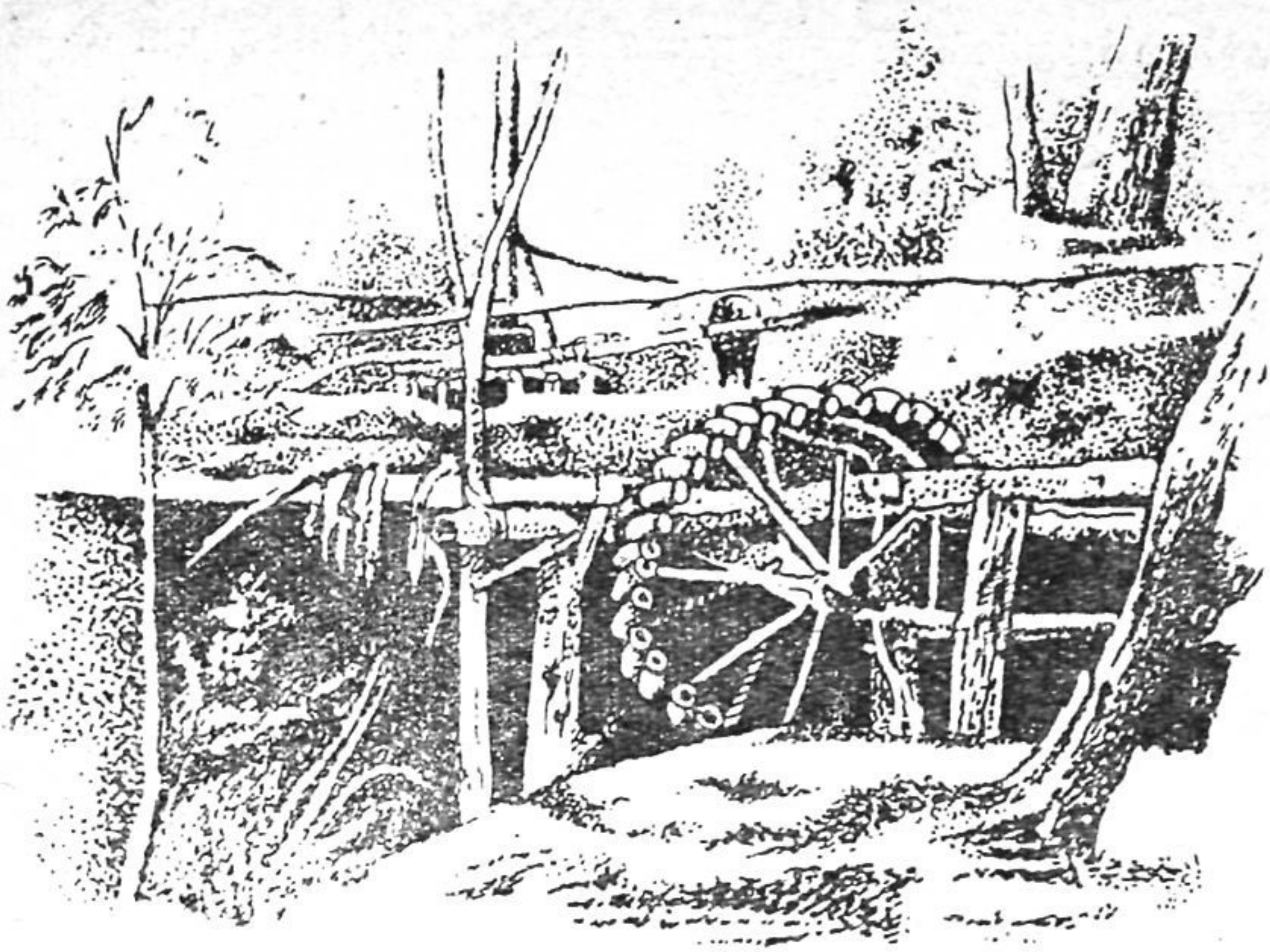

Рис. 14. Чигирь.

другими источниками. В этих условиях прочно сохранялось архаическое переложное земледелие[420], тем более, что земли было много, нужно было лишь периодически сооружать новые отводные арыки для орошения новых участков. Это, конечно, требовало затраты огромного количества труда и приводило к большим потерям воды. Туркмены применяли местные удобрения. Повсеместно применялся навоз — его специально привозили на поля, а особенно на виноградники, или пасли на полях скот после уборки урожая. Широко использовали также в качестве удобрений землю с древних городищ и курганов, а в Хорезме ил из старых каналов. Иногда удобряли землю золой, сжигая на полях траву.

Орошаемую землю обрабатывали тщательно. Поле делили на идеально выравненные участки (пел), окруженные невысокими валиками (чиль). Затем проводили предпосевной полив, вспахивали землю 2—3 раза омачом, сеяли вручную зерно, вновь проходили омачом, а пос-

ле него малой. Полив после посева производили 3—4 раза. Для посадки дынь разбивали грядки.

Жаркий климат позволял снимать с орошаемой земли по два урожая, особенно после ячменя и озимой пшеницы. После уборки урожая этих культур сажали дыни или сеяли джугару, которую скашивали в октябре на корм скоту. Некоторое значение имели посевы на неполивных землях: во-первых, богарные посевы зерновых в горах и предгорьях, где было прохладнее и дольше держалась влага, во-вторых, посадка дынь, особенно так называемых «сорокадневок», в котловинах, обильно увлажненных талыми, дождевыми водами или силевыми потоками, в-третьих, каирное земледелие на влажных пойменных участках. В двух последних случаях земледелие носило самый примитивный, совершенно первобытный характер, в противоположность довольно интенсивному земледельческому хозяйству на орошаемой земле. Помимо скотоводства и земледелия туркмены занимались различными ремеслами.

Главнейшими видами ремесла было домашнее ткачество, валяние войлока, обработка кожи, изготовление ковров. Все это, кроме обработки кожи, было занятием женщин.

Но были и другие виды ремесла, составлявшие основное занятие специалистов-мастеров — обработка металлов (в том числе кузнечное, оружейное и ювелирное дело), плотницкое дело, гончарное дело, строительное дело, изготовление шапок, обуви, а на берегах моря и рек еще и постройка лодок.

Среди ремесленников этих специальностей, работавших, как правило, не на удовлетворение потребностей своего хозяйства, а на заказчиков, было немало иранцев, хивинцев и т. п., но основную массу мастеров составляли, видимо, все же туркмены. Ремесло, конечно, не отделялось полностью от сельского хозяйства и ремесленники обычно имели еще какой-либо доход, чаще всего от сельского хозяйства. В мастерской, помимо мастера-уста, были ученики-шагирды. Эти термины указывают на связь туркменских ремесленников с высокоразвитым ремеслом средневекового Хорасана и Хорезма. Недавно обнаружено, что у хорезмских туркмен-ремесленников имелись и «рисале» — «цеховые уставы», очень

близкие к средневековым рисале Среднего Востока[421]. В некоторых городах XVIII—XIX вв., например, в Абиверде и Анау, ремесленные мастерские составляли нечто вроде особого квартала[422]. Все это указывает на развитие товарного производства и внутренней торговли в Туркменистане до присоединения к России.

Вместе с тем, мы можем наблюдать у туркмен XVIII — XIX вв. специализацию некоторых родов и племен на определенных видах промысла. Так, мурчали славились на весь Туркменистан шелком[423]. Одно из подразделений туркмен— солтаниз в Мары называлось джувазчи, т. к. изготовляло джувазы (прессы для выжимания кунжутного масла) и т. п. По словам Алиханова, побывавшего в Мары накануне присоединения оазиса к России, «...седельщики все из колена язы, кибиточные мастера—шихи, плети выделывают только буркозы, а деревянную посуду и сита яры-геокча»[424].

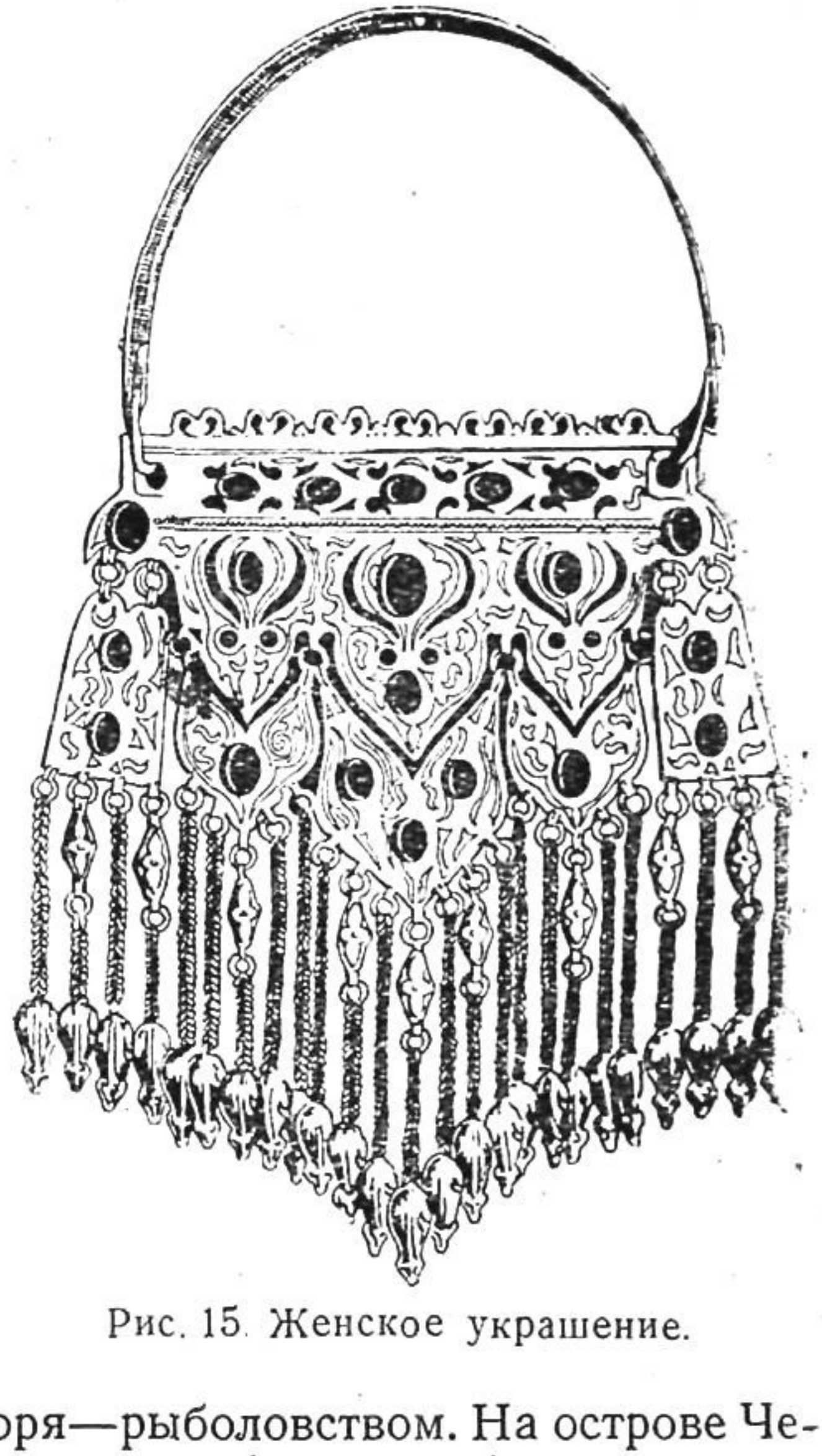

Рис. 15. Женское украшение.

Помимо земледелия, скотоводства и ремесла туркмены повсеместно занимались охотой, а на берегах Каспийского моря—рыболовством. На острове Челекен туркменское население добывало нефть, озокерит, соль и изготовляло минеральные краски[425]. Конечно, у туркмен натуральное хозяйство господствовало, но в туркменском обществе существовало также товарное производ-

ство и торговля. Во-первых, в Туркменистан проникали товары из соседних стран — русские, хивинские, бухарские, иранские, отчасти и западноевропейские. Уже в конце XVIII в. русские товары продавались на марыйском базаре[426]. В Прикопетдагской полосе часто встречаются русские монеты XVIII в. [427]. П. Рычков еще в середине XVIII в писал, что туркмены занимаются торговлей с Хивой, Бухарой, Балхом и Бадахшаном[428]. Во-вторых, сами туркмены торговали нефтью, озокеритом, растительными красками[429], пшеницей[430], скотом и продуктами скотоводства, коврами и другими ремесленными изделиями. Туркмены настолько нуждались в торговле, что запрещение посещать базары было одним из средств подавления непокорных туркменских племен и это средство неоднократно использовали феодальные государи Среднего Востока[431]. Большие базары были, в частности, в туркменских районах, например, в Мары, в эрсаринских селениях по среднему течению Аму-Дарьи[432] и т. п.

Алиханов так описывает марыйский базар в начале 80-х г. XIX в. незадолго до присоединения Марыйского оазиса к России: «...По всем дорогам снуют на базар и обратно толпы пеших и конных... Площадь наполняется толпою в 4—8 тысяч мужчин без единой женщины, а все животные остаются привязанными на валах крепости. Вся эта масса, кто с овчинами, кто с туземной обувью, с готовыми халатами, с плетеными корзинами, с медною или деревянною посудою, с конским убором, с конскими украшениями, с борзыми и соколами, с рогатой скотиной и т. п. толчется или движется вокруг нескольких десятков крошечных лавчонок, занимающих в две линии середину базара. Лавчонки эти небольшие, открытые сверху глиняные оградки, и в них сидят на голой земле торговцы, окруженные своим товаром: московский ситец, изюм, коренья, персидский сахар, опиум, зеленый чай, сушеные дыни, табак, бухарские самовары, хлопок и т. п.... На краю базара обыкновенно группируются люди, торгующие лошадьми, ослами и верблюдами»[433]. Торговля была настолько развита, что туркмены знали даже чеканку денег[434].

Таким образом, представление о туркменском хозяйстве, как о чисто натуральном, не соответствует действительности, хотя решительное преобладание натурального

хозяйства не подлежит сомнению. Не соответствует действительности и представление о туркменах, как о кочевниках-скотоводах. Кочевниками в XVIII—XIX вв. было лишь меньшинство туркмен, точно так же, как незначительная часть туркмен была полностью оседлыми земледельцами. Хозяйство громадного большинства туркмен представляло нерасчлененное единство отгонного скотоводства, орошаемого земледелия и домашнего ремесла. Основная масса туркмен вела не кочевой, а полуоседлый образ жизни. Недаром и жилища у туркмен были весьма разнообразны. Наряду с кочевнической юртой (кара-ой), у них были распространены глинобитные или каркасные дома (там), укрепленные усадьбы (ховлы), крепости (кала), а также различные шалаши, землянки и т. п. В некоторых крупных аулах были мечети, медресе и другие здания.

Хозяйство и общественный строй туркменских племен в конце XVIII и начале XIX вв. не были вполне однородны. Всех туркмен этого времени можно разделить на три основные группы.

а) Прикаспийские туркмены (гургенские, балханские, мангышлакские)[435]. Хозяйство их носило в основном натуральный характер (кроме добычи нефти на Челекене). Основную роль играло кочевое скотоводство, причем источниками и колодцами распоряжалась феодально-родовая знать, владевшая также огромными стадами скота. Беднота частично оседала на землю, но арыки, выведенные из рек Атрек и Гурген и немногочисленные источники большей частью также принадлежали знати. Трудящиеся скотоводы и земледельцы подвергались эксплуатации в самых архаических формах—саан, ёвар, издольщина, отработка калыма. Но значительная часть кочевников (чарва) и земледельцев (чомур) имела оружие и была лично свободна. Ханы и аксакалы, как правило, не имели никакого особого аппарата принуждения и действовали на оснований обычного права (адата). В хозяйстве широко использовался труд рабов. Прикаспийские племена в начале XIX в. составляли самую отсталую часть туркмен.

б) Хивинские туркмены[436]. В их хозяйстве земледелие играло гораздо более значительную роль, чем у прикаспийских туркмен. Феодально-родовые вожди полу-

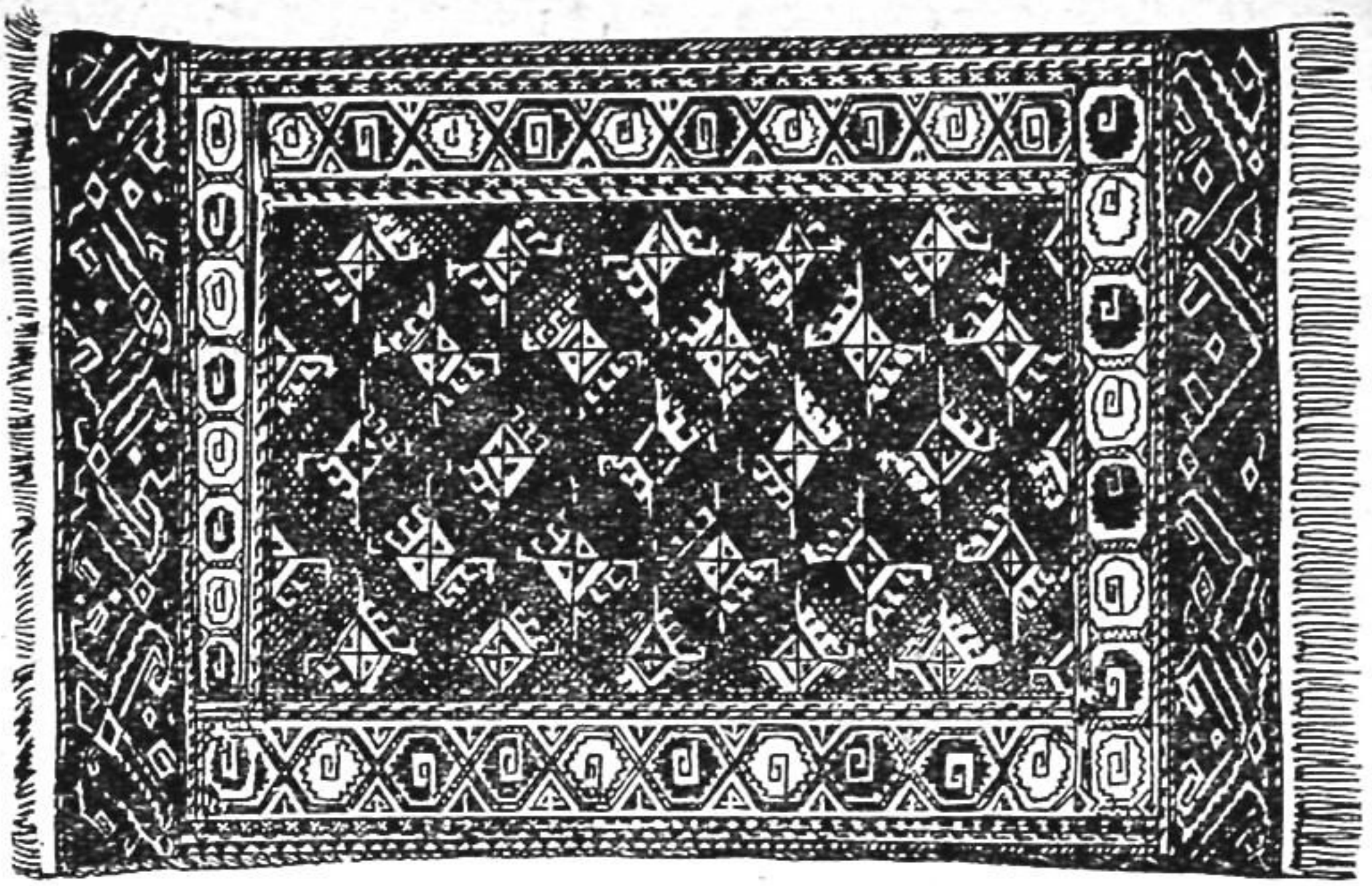

Рис. 16. Ёмутский ковер.

чали от хивинских ханов орошаемые земли и за это выставляли определенное количество нукеров (обычно одного всадника с 30 танапов). Нукеры частично освобождались от налогов и сами получали жалованье. Но вообще вся масса туркмен платила салгыт (денежный налог), закят (2,5% поголовья скота) и несла массу различных повинностей. Вожди, опираясь на дружины нукеров и на поддержку хивинского хана, эксплуатировали дейхан еще более грубо и жестоко, чем в Западном Туркменистане. Феодальные отношения здесь были развиты в большей степени, чем во всех других областях Туркменистана, но сохраняли, как и повсюду, значительные элементы патриархальности. Здесь широко была распространена издольщина, причем издольщик в силу родовых связей был юридически зависим от крупного землевладельца (мюлькдара) — родового вождя, власть которого, в свою очередь, покоилась не столько на родсвых институтах, сколько на поддержке хивинского феодального государства и на прямом насилии, обеспеченном наличием военных дружин.

в) Туркмены южной полосы[437] (ахальско-атекские, карры-калинские, теджено-серахские, мургабские, амударьинские). Часть этих племен и раньше была оседлой

(алили, мехинли, мурчали, анаули и др.), другие (теке, эрсари, салыры, сарыки) оседали в процессе заселения оазисов. Скотоводство, конечно, сохранялось, но чаще отгонное, чем кочевое. Кочевала лишь небольшая часть туркмен, при этом наиболее богатые вели не кочевой, а оседлый образ жизни, имели свои укрепленные хутора (во всяком случае к середине XIX в.)[438]. Разгром текинцами и другими переселившимися с севера туркменскими племенами местных феодалов Ахала, Мары, а позднее и Атека во второй половине XVIII и начале XIX вв. привел к тому, что оседание кочевников не сопровождалось обращением их в райят, как это было в Азербайджане и отчасти в Хиве. Поэтому устранялась одна из важнейших причин, задержавших оседание. Теке делили между участниками походов захваченную землю[439]. И постепенно весь Ахал, Атек, Тедженский и Мургабский оазисы покрылись сетью туркменских (главным образом текинских) сельских общин, причем, земли внутри общины делились, относительно, равномерно и крупного землевладения первоначально, как правило, не создавалось. Значительную часть населения составляли лично свободные дейхане (крестьяне), владевшие орудиями труда и наделенные землёй*. На такое положение перешли и ранее зависимые райятские общины алили, мехинли и другие оседлые племена. Лишь постепенно складывалось крупное землевладение на основе пожалования (например, Мурад-сердар текинский получил источник Гяурс от Бегляр-хана, хорасанского феодала[440]) или собственности на вновь орошенную землю (например, Нурберды-хан построил новый кяриз западнее Келята)[441]. Параллельно этому рос слой безземельных или чаще малоземельных издольщиков из числа поселившихся в ауле пришельцев (гельмишек) и обедневших общинников. Известное значение имел и труд рабов, но рабство носило чисто патриархальный характер[442]. Наибольшее значение имели рабыни-наложницы (гырнак), рабов-мужчин (кулов) было меньше, дети их обычно получали свободу и становились издольщиками. Сильной эксплуатации подвергались также чабаны. На этой работе часто использовались обедневшие сородичи крупных скотоводов.

---

* Это не значит, однако, что они не подвергались феодальной эксплуатации (см. ниже стр. 144)

Рис. 17. Текинский аул.

В общественном строе сохранялись некоторые элементы общинно-родового самоуправления, хотя фактически все дела вершила знать.

Несколько в особом положении были приамударьинские туркмены[443]. Они жили на землях Бухары и платили эмиру харадж[444]. Но фактически они мало зависели от эмира и бухарских беков и пользовались широкой автономией. Все же постоянная связь с феодальной Бухарой и формальная зависимость от эмира привели к значительному увеличению влияния и авторитета знати. К тому же процесс оседания у эрсари прошел, в основном, еще во второй половине XVII в., хотя они временно уходили со своих новых земель в 40-х годах XVIII в. Поэтому во второй половине XVIII в. мы видим там значительные успехи феодализации, которые у теке падают на XIX в. Все же большинство эрсаринцев в XIX в. оставалось свободными общинниками, наследственными владельцами земли.

Итак, если на западе Туркменистана мы видим в конце XVIII и первой половине XIX вв. господство экстенсивного кочевого скотоводства и патриархально-феодальных отношений в их наиболее архаическом ва-

рианте, то на севере мы находим полуоседлые племена, у которых процесс феодализации под влиянием Хивы ушел довольно далеко, а на юге также полуоседлое население, но сохранившее многие элементы патриархального строя, хотя и здесь феодально-родовая знать постепенно усиливается и играет ведущую роль в общественно-политической жизни. Эти различия однако были второстепенными. Общественный строй всех туркменских племен может быть определен как патриархально-феодальный. Для всех областей Туркменистана было характерно господство натурального хозяйства, племенная разобщенность и отсутствие собственно-туркменской государственной организации.

Определение общественных отношений в Туркменистане XVIII—XIX вв. (до присоединения к России) как патриархально-феодальных, означает, что в туркменском обществе существовали, сочетались и переплетались и феодальные и патриархально-родовые отношения, при господстве первых.

Буржуазные, особенно националистические историки обычно подчеркивали патриархальные черты в экономике и быте туркмен, игнорируя, а подчас и сознательно замазывая, наличие классовых, феодальных отношений в туркменском обществе. В результате, элементы патриархальных отношений у туркмен изучены и освещены значительно лучше, чем феодальные отношения. В частности, почти не разработан вопрос о феодальной собственности на землю, о феодальном хозяйстве и т. п.

У туркмен XVIII—XIX вв. сохранялась, как известно, родо-племенная организация. Туркменские племена (тайпа) — теке, ёмут, эрсари, салыр, сарык, гоклен, алили и другие делились на более мелкие родовые подразделения (уруг, тире). Так, племя теке делилось на два колена—отамыш и тохтамыш, колено тохтамыш делилось на более мелкие подразделения бек и векиль, бек — на конгур и аманша-геокча, конгур — на ак-конгур и кара-конгур и т. д. Такую же примерно организацию имели и другие туркменские племена. Это и дает некоторым авторам повод говорить о «родовом строе» у туркмен.

В действительности у туркмен и их предков родовой строй был разрушен уже много веков назад и в XVIII — XIX вв. сохранились лишь сильные пережитки его, осо-

бенно в быту. Известно, что экстенсивное кочевое и полукочевое скотоводство неразрывно связано с патриархальным бытом. Так было и у туркмен. Но туркменские «роды» и «племена» не были первобытными кровнородственными коллективами. Туркменские роды и племена часто возникали из объединений, сложившихся вокруг крупного степного феодала (эрсари, хызр-эли), из населения какого-либо городка и села, которое в условиях господства патриархального быта стало рассматриваться как «племя» (анаули, мехинли и др.). Иногда в «племя» превращалась даже та или иная сословная группировка (сеид, ходжа, меджеур). Последние два случая связаны с тем, что в процессе этногенеза туркмен ведущую роль играли кочевые и полукочевые скотоводческие племена, например, огузы, ассимилировавшие древнее оседлое население земледельческой полосы, что привело к возрождению у последнего давно исчезнувшей у него родоплеменной организации.

Туркменские племена, особенно крупные, очень редко выступали как единое целое. Хорезмские ёмуты, например, чаще выступали совместно с хорезмскими емрели, чем с гургено-атрекскими ёмутами. Рассеяны, разобщены были также многие роды. Сычмазы, например, жили и в Бахардене, и в Меана, и в Марыйском оазисе, кисыл-гёзы — в Ахале и в Чаача и т. п. С другой стороны, многие села имели смешанное население. В Кеши жили представители восьми разных текинских родов, в Багире жили теке, махтумы и курды и т. д. Фактически основой общественной организации, собственником земли и воды, организатором хошарных и других общественных работ был не род, а «оба», территориальная (сельская) община, аул, населенный иногда представителями одного рода, иногда — нескольких родов. Древние кровнородственные связи (гарындашлык, в широком смысле этого слова) вытеснялись и заменялись территориальными связями (обадашлык).

Сохранение элементов древнего патриархально-родового быта, в частности, родоплеменной организации, обусловливало сохранение в туркменском обществе архаического деления на «иг» — полноправных членов родовой общины («чистокровных»), «кулов» и «гырнак» — рабов и рабынь и «ярымов»—потомков от смешанных браков

лиц свободного и рабского состояния. К этим основным категориям следует добавить «гельмишеков» — пришельцев, принадлежащих к другим родам и племенам, а кое-где и «татов» — потомков покоренных оседлых племен. Но это деление не вполне соответствовало реальному положению вещей, так как среди самих «иг» не было равенства.

В действительности, несмотря на всю нечеткость классовой структуры туркменского общества XVIII—XIX вв., которая была осложнена сохранением значительных пережитков патриархально-родовых отношений, мы отчетливо видим деление туркменского общества на эксплуататоров и эксплуатируемых.

К эксплуататорам относилась феодально-родовая и феодально-служилая знать—ханы, беки, нукеры у (хорезмских и среднеамударьинских туркмен), аксакалы — тиребашлыки, духовенство (ишаны, кази, муллы), купцы, ростовщики и просто богатые землевладельцы и скотовладельцы, эксплуатирующие чужой труд.

К эксплуатируемым относились свободные крестьяне-общинники (земледельцы и скотоводы), владевшие наделом, ремесленники, малоземельные и безземельные издольщики, батраки, рабы.

Для правильного представления о туркменском обществе XVIII—XIX вв. необходимо выяснить производственные отношения между перечисленными социальными группами.

И. В. Сталин, характеризуя производственные, экономические отношения людей, писал: «Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение или как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов» (И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, стр. 73).

Как известно, производственные отношения «... могут быть отношениями сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, они могут быть отношениями господства и подчинения, они могут быть, наконец, переходными отношениями от одной формы производственных отношений к другой». (И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 590).

Относительно трех типов производственных отношений, пройденных туркменским народом и его предками до середины XIX в.— первобытно-общинных, рабовладельческих и феодальных — следует сказать, что первобытно-общинные отношения являются отношениями сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, в то время как рабовладельческие и феодальные отношения являются отношениями господства и подчинения. В период разложения первобытно-общинного строя и зарождения классовых отношений создаются переходные формы производственных отношений, свойственные поздней родовой общине (обычно патриархальной) и ранней сельской (соседской) общине. С тех пор, как хозяйство становится индивидуальным, основанным на частной собственности, постепенно исчезают сотрудничество и взаимная помощь между трудящимися. Это переходное состояние сохраняется до тех пор, пока над общинами не возвышается верховный собственник земли (в лице восточной деспотии или в лице феодала), в связи с чем отношения между свободными от эксплуатации мелкими самостоятельными производителями сменяются отношениями господства и подчинения.

У туркмен имелись некоторые пережитки первобытно-общинных отношений — «ёвар» и «уме» — взаимная помощь трудящихся при хозяйственных работах (наподобие русской «помочи»), «хошар» («казу») —совместная работа по сооружению и ремонту ирригационной сети, главным образом, по очистке каналов, обычай засевать общими силами жителей аула участок земли в честь Баба-Дайхана*, причем урожай с этого участка частично шел в пользу вдов и сирот, частично на устройство общей трапезы (худай-ёлы), широко распространенная родовая взаимопомощь и т. д.** К этой же категории относятся и различные артельные организации (шарикаты, адаманы), имевшие целью сооружение общими силами новых арыков и очистку старых. Однако, община у туркмен не была хозяйственной единицей, хозяйство было частным, индивидуальным, а не общин-

* Баба-Дайхан почитался в качестве покровителя земледельческого труда. В нем воплотился, очевидно, образ древнего земледельческого божества.

** Пережитки подобного рода сохранялись и у других народов в рабовладельческую и феодальную эпоху.

ным, названные выше пережитки не играли серьезной роли в экономике туркмен. К тому же эти пережитки (в ооебенности хошар) в новых условиях значительно изменили свое содержание и широко использовались феодально-родовой знатью в целях замаскированной эксплуатации сородичей.

Для выяснения вопроса о том, какие производственные отношения господствовали у туркмен в XVIII—XIX вв. необходимо прежде всего рассмотреть формы собственности на средства производства.

Орудия труда и скот находились в частной собственности, так же как семена и сырье. Наличием частной собственности на орудия труда и скот обусловливалось неравномерное распределение их. При всей бедности статистических сведений о туркменах мы знаем, что наряду с крупными скотовладельцами (Теке-хан, например, в первые годы после присоединения к России имел 20 верблюдов, 300 лошадей и 500 баранов[445]) была бесскотная беднота. Нет данных о распределении орудий труда, но несомненно и в этой части имело место значительное неравенство. Чигири, в частности, принадлежали богачам и использовались для эксплуатации бедноты.

Гораздо сложнее обстояло дело с формами собственности на землю и воду — основные условия производства. Эти формы собственности были весьма неоднородны по различным областям Туркменистана и многообразны внутри каждой области.

В земледельческих районах Южного Туркменистана (Ахал, Атек, долины Мургаба, Теджена и Атрека, районы по среднему течению Аму-Дарьи) преобладали санашик и мюльк[446].

При санашиковой форме собственности, особенно широко распространенной в Мургабском оазисе[447], земля и вода считались собственностью «оба», аула, сельской общины. Периодически производились переделы, причем первоначально «су», водный пай, получал каждый взрослый мужчина, позднее же — лишь женатые. Как и когда совершился этот переход неизвестно, но он имел большое значение в деле экономического расслоения аула, так как баи (богатые люди) получили дополнительную возможность сосредотачивать в своих

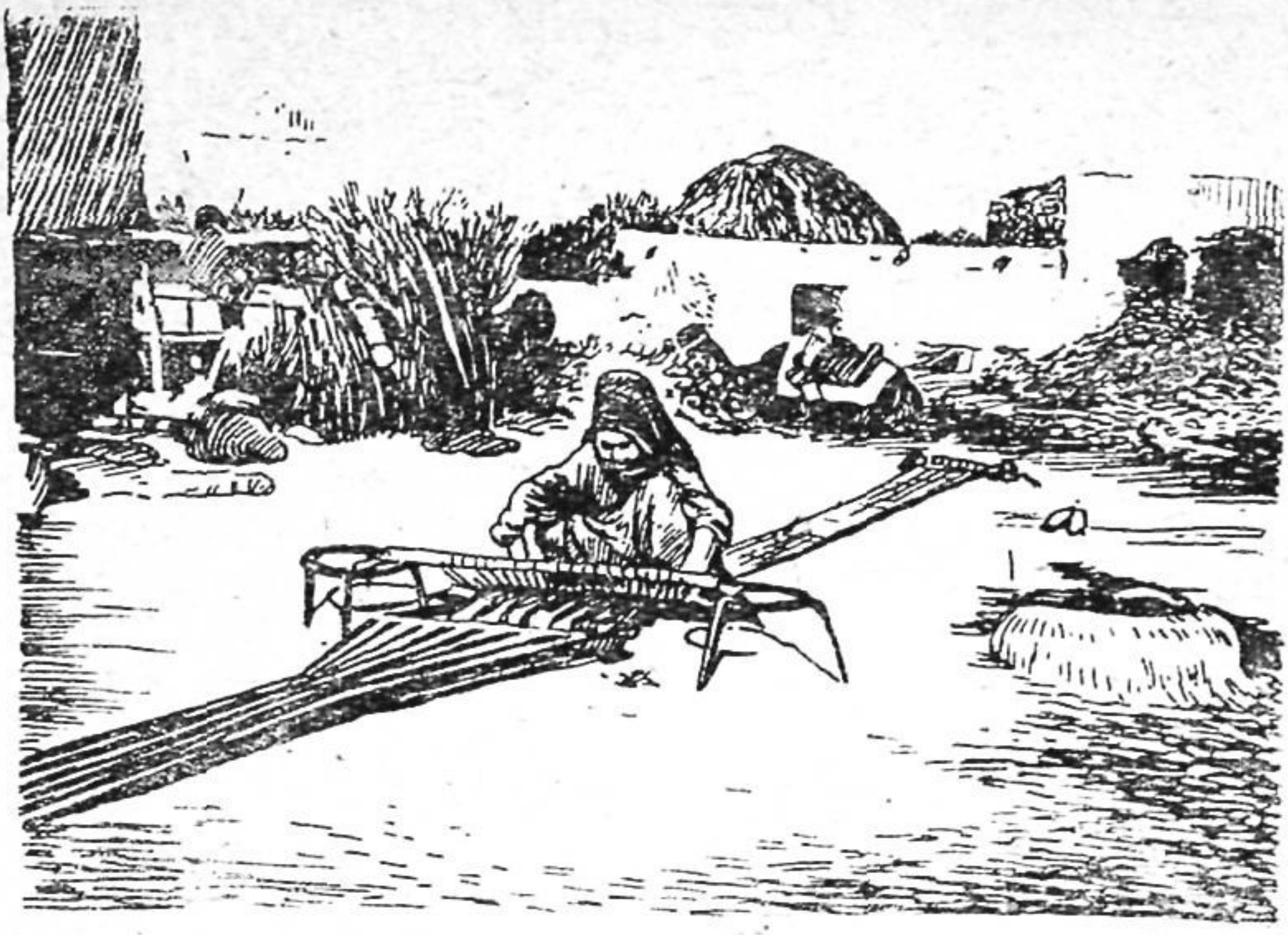

Рис. 18. Двор текинского дома (ЮТАКЭ).

руках землю и воду. Они женили малолетних сыновей и получали на каждого по одному «су», в то время как бедняки, не имевшие возможности заплатить высокий калым за жену, оставались порой на всю жизнь холостыми и безземельными. Женщины на получение земли и воды вообще не имели права. Это ставило их в приниженное, зависимое положение.

Следует учесть также и то, что старшины-аксакалы имели, как правило, не один «су», а несколько, порой до 20[448]. Это показывает, что санашиковое землевладение не означало подлинного равенства земельных наделов, хотя до известной степени затрудняло концентрацию земли и создание крупной земельной собственности.

Но рядом с санашиком широкое распространение (особенно в Ахале и на побережье Аму-Дарьи) имел мюльк — частное землевладение. Мюльковая земля и вода продавались и передавались по наследству, хотя отчуждение мюлька было обставлено рядом формальностей и ограничений[449]. Все это сближает мюльк с раннесредневековым западноевропейским аллодом.

Мюльк в Южном Туркменистане был владением самых различных размеров. Например, 84 текинских семьи, захватившие Кеши, поделили между собой землю и воду, причем, надел каждой семьи передавался по наследству и делился между детьми мужского пола. В результате некоторые кешинские мюльки раздробились настолько, что их владельцы превратились в бедняков[450]. Но, с другой стороны, некоторые мюльки достигали весьма значительных размеров.

Подобные крупные мюльки создавались на основе пожалования водных источников или постройки новых ирригационных сооружений (каналов, кяризов). В последнем случае вся вновь орошаемая земля, в соответствии с шариатом, переходила к собственнику воды.

Так, например, известный текинский предводитель первой половины XIX в. Мурад-сердар (Довлет-Мурад-бек) получил от Беглер-хана, феодального правителя Дерегеза, источник Гяурс[451], текинец Кадыр-бек Куш-оглы получил от того же Беглер-хана источник Геами[452], текинец Непес-бек получил от Риза-Кули-хана Кучанского источник Нова[453], Нурберды-хан, правитель Ахала с 1858 по 1879 гг., построил кяриз западнее Келята (Хан-кяриз), Угурлы-бай — кяриз в селении Кеши. В хивинских хрониках упоминается канал Абдурахмана-халифе, известного сарыкского предводителя в в 40-х гг. в Мургабском оазисе[454] и т. д. Туркменская знать стремилась расширить свои мюльки. В 1858 г. Нурберды-хан получил землю и воду от марыйских текинцев[455] за помощь в войне против сарыков. В период присоединения Туркменистана к России знать захватила много земель в мюльк в Атеке и на Мургабе[456].

При данном состоянии производительных сил мюльки подобного рода могли быть (и действительно, были, как мы увидим ниже) только феодальной земельной собственностью, этой основой феодализма.

Очень мало изучен вопрос о собственности на землю в скотоводческих районах. Все же можно утверждать, что пастбища (земля) считались собственностью рода. Однако колодцы, без которых почти и невозможно вести скотоводческое хозяйство*, были собственностью тех,

---

* Количество каков (водосборных ям), сравнительно невелико.

кто их сооружал, т. е. людей зажиточных. Это уже ставило бедноту в зависимость от баев. Кроме того, баи, возглавлявшие уруги и тире (родовые подразделения), фактически узурпировали право распоряжаться родовой землей (пастбищами). Таким образом, феодальная собственность существовала и здесь, хотя она и была осложнена и замаскирована патриархально-родовыми формами.

Однако феодальная собственность на землю существовала в Туркменистане не только в перечисленных выше формах. Следует помнить, что вся территория Туркменистана входила в состав средневосточных феодальных государств — Персии, Хивы и Бухары и правители этих стран, основываясь на мусульманском феодальном праве, рассматривали себя как верховных собственников всей земли в своем государстве и на этом основании требовали от всего населения, в том числе и от туркменских племен, уплаты ренты-налога: зекята со скота и хараджа с возделанной земли[457]. Таким образом, все трудящиеся туркмены, в том числе лично свободные родовые общинники, владевшие землей на правах санашика или мюлька, подвергались феодальной эксплуатации.

Против этого рода эксплуатации туркмены вели непрерывную борьбу и при всяком ослаблении Персии, Хивы или Бухары переставали платить подати. Однако, неуплата податей давала феодальным государям формальный повод для обвинения туркменских племен в отпадении от ислама* и для организации войн и набегов на непокорные племена с целью взыскать харадж и зекят[458].

Вместе с тем, в туркменских районах Хивы существовал еще один вид феодального землевладения — служилое держание (атлык). Хивинские ханы принимали часть туркмен на военную службу в качестве нукеров. Каждый нукер получал земельный надел, обычно 20—30 танапов (8 — 12 га) и за это являлся на войну на своем коне, со своим оружием и продовольствием. Феодально-родовые вожди сосредотачивали в своих руках по 20—50 атлыков и содержали целые дружины.

---

* По законам ислама уклоняюшиеся от уплаты податей рассматривались как еретики, а не признающие законности податей, как отступники от ислама. Война с ними была не только дозволенным, но и рекомендованным делом.

Наконец, в Туркменистане были распространены и вакфы (вахым) — земельные владения феодального духовенства. Вакфные земли составлялись из пожертвований в пользу мусульманского духовенства и принадлежали мечетям, медресе и духовным орденам.

В результате рассмотрения форм собственности на средства производства в туркменском обществе XVIII — XIX вв. следует сделать вывод, что в этом обществе существовала «...возможность накопления богатства в руках немногих, действительное накопление средств производства в руках меньшинства, возможность подчинения большинства меньшинством...». (И. В. Сталин. (Вопросы ленинизма. изд. 11, стр. 594).

Выяснив в общих чертах формы собственности на средства производства, перейдем к рассмотрению положения различных социальных групп туркменского общества и их взаимоотношений в процессе общественного производства.

Наличие крупной собственности на землю обусловливало создание класса крупных землевладельцев, которые эксплуатировали чужой труд путем сдачи большей части своей земли в издольную аренду. Наиболее распространенными видами аренды были ярымчилик, при котором издольщик получал половину урожая, и чайрикерство, при котором издольщик получал обычно одну четверть урожая. В последнем случае хозяин земли и воды обеспечивал издольщика также рабочим скотом и семенами[459]. Такие отношения следует определить как феодальные, так как известно, что сдача земли в издольную аренду — обычный феодальный способ ведения хозяйства, особенно на Востоке.

Более примитивные и архаические формы эксплуатации сохранились в скотоводческих районах. Здесь преобладала отработочная рента. Эксплуатация бедноты осуществлялась посредством так называемого саана[460]. Сущность саана состояла в том, что бедняк, имеющий слишком мало скота для самостоятельного кочевания и не имеющий колодцев, за разрешение пасти и поить свой скот вместе с байским, обязывался или работать у бая в качестве пастуха, или обрабатывать байские пашни в районе зимовок.

Класс феодалов в туркменском обществе складывал-

ся из родоплеменных вождей (ханы, беки), военно-служилого люда (нукеры) и высшего духовенства (пиры, халифе, ишаны, кази).

Крестьянство, как уже говорилось, делилось на два основных слоя: 1) полноправных общинников, владеющих наделом земли и воды и ведущих самостоятельное хозяйство, и 2) издольщиков-земледельцев и беднейших кочевников, не имевших возможности вести самостоятельное хозяйство и поэтому находившихся в экономической зависимости от крупных землевладельцев.

Первая категория крестьян не эксплуатировалась или почти не эксплуатировалась туркменской феодально-родовой знатью* и сама, лишь, в редких случаях эксплуатировала чужой труд. Эта социальная группа составляла значительную часть населения в Прикопетдагской полосе, в долинах Теджена, Мургаба и на среднем течении Аму-Дарьи. Среди этих крестьян были не только бедняки, но и зажиточные люди. Однако, рассматривать эту категорию, населения, как стоящую вне феодальной эксплуатации, невозможно: уже говорилось, что все туркменское крестьянство в целом подвергалось феодальной эксплуатации со стороны феодальных государей Персии, Хивы и Бухары.

Издольщики, составлявшие низший слой класса крестьянства, составляли также довольно значительную массу населения: следует помнить, что в Ахале, например, на рубеже XIX—XX вв. более половины хозяйств не имели воды[461], т. е. могли существовать только арендуя землю и воду феодалов и богатых крестьян. Такая масса малоземельного и безземельного населения не могла образоваться *за 20 лет, истекшие со времени присоединения* Ахала к России, тем более, что отсутствуют какие-либо данные о массовом обезземеливании туркменских дейхан в этот период. Очевидно, значительный слой безземельных и малоземельных крестьян существовал здесь и до присоединения к России. Основная масса издольщиков составлялась из неженатой бедноты, лишенной прав на общинную землю и воду, потомков рабов и «ярымов» (лиц, происшедших от смешанных браков свободных с рабынями), представителей покоренных племен (напри-

---

* кроме эксплуатации посредством «ёвара» и «уме».

мер, курды в Багире), пришельцев-гельмишеков и просто людей, разоренных войнами, долгами и стихийными бедствиями и потерявших возможность вести самостоятельное хозяйство. Очень много издольщиков было среди хивинских туркмен, т. к. хивинские ханы давали землю только нукерам (6—7% населения), а остальные туркмены, очевидно, должны были снимать землю у нукеров, главным образом, на основе издольной аренды. Однако представители этого общественного слоя сохраняли личную свободу.

Низший слой населения составляли рабы (кулы) и рабыни (гырнак), чаще всего пленные иранцы. Рабство было патриархальным[462], но рабы подвергались чрезвычайно жестокой эксплуатации. Рабов в общем было не слишком много. Их предпочитали продавать или отпускать за выкуп. На том уровне развития производительных сил, который существовал у туркмен в XIX в. крупные землевладельцы отказывались от использования рабов, как не заинтересованных в труде и совершенно неинициативных работников, и предпочитали иметь дело с издольщиками, имевшими некоторую заинтересованность в труде; характерно, что потомки рабов обычно становились издольщиками или батраками.

Помимо этих наиболее важных и характерных для туркменского общества социальных групп следует назвать другие, игравшие меньшую роль в общественной жизни.

Туркменское хозяйство не было чисто натуральным. Оно знало товарное производство и торговлю. Это обусловило появление торговцев—богатых купцов (совдагер, сатыгчи) и мелких разносчиков (ханнас)[463]. О туркменских купцах неоднократно упоминают восточные[464] и русские источники. Уже в XVIII в. Рычков писал, что туркмены «...промышляют торгом в Персию, в Хиву, в Бухару, в Балх и в Бадахшан, и находятся между ними купцы гораздо неубогие»[465]. Состояние наших данных не позволяет однако считать, что у туркмен выделился особый класс купцов. Весьма вероятно (как это было после присоединения Туркменистана к России), что торговыми операциями занимались сами феодалы. Разносчики-ханнасы выходили из среды крестьянства. Этот вопрос требует уточнения.

Среди туркмен было некоторое количество специалистов-ремесленников. Обычно они не порывали с сельским хозяйством, часто имели надел земли и воды в своем «оба» (ауле). Трудно сказать, от чего такое хозяйство получало основной доход—от сельского хозяйства или от ремесла. Ремесленники делились на мастеров (уста) и учеников (шагирд). Порядки и взаимоотношения в мастерских определялись «цеховыми уставами» (рисале), унаследованными туркменскими ремесленниками XVIII — XIX вв. от средневековых ремесленников Хорезма и Хорасана, хотя в XVIII—XIX вв. цеховой организации у туркменских ремесленников фактически не сохранилось, так как они были разбросаны поодиночке, по аулам и в цеховой организации не нуждались.

Часто в источниках (особенно в туркменских песнях) встречается упоминание о ростовщиках (сюитхор)[466]. Известно, что ростовщичество, подобно товарному производству, существовало и при рабовладельческом строе и при феодализме, вполне уживаясь с ними и обслуживая их. Ростовщиками в туркменском обществе были несомненно те же феодалы и ростовщичество неразрывно переплеталось с феодальной кабалой.

Наконец, туркменское общество XVIII—XIX вв. знало и наемных работников (хызматкер). Их труд использовался в земледелии и скотоводстве. Однако это не были капиталистические батраки или даже феодальные «батраки с наделом». Их эксплуатация прикрывалась патриархальными формами. Бай, якобы оказывал «милость» обедневшему сородичу, спасал его от голодной смерти. Фактически же этот «облагодетельствованный» сородич вынужден был расплачиваться за «милость» годами нечеловеческого труда. Оплаты при этом или не полагалось вовсе (работа за харчи и нищенские обноски) или размер ее не обуславливался заранее, по принципу «свои люди — сочтемся!». Распространен был и такой архаический, чисто патриархальный вид эксплуатации, как отработка калыма, т. е. многолетняя работа бедняка в байском хозяйстве за женитьбу на родственнице или рабыне бая.

От положения перечисленных социальных групп в системе общественного производства всецело зависели и формы распределения продукта.

Феодалы, владевшие большим количеством земли и воды, присваивали себе значительную часть продукта, произведенного издольщиками и рабами. Накопление излишнего продукта в их хозяйстве позволяло им участвовать в торговых операциях и заниматься ростовщичеством, что еще более увеличивало их богатства и экономический вес. Все это позволяло им иметь хороших коней, оружие, содержать отряды вооруженных всадников (нукеров), что обеспечивало, во-первых, возможность внеэкономического принуждения в отношении издольщиков и рабов, а во-вторых, позволяло обогащаться путем прямого и открытого грабежа—аламанства. Впрочем, своими доходами туркменским феодалам приходилось порой делиться с более сильными феодальными хищниками — феодальными государями Персии, Хивы и Бухары и их наместниками.

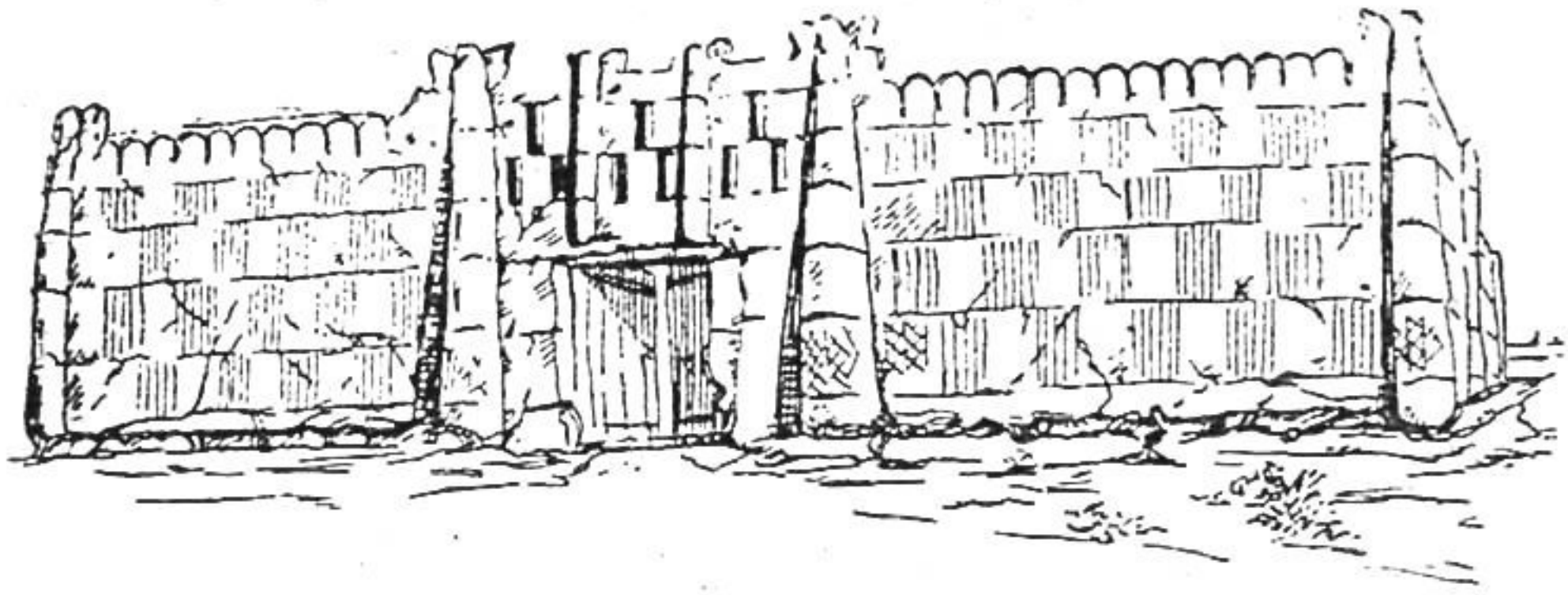

Рис. 19. Эрсаринский ховлы.

Крестьяне (земледельцы и скотоводы) и ремесленники, достаточно состоятельные для ведения самостоятельного хозяйства, являлись порой собственниками всего произведенного продукта, но лишь в те годы, когда ослабевала иноземная власть и не собирались подати в пользу Ирана, Хивы и Бухары; чаще других удавалось освободиться от уплаты податей этого рода текинцам Ахала, Мары и Теджена, сарыкам и салырам, туркменским племенам Балхан, Мангышлака. Обычно же и эта социальная группа в туркменском обществе подвергалась феодальной эксплуатации. Понятно, что она была главной движущей силой в борьбе против иноземного порабощения.

Издольщики, беднейшие кочевники и рабы, а также хызматкеры находились под двойным гнетом — «своих»

феодалов и рабовладельцев и иноземных правителей. При этом, если для рабов было в сущности безразлично куда идет их прибавочный труд, выжимаемый из них до предела при любых условиях, то для большей части этой социальной группы усиление иноземного ига означало непосредственное ухудшение и без того тяжелого положения, так как туркменская феодально-байская верхушка, принуждённая отдавать часть доходов иноземным хищникам, стремилась возместить свои «убытки» усиленной, особенно зверской эксплуатацией зависимых соплеменников.

Три основных социальных группы в туркменском обществе XVIII—XIX вв. (феодально-байская верхушка общества, крестьяне, владеющие наделом, и издольщики) не были резко разграничены между собой. Уже говорилось о многочисленной группе средних землевладельцев — беднейших нукерах, родовых аксакалах — стоявших между феодалами и крестьянами. С другой стороны, войны, стихийные бедствия и другие факторы приводили к тому, что многие крестьяне, владевшие наделом, постепенно опускались до положения издольщиков. Эта нечеткость классового деления, наличие значительной массы свободных крестьян с наделом, ведущих самостоятельное хозяйство и ожесточенно сопротивляющихся феодальной эксплуатации, отсутствие крепостничества — все говорит о неполном развитии феодальных отношений у туркмен XVIII—XIX вв. Характерно, что в туркменском обществе не сложилось наследственного и замкнутого феодального сословия. Понятие «баи» включало и феодалов, и купцов, и наиболее богатых крестьян. В общественном сознании туркмен общество делилось не столько на классы, сколько на роды и племена. Сословия в туркменском обществе, как уже говорилось, были связаны не с классами, а с родоплеменной принадлежностью, с «чистотой крови» (иг, ярым, кул).

Средневековые формы эксплуатации, сохранившиеся в туркменском обществе XVIII—XIX вв., были прикрыты и замаскированы патриархально-родовыми отношениями и от этого становились еще более грубыми и дикими. Эксплуататорская верхушка была заинтересована в сохранении ультрареакционной патриархальной идеологии, т. к. эта идеолсгия, вместе с религией исла-

ма, затрудняла развитие классового самосознания туркменского крестьянства.

Поскольку туркменское общество XVIII—XIX вв., несмотря на сохранение некоторых элементов патриархально-родовых отношений, было классовым обществом, основанным на отношениях господства и подчинения, оно не могло обойтись без государственной организации как политической надстройки, без суда и права как надстройки юридической.

Отсутствие собственно туркменского государства не меняет дела — известно, что туркменские племена входили в феодальные государства Среднего Востока и туркменская знать играла в этих государствах, особенно в Хиве, определенную политическую роль. В этом отношении достаточно вспомнить ёмутского хана Ходжамберды, этого видного сподвижника кровавого каджарского шаха Ага-Мухаммед-хана, эрсаринского халифе Ниязкули, бывшего близким советником бухарского эмира Шах-Мурада, многочисленных туркменских вельмож при дворе хивинских ханов[467] и т. п. Возможность использовать государственную машину для подавления сопротивления трудящихся и эксплуатируемых масс заставляла туркменскую феодально-родовую знать искать сближения с феодальными государями Среднего Востока — этими злейшими врагами туркменского народа, хотя политическая зависимость заставляла туркменскую знать «делиться» с иноземными «покровителями» прибавочным продуктом, выжатым из туркменских трудящихся.

Роль феодального государства, как политической надстройки, осуществлялась в жизни туркменских племен различными путями.

Во-первых, туркменские феодально-родовые вожди часто выступали в качестве наместников феодальных государей в определенной области, т. е. как носители государственной власти. Так, текинский предводитель Аим-бек получил фирман (грамоту) от хивинского хана Мухаммед-Рахима. Этим фирманом Аим-бек назначался правителем марыйских теке, причем все марыйские теке обязаны были повиноваться ему и выполнять все его приказания[468]. Подобную грамоту, по некоторым данным, получил от Мухаммед-Рахима и Мурад-сердар,

владетель Гяурса, ставший ханом всех теке Ахала[469]. Известно, что в XIX в. многие эрсаринские феодально-родовые вожди носили бухарские титулы (например, караулбеги)[470], хотя в данном случае не ясно, имеем ли мы дело с фактическим включением туркменских вождей в бухарский государственный аппарат или только с дарованием почетного титула.

Во-вторых, феодальными государями Среднего Востока назначались туркменские кази (судьи). Кази действовали на основе шариата, т. е. типичного феодального права средневекового Востока. Ясно поэтому, что их деятельность активно помогала оформлению и укреплению феодальных отношений в туркменском обществе. Недаром, именно деятельность кази вызывала особенную ненависть бедноты, видевшей в кази воплощение несправедливости. Это ярко выражено в стихотворении Кемине «Мой кази», настоящем шедевре туркменской политической сатиры XIX в.

В-третьих, иранские, бухарские, хивинские и афганские чиновники порой непосредственно вмешивались в жизнь туркменских племен. Об этом говорят и некоторые памятники туркменской литературы (например, стихотворение Махтумкули «Страшный суд», где упоминаются визири и раисы), и восточные хроники, и русские архивные документы.

Ясно, что в таких условиях следует говорить не о независимости туркменских племен, а лишь о большей или меньшей степени их зависимости от феодальных государств Среднего Востока. Степень этой зависимости колебалась в связи с изменениями политической обстановки, но никогда не бывала меньшей, чем обычная в феодальном обществе (например, в Европе) зависимость вассальных владений от центральной власти.

С другой стороны, сохранение в туркменском обществе значительных элементов патриархально-родовых отношений приводило к тому, что некоторые архаические элементы сохранялись и в надстройке.

Во-первых, в политической организации туркменских племен сохранялись некоторые черты племенного самоуправления. Феодально-племенные вожди (ханы) не были единоличными правителями. Они должны были считаться с мнением генгеша или маслахата — совета

родоплеменной знати и духовенства. Собственно, генгеш (маслахат) стоял даже выше хана[471]. Ханов выбирал и смещал этот совет знати, хотя на решение совета могла серьезно повлиять поддержка, оказанная кому-либо из кандидатов ханом Хивы или шахом Ирана. Однако, здесь мы имеем дело лишь с пережитками племенного самоуправления. Его самый важный орган — народное собрание—уже не существовал. Сохранились лишь остатки его в виде аульных сходок (и то чаще по родам, чем в масштабе всего аула).

Во-вторых, в юридической надстройке также сохранились серьезные пережитки в виде суда аксакалов, действовавшего на основе адата (обычного права). Несомненно, что в основном туркменский адат охранял интересы зажиточной верхушки общества, защищая ее частную собственность, власть над женщинами и рабами и поэтому мог до известной меры удовлетворять нужды феодально-родовой знати. Но с другой стороны, он защищал и общинную земельную собственность, мешая свободному росту феодальной собственности на землю.

Разумеется, эти архаические элементы надстройки *не являлись пережитками первобытно-общинного строя*, не знавшего государства, суда и права. Они возникли на основе переходных производственных отношений, на основе свободной общины мелких частных производителей (крестьян и ремесленников), элементы которой в виде санашиковой общины сохранялись в туркменском обществе, несмотря на преобладание классовых, феодальных отношений.

Классовый характер туркменского общества XVIII—XIX вв. сказался и на характере туркменской культуры.

«В *каждой* национальной культуре,— писал Ленин,— есть, хотя бы не развитые *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры». (В. И. Ленин. Соч. т. 20, стр. 8).

Ленинское положение о двух культурах, высказанное им применительно к буржуазному обществу, применимо ко всякому другому классовому обществу (феодальному, рабовладельческому), в том числе и к туркменскому обществу XVIII—XIX вв..

Господствующей культурой в туркменском обществе была феодально-клерикальная культура, насквозь пропитанная тлетворным влиянием религии ислама.

Влияние мусульманского духовенства в туркменском обществе было слабее, чем в Персии и узбекских феодальных государствах с их развитыми феодальными отношениями. Но и среди туркменских племен большим авторитетом пользовалось суфийское духовенство (пиры, ишаны, халифе), организованное в дервишеские ордена. Суфийские руководители (мюршиды), окруженные мюридами (послушниками из числа духовенства и светских людей), владевшие вакфными землями, каналами и кяризами, эксплуатировавшие труд многочисленных издольщиков и рабов, широко занимавшиеся торговлей, ростовщичеством и аламанством, получавшие подарки и подношения от свободных, экономически самостоятельных общинников, были настоящими духовными феодалами и ревностно укрепляли религию ислама, как важнейшее идеологическое орудие восточных феодалов; в деле подавления и порабощения трудящихся масс. Религия ислама призывала верующих покоряться властям, платить налоги, сносить всякие бедствия и произвол во имя «спасения души». Она призывала к изуверской «священной войне» с иноверцами — «капырами», а также «еретиками и отступниками», под видом чего феодальная знать организовала грабительские набеги (аламаны) на другие народы и даже на соседние туркменские племена. В руках духовенства находилось образование — и начальные аульные школы (мектебы) и медресе, дававшие более основательное богословское образование. На территории Туркменистана находилось не менее двух десятков медресе[472]. Для получения высшего богословского образования представители туркменского духовенства ездили учиться в медресе Хивы и особенно Бухары, бывшей одним из важнейших центров мусульманского богословия. Во всех этих школах ученики не получали научных знаний, но зато без конца

зубрили коран и «ученые творения» мусульманских богословов и законоведов.

Феодально-клерикальное направление проявилось и в туркменской литературе XVIII—XIX вв. Наиболее законченными и цельными представителями его были писатели Магрупи, Шабенде, Ягмур-шаир и Абду-саттар-казы. Большой известностью пользуются два первых.

Магрупи, живший во второй половине XVIII в., был автором военно-феодального дестана «Юсуп и Ахмет» и ряда стихотворений. В дестане «Юсуп и Ахмет» он воспевал грабительские походы знати, с откровенным восхищением рисуя сцены истребления «капыров» и перечисляя награбленную добычу. Он восхваляет, идеализирует патриархально-феодальный быт туркмен XVIII в., не желая замечать острых социальных противоречий, нищеты и страданий народа. Народные массы вообще не отражены в его произведениях.

Шабенде в своем дестане «Ходжамберды-хан» восхваляет этого изменника туркменского народа, верно служившего заклятому врагу туркмен, грузин и других народов Закавказья и Среднего Востока — Ага-Мохамед-шаху. Другие дестаны Шабенде — «Гюль ве бильбиль», «Шах Бехрам» — являются типичными феодальными романами, пронизанными нездоровой эротикой и рисующими сказочные похождения и подвиги шахов, визирей, их сыновей и дочерей и других представителей феодального класса.

Ягмур-шаир в пышных одах, наполненных самыми невероятными гиперболами и откровенной лестью, воспевал текинского хана Кара-оглана (середина XIX в.). Абду-саттар-казы в поэме «Джанг-намэ» описывает войны текинцев и других туркменских племен против иранских захватчиков в 1858--1861 гг. Войны эти были справедливыми и народными. Однако, автор «Джанг-намэ» рисует их извращенно, как «борьбу за веру». Он всячески восхваляет текинских ханов и других феодально-родовых вождей и представителей мусульманского духовенства, заботливо перечисляя их имена, но оставляет в тени подлинных героев этих побед — туркменских трудящихся. Характерно, что его главное внимание приковано к действиям феодальной конницы, а не более

демократической пехоты, сыгравшей в этих сражениях крупную роль.

Восхваление патриархально-феодальной действительности и проповедь антинародной феодально-клерикальной идеологии — такова основная идейная направленность творчества этих писателей.

Но, наряду с феодально-клерикальной культурой господствующего класса, существовала и другая, демократическая, культура, выражающая взгляды и чаяния туркменского патриархального крестьянства и представленная крупнейшими туркменскими поэтами — Махтумкули, Зелили и Кемине.

Махтумкули (литературный псевдоним — Фраги) происходил из племени гоклен, жившего в долине Сумбара. Годы его жизни точно не установлены. Его творчество относится ко второй половине XVIII в. Он был сыном поэта Азади. В молодости учился в Хиве, в медресе Ширгази, немало странствовал, затем вернулся на родину, где зарабатывал себе на пропитание преподаванием в школе и ремеслом кюмушчи (серебряных дел мастера). Свои стихи он записывал, но книги погибли во время войны с иранцами. Однако стихи Махтумкули распространились по всему Туркменистану и пользуются поныне широкой известностью не только у туркмен, но и у многих соседних народов.

Творчество Махтумкули открыло новый этап в истории туркменской литературы. Он отказался от господствовавшего ранее книжного языка, насыщенного арабскими и фарсидскими словами и малопонятного народу, отказался от распространенного прежде жанра «дестана» — феодального романа. Махтумкули смело ввел в туркменскую литературу новый жанр — лирические стихотворения, написанные на народном языке. Эти небольшие стихотворения быстро превращались в народные песни и расходились по всей стране. Их пели и ими восхищались все туркменские племена. Язык Махтумкули прост, красочен, богат оттенками и музыкален. Его стихам свойственны искренность и сила чувства.

Широкой известностью пользуется любовная лирика Махтумкули, отличающаяся нежностью и задушевностью, несмотря на некоторую пышность и гиперболич-

ность образов, свойственную вообще любовной лирике Ближнего и Среднего Востока феодальной эпохи.

Но содержание песен Махтумкули выходит далеко за пределы обычной тематики поэзии Ближнего и Среднего Востока. Большую роль в его творчестве играют социально-политические мотивы. Отсталость туркменского общества XVIII в, сохранившего много патриархальных черт в экономике, а тем более в сознании людей, обусловила отсутствие в стихах Махтумкули четкого классового самосознания, но по своим воззрениям и идеалам он ближе всего стоит к основной массе народа — туркменскому патриархальному крестьянству. Его стихи полны гнева и ненависти к богачам-стяжателям («Страшный суд») и глубоким сочувствием к беднякам («Бедняк»). Яркими, сильными чертами рисует он суровую и беспокойную жизнь туркменского народа в XVIII в:

Грабеж да бедность... И, греша,
Ожесточается душа;
И ветер, яростью дыша,
Огнем проходит над степями...

Ворует вор, богач берет,
Забит и нищ простой народ;
С живого шкуру бай дерет,
И сладу нет с ростовщиками.

Стихи Махтумкули пронизаны глубокой любовью к своему народу. Поэт сознает царящую в обществе несправедливость, но не видит средств победить ее. Отсюда глубокий пессимизм многих его стихов, отсюда его псевдоним «Фраги» — «Печальный».

Махтумкули сумел подняться выше родоплеменных предрассудков. Он призывал к объединению туркменских племен, к борьбе с иноземными поработителями, к созданию единого туркменского государства. В этом вопросе он далеко выходит за рамки мировоззрения туркменского крестьянства XVIII в., обнаруживая значительный политический кругозор и свободу мысли. Но неизбежная социальная ограниченность его сказывается в том, что рядом с призывом, обращенным к народу, у него находят место надежда на бога и вера в «доброго» хана, который не только объединит туркмен-

ские племена, но и установит справедливые порядки. Об ограниченности Махтумкули говорит сильная религиозная струя в его творчестве, но религиозность сочетается у него с резким антиклерикализмом, с враждебным и презрительным отношением к алчному и бессовестному духовенству.

Творчество Махтумкули представляет вершину старой туркменской литературы. Оно оказало огромное влияние на последующих писателей демократического направления — Зелили и Кемине. Для этих поэтов характерно острокритическое отношение к существующим порядкам, смелое обличение угнетателей и эксплуататоров, сочувствие трудящемуся народу, горячая любовь к родине. Если Махтумкули жил и творил в период временных успехов освободительного движения туркменских племен и некоторого ослабления иноземного гнета, то Зелили и Кемине писали в условиях крупных политических неудач и поражений, когда туркменские народные массы и без того угнетаемые «своей» знатью, попали под тяжкое иноземное иго. Отсюда безысходная печаль стихов Зелили («Нравы», «Послания к Сеиди»), отсюда потрясающие картины тяжкой доли бедняков и нескрываемая ненависть к угнетателям у Кемине («Бедняк», «Мой кази»). В последнем стихотворении Кемине прямо грозит взяточнику-кази народной расправой.

Но и у этих поэтов имеются неизбежные элементы социальной ограниченности: слабое классовое самосознание, приводящее к вере в «доброго» хана (стихотворение Кемине «Оразым», восхваляющее Ораза Яглы, хана тедженских теке), религиозность, полное непонимание путей борьбы за лучшее будущее народа.

Несмотря на элементы ограниченности, обусловленные отсталостью туркменского общества XVIII—XIX вв., Махтумкули, Зелили и Кемине были подлинно народными поэтами, сумевшими в тяжелое время нужды, войн и бесправия поднять туркменскую поэзию на небывалую высоту. Их творчество — яркий показатель способностей туркменского народа, предмет его законной гордости. Недаром имя Махтумкули еще в XIX в. стало известно далеко за пределами Туркменистана.

Выяснив основные черты общественного строя и

культуры туркмен, перейдем к политической истории туркменских племен в XIX в.

Как уже говорилось, в конце XVIII и начале XIX вв. усилился натиск на Туркменистан со стороны персидских, хивинских и бухарских феодалов. Основатель каджарской династии Ага-Мухаммед-шах вновь захватил Хорасан, пользуясь поддержкой части туркменской знати. Бухарский эмир Шах-Мурад присоединил к Бухаре Мары, причем, Шах-Мурада также поддерживала знать сарыков, эрсари и части теке. Хорезмские туркмены вынуждены были стать вассалами хивинских ханов, поставлять им нукеров и платить тяжелые налоги.

Неудивительно, что начало XIX в. ознаменовалось рядом народных восстаний на территории Туркменистана. В 1800 г. восстали сарыки и теке Мары, в 1801 г. — керкинские эрсари, в 1802—1803 гг. разгорелась настоящая война в Хорасане: гоклены и ёмуты подняли восстание в Северо-Западном Хорасане и на Гургене, в то время как в восточной части Хорасана выступили теке на Теджене и, возможно, салыры в Серахсе. Подробностей этого восстания мы не знаем, но оно приобрело такие размеры, что против восставших выступил сам Фатх-Али-шах, правитель Персии[473]. Шахские войска напали на гокленов и ёмутов Гургена, разграбили их кочевья, перебили мужчин, увели в рабство женщин и детей. В то же время другой персидский отряд напал на тедженских теке и, по словам персидских историков, нанес им тяжелое поражение. Впрочем, уже в 1805 г. войны персидских феодалов с туркменами Серахса, Теджена и Ахала возобновились[474]. В 1804 г. восстали емрели и ёмуты в Хиве[475].

Все эти восстания имели целью добиться смягчения феодальной эксплуатации, в частности, отмены налогов. Поэтому их основной движущей силой было крестьянство; впрочем, в них участвовала и знать, которая стремилась использовать в своих интересах народное негодование, нажиться на грабеже во время аламанов на страну противника. Однако грабительские набеги, руководимые знатью, лишь представляли соседним феодальным государям удобный предлог для вторжения в туркменские земли. Эти феодальные походы придворными историографами рисовались как «карательные экспедиции против

разбойников»[476]. Знать, недовольная тем, что ей приходится делиться своими доходами с более сильными феодальными хищниками, порой активно участвовала в восстаниях, но легко переходила на сторону врага, предавая движение. Так, например, поступила ёмутская знать в 1804 г. Поэтому восстания туркменских племен сравнительно легко подавлялись персидскими шахами, хивинскими ханами и бухарскими эмирами.

Видя невозможность своими силами освободиться от феодального гнета, туркмены все чаще обращаются к русскому правительству с просьбой о помощи. Уже в начале XIX в. к России был присоединен Мангышлак. Увеличилось число сторонников присоединения к России среди гургенских и челекенских туркмен. Руководителем этого течения был ёмутский предводитель Киятхан[477]. С другой стороны, в Туркмении появились агенты Англии. Один из них был феодальный авантюрист Мухаммед Юсуф-ходжа из суфийского ордена накшбендия, возглавивший в 1813 г. восстание гургенских туркмен против Ирана[478].

С 1813 г. преобладание в борьбе за территорию Туркменистана переходит к Хиве. Хан Мухаммед-Рахим (1806—1825) в первые годы своего правления свирепо расправился с мятежными узбекскими феодалами, укрепил ханскую власть и, опираясь на феодально-родовую знать северных туркменских племен, предпринял крупные завоевательные походы. Он покорил Кунград, подчинил каракалпаков, а затем обрушился на Южный Туркменистан.

Вначале, южнотуркменские племена оказали ему упорное сопротивление[479]. Текинцы Ахала, укрывшись в горных ущельях, отбивали все атаки хивинских войск. Чтобы сломить это сопротивление, Мухаммед-Рахим, во-первых, организовывал систематические аламаны на туркмен Ахала, Атека и Мары, щедро награждая участников и предводителей этих разбойничьих предприятий деньгами, подарками и почетными титулами, а во-вторых, постарался привлечь на свою сторону знать южнотуркменских племен, давая ей землю в Хиве и назначая туркменских феодально-племенных вождей хивинскими наместниками в Южном Туркменистане. Как уже говорилось, Мурад-сердар был назначен ханом над теке Ахала,

Аим-бек — главой теке Мары. Ханские «милости» привлекали на сторону Хивы туркменскую знать, и в начале 1820 годов Прикопетдагская полоса и Мары подчинились хивинскому хану. В 1821—1823 гг. на сторону Хивы перешла значительная часть эрсаринских вождей с их отрядами[480]. Туркмены-эрсари, платившие харадж эмиру бухарскому[481], стремились добиться снижения налогов и поэтому поддержали хивинского хана, так как в Хиве туркмены были обложены не хараджем, а более легкими налогами. Однако, вскоре большая часть эрсаринских беков со своими родами вновь перешла на сторону Бухары[482]. Можно предположить, что этот переход объяснялся уступками бухарского правительства. Действительно мы знаем, что позднее эрсари платили не харадж, а значительно более низкую подушную подать, которую к тому же собирали не бухарские сборщики налогов, а сами эрсаринские старшины [183]. Лишь часть эрсаринцев — 800 семей во главе с крупным феодалом Солтанниязбеком* и поэтом Сеиди отказалась примириться с Бухарой и по приглашению хивинского хана ушла в Мары[484].

Двадцатые годы XIX в. были временем решительного преобладания Хивы в Туркменистане. Сторонники хивинского хана приобрели большое влияние среди гургенских ёмутов, не говоря о Прикопетдагских районах и долине Мургаба. Однако, гнет и притеснения хивинских ханов и их наместников вскоре вызвали антихивинское движение в Южном Туркменистане. В 1827 г. восстали сарыки Мары[485]. Правда, сарыкская знать во главе с крупным феодалом и духовным главой сарыков Абдуррахманом-халифе выступила против восстания, но восставшим стали помогать марыйские теке и оно было подавлено лишь с большим трудом. Отчаянное сопротивление хивинцам оказали алили, но в 1830 г. их город Абиверд был разрушен, а племя алили переселено в Хиву.

С другой стороны на Южный Туркменистан двинулись персидские войска. В 1832 г. персами был взят Серахс. Под предлогом отмщения за набеги туркмен персидские войска разграбили и разрушили город, перебили мужчин, увели в рабство женщин и детей[486]. Уце-

---

* Он носил бухарский титул караулбеги. Солтанниязбеку и восстанию 1822—1823 гг. посвящен ряд стихотворений Сеиди.

левшие салыры вынуждены были переселиться в Иолотань. Их место в Серахсе вскоре заняли теке, возглавленные ханом Ораз Яглы. Затем персидские наместники потребовали уплаты хараджа от туркмен Ахала и Мургабского оазиса. Туркмены оказались перед лицом нового, еще более хищного и опасного врага. Поэтому в 30-х гг. XIX в. большинство туркменских племен предпочло подчиниться Хиве и оказало упорное сопротивление персидским захватчикам.

С учетом этой обстановки можно понять роль туркменских племен в Гератской войне 1837—1838 гг. Война была вызвана интригами Англии, стремившейся поссорить народы Среднего Востока. Персидские войска осадили Герат (где уже появились английские офицеры), но на помощь правителю Герата явилось хивинское войско, в котором находились отряды теджженских теке, сарыков и салыров [487]. Весьма вероятно, что это вмешательство явилось делом рук английских агентов. Английские разведчики недаром появились в 30-х гг. в Средней Азии, в том числе и в туркменских землях. Можно думать, что уже в это время они установили связи с некоторыми из туркменских феодально-племенных вождей. Тогда же сложились и англо-хивинские связи, и ханы Хивы стали на ряд десятилетий орудиями интриг английских империалистов на Среднем Востоке. В начале 40-х г. мы вновь наблюдаем оживление проповеди мюридизма на Гургене, т. е. в то самое время, когда англичанам было особенно желательно ослабление Персии [488].

Однако деятельность английских разведчиков не могла приостановить процесса дальнейшего экономического и политического **сближения туркмен с Россией.** На восточном побережье Каспийского моря и в туркменских степях все чаще появляются русские экспедиции — Муравьева в 1819—1820 гг., Карелина в 30—40 гг. и ряд других[489]. Все усиливается стремление туркменских племен принять русское подданство и таким путем избавиться от мучительных и кровавых феодальных войн и укрепить торговые связи с Россией.

Особенно сильным было это стремление у прикаспийских туркмен, издавна связанных с Россией экономи-

чески. Туркмены совершали морские поездки в Астрахань, торговали с русскими рыбопромышленниками, сдавали им в аренду наиболее богатые рыбой участки моря у туркменского побережья. В свою очередь, русские власти неоднократно направляли в Туркменистан своих представителей и в тяжелые годы помогали туркменам материально. Так, когда селения челекенских туркмен в 1836 г. были разграблены и разорены персидскими войсками, русские власти на Кавказе направили на Челекен 6 тысяч пудов муки. В переписке с русским правительством прикаспийские туркмены писали: «...Ничто не может уничтожить той сердечной приверженности, какую чувствуем мы к русскому народу»[490].

В 40-х г. XIX в. персидская агрессия в туркменских землях была временно приостановлена, что позволило Хиве подчинить не только Прикопетдагскую полосу, но и оазис Пенде (современный Тахта-Базарский район)[491]. В то же время в Хиве вновь усиливается узбекская знать, и ханскими наместниками в туркменских районах становятся узбекские феодалы. Если сбор зекята и других налогов тяжко ложился на плечи туркменского крестьянства, то туркменская знать была возмущена тем, что ее явно отстраняли от участия в управлении и от руководства военными походами и набегами[492]. Туркменская феодально-родовая знать начинает склоняться к разрыву с Хивой. В 1843 г. вновь восстали марыйские туркмены[493].

Антихивинские настроения особенно усилились в правление хана Мухаммед-Эмина (1845—1855), давнишнего врага туркмен. Он организовал ряд походов на Мары[494], во время которых в течение нескольких лет подряд систематически и планомерно уничтожались посевы восставших сарыков, что вызвало страшный голод. В 1847 г. эти опустошения были особенно жестокими: «большая часть посевов, поселений и скота Мервского вилайета была уничтожена»,— пишет хивинский придворный историк[495]. Одновременно была разрушена плотина на реке Мургаб, после чего земли нынешних Байрам-Алийского и Туркмен-Калинского районов запустели на несколько десятков лет. В то же время в Хорезме в 1850 г. Мухаммед-Эмин приказал закрыть плотинами канал Даудан и старое русло

Шаркраук, по которым с 1834 г. воды Аму-Дарьи орошали туркменские земли[496].

Варварские действия Мухаммед-Эмина вызвали разорение и обнищание множества туркменских дейхан и навлекли на хана справедливую ненависть туркменского народа. Восстание в Мары продолжалось около 12 лет. Даже разрушение плотины и систематическое истребление посевов не могло заставить восставших сложить оружие. Но в 1847 г. часть туркменской знати (сарыков и теке) перешла на сторону Хивы.

Однако другая часть знати вызвала на помощь иранские войска. В начале 50-х г. война в Мары достигла наивысшего ожесточения, в этом богатейшем оазисе начался голод. Лишь к концу 1854 г. марыйские туркмены вынуждены были сложить оружие и покориться Хиве. Но часть текинцев ушла в Серахс и продолжала борьбу. В 1855 г. Мухаммед-Эмин, совершавший очередной поход на серахских текинцев, был разбит ими и погиб в бою[497]. Помимо мужества серахских текинцев немалую роль в этом поражении хана сыграло и то обстоятельство, что туркменские отряды, входившие в его войско, не желали сражаться против своих братьев и даже переходили на сторону текинцев Серахса.

Разгром хивинских феодальных войск в 1855 г. покончил с преобладанием Хивы в Южном Туркменистане. В том же году восстали ёмуты и другие туркменские племена в Хорезме[498]. Еще два хана — Абдулла и Кутлуг-Мурад погибли в борьбе с восставшими туркменами. Восстание хорезмских туркмен в 1855—1856 гг. имело в основном народный, антифеодальный характер, хотя вначале в нем участвовала и туркменская знать. Вскоре, однако, туркменская знать была встревожена развертывавшимся народным движением и стала добиваться прекращения борьбы против ханского деспотизма. Недаром убийство хана Кутлуг-Мурада в 1856 г. вызвало панику среди ёмутской знати[499], а глава туркменского духовенства ишан Ходжа Мухаммед наложил на восставших своеобразный интердикт, «перестав ходить на их похороны и запретив это делать другим» (т. е. другим духовным лицам — А. Р.)[500]. Народные восстания и феодальные усобицы в Хиве

затянулись на 10 лет. Крупную роль в движении туркмен в эти годы играл ёмутский предводитель Ата-Мурад, сторонник присоединения туркмен к России;[501] напротив, при дворе хивинских ханов все большую роль играли агенты Англии и Турции. В Хиве появлялись английские и турецкие представители, пытавшиеся организовать в Средней Азии антирусскую коалицию под главенством хивинского хана. В этих условиях в период Крымской войны 1853—1856 гг. борьба туркмен против хивинской агрессии объективно оказалась направленной против политики английского капитализма. Это показывает, что преувеличивать степень английского влияния на туркменскую знать не следует, хотя оно и имело место.

В то же время на юге вновь усилилась персидская агрессия. В 1853 г. персидские войска напали на Ахал и разрушили 36 текинских крепостей[502]. В 1856 г. (после гибели Мухаммед-Эмина под Серахсом) персы временно захватили Мары[503]. Это вызвало новое выступление части туркмен Серахса и Мары против Персии во время второй войны за Герат в 1855—56 гг.[504]. Герат был взят персидскими войсками, несмотря на удар текинской конницы в тыл персов, но в 1856 г. Англия объявила Персии войну и вторглась в южноперсидские провинции, что заставило шахское правительство отозвать войска из Герата. В те же годы (с 1838 по 1859, афганский эмир Дост-Мухаммед подчинил ряд пограничных со Средней Азией феодальных владений (Балх, Андхой, Кундуз, Меймене и др.), где проживала часть туркмен.

Заключив мир с Англией, персидский шах также двинул войска в Туркменистан, обрушившись в первую голову на серахских теке, возглавляемых Коушут-ханом. Не будучи в силах удержаться в Серахсе, текинцы в 1857 г. ушли в Мары, вытеснив оттуда сарыков. При этом сарыки ушли в Иолотань, а салыры — из Иолотани в Серахс. Эти междоусобные войны раскалывали и ослабляли туркменский народ. Сарыкская знать обратилась за помощью к персидскому правительству. Коушут-хан, напротив, признал себя вассалом хивинского хана, и в Мары вновь появился хивинский наместник, не игравший, впрочем, большой роли [505].

В те же годы персидские феодалы неоднократно

совершали походы на Ахал, причем беспощадно грабили туркменские аулы и уводили в рабство женщин и детей [506]. В 1858 г. при Карры-Кала объединенные ополчения гоклен, ёмутов и текинцев Ахала под предводительством Нурберды-хана разбили наиболее сильного из этих феодальных хищников — Джафар-кули-хана, правителя Астрабада[507], но и эта победа не смогла положить конец войнам и набегам на границах Ахала [508], хотя порой текинцы и обращались за помощью к Хиве [509].

В 1861 г. персы предприняли поход на Мары[510]. Для этого была снаряжена целая армия в составе нескольких пехотных полков, многочисленной конницы и 30 орудий. Численность армии номинально доходила до 30 тыс. человек, хотя в действительности бойцов было не больше 12 тысяч. Остальную массу составляли слуги и торговцы. Марыйские теке имели не больше 20-30 тыс. боеспособных мужчин, причем, не более 3-4 тысяч воинов были вооружены ружьями и саблями, а остальные имели ножи, дубины, ножницы для стрижки овец и т. п. Персидское войско заняло старый Мерв (ныне крепость в г. Байрам-Али) и укрепление на левом берегу Мургаба, а текинцы укрепились на Кара-ябе (к северо-западу от нынешнего г. Мары). Неподготовленность персидского войска и неспособность командующего им генерала привели к тому, что персы из наступающей стороны быстро превратились в обороняющуюся и были фактически осаждены текинцами. После нескольких неудачных стычек персидская армия начала отступление, но была атакована текинским народным ополчением, в составе которого сражались даже женщины и подростки. В результате горячего боя персидская армия была почти полностью уничтожена, причем, текинцы, помимо прочих трофеев, захватили все 30 орудий — пушек и мортир. Пятая часть добычи была отправлена хивинскому хану.

Непрерывные войны на территории Туркменистана, наполняющие все первые три четверти XIX в., поставили туркменские племена в критическое положение. Эти войны сопровождались разрушением селений, уводом в рабство людей, угоном скота, вытаптыванием посевов, разрушением ирригационных сооружений, в

Рис. 20. Туркмены.

частности, плотин на Мургабе и Теджене. Все это препятствовало развитию хозяйства, особенно поливного земледелия, искусственно консервировало наиболее архаические формы натурального хозяйства — экстенсивное кочевое и отгонное скотоводство, переложное земледелие, домашнее ремесло. Но и эти формы хозяйства не могли нормально функционировать, ввиду непрерывного разрушения производительных сил. Особенно трагическим было положение Мургабского оазиса вплоть до переселения туда текинцев в 1858 г. Разорительные войны и феодальная эксплуатация вызывали и в XIX в. значительные миграции туркменских племен, стремившихся покинуть наиболее «беспокойные» районы, чаще всего подвергавшиеся вражеским нападениям. Эти миграции в свою очередь вызывали столкновения и даже войны между отдельными группировками туркмен, например, войну между теке и сарыками за низовья Мургаба в 1858 г. Вражда между туркменскими племенами и вражда к соседним народам разжигалась феодально-родовой знатью, которая таким путем стремилась вовлекать трудящихся туркмен в грабительские набеги (аламаны), пытаясь придать этим разбойничьим предприятиям видимость справедливой мести за нападения соседних феодалов. Однако, разбойничья сущность

аламанов ясна уже из того, что они направлялись не столько против военных объектов, сколько против мирного населения. Эти набеги приводили к разорению бедноты и усилению знати.

Господство экстенсивных способов хозяйства и наиболее архаических и грубых форм эксплуатации, непрерывные разорительные войны и набеги, межплеменная вражда — все это создает тягостную картину состояния туркменского общества в первые три четверти XIX в. И все же нельзя считать это время периодом абсолютного застоя в развитии туркмен. Во-первых, постепенно увеличивалась роль земледелия в хозяйстве туркмен, что способствовало дальнейшему оседанию туркменского населения. Во-вторых, Туркменистан, как и вся Средняя Азия, все теснее и теснее сближался с Россией в экономическом и политическом отношении, что оказывало все более глубокое влияние на историческое развитие туркменского народа.

Вопрос о торговых связях туркмен с Россией в первые три четверти XIX в. изучен слабо. Между тем, археологический материал и музейные коллекции позволяют утверждать, что туркмены еще до присоединения к России покупали русскую фарфоровую и фаянсовую посуду, в частности, производства фабрики Кузнецова, котлы, ружья тульского и ижевского производства (ружья часто переделывались на местный лад и снабжались подсошками) и, вероятно, ткани.

В связи с этим, у самих туркмен развивались, хотя и медленно, товарно-денежные отношения. Это доказывается складыванием ряда местных рынков (марыйский базар, базары Хорезма и Средней Аму-Дарьи), частым упоминанием в источниках туркменских купцов[511], чеканкой монеты в Мары, Ахале и у прикаспийских ёмутов[512], развитием ростовщичества. Разумеется, товарно-денежные отношения не разложили еще натурального хозяйства и причудливо переплетались с патриархально-феодальными отношениями и патриархальным рабством (например, на Челекене)[513]. Развитие товарно-денежных отношений, как и всегда, приводило к обострению имущественного неравенства и классовых противоречий. Стихи Зелили и Кемине полны жалоб на баев, ростовщиков, беков и ханов, на непрерывное ухудшение поло-

жения трудящихся масс, на «порчу нравов», рост жадности, обмана, мошенничества и прочих отвратительных черт, порождаемых втягиванием отсталой патриархально-феодальной страны в орбиту капиталистической системы, победившей в ряде западноевропейских стран и побеждавшей в России.

Следует, однако, отметить, что втягивание Туркменистана в торговые связи с Россией шло медленно, ввиду чрезвычайно слабого развития товаро-денежных отношений и господства натурального хозяйства у туркменских племен. В то же время, хозяйственное развитие Туркменистана крайне затруднялось исключительно неблагоприятными политическими условиями. Вывести Туркменистан на путь прогресса могло только коренное и радикальное изменение этих условий, в первую очередь прекращение непрерывных войн и хотя бы частичное объединение туркменских племен. Но в тогдашних конкретных исторических условиях всего этого можно было достигнуть только путем присоединения Туркменистана к России, что и осуществилось в период с 1868 по 1885 г.

Присоединение Туркменистана к России было для туркменского народа наиболее благоприятным вариантом исторического развития. Большинство туркменских племен присоединилось к России добровольно, но в некоторых районах насилия царских войск, реквизиции и поборы вызвали сопротивление народа. В Ахале дело дошло до ожесточенных боев в районе крепости Геок-тепе. Текинская знать возглавила сопротивление царским войскам, но затем первая пошла на сделку с самодержавием. Такая тактика, как указывалось выше, была весьма обычная для туркменской знати.

После присоединения к России Туркменистан был включен в экономическую систему российского капитализма, прогрессивную по сравнению с архаическим хозяйственным строем туркменских племен.

Признание прогрессивности присоединения Туркменистана к России не означает, разумеется, что мы приписываем прогрессивную роль русскому царизму. Царское правительство, осуществляя присоединение Туркменистана, исходило, конечно, не из стремления к прогрессу русского и туркменского народов, а из своих колонизатор-

ских антинародных планов и замыслов. Все силы царизма были направлены на то, чтобы задержать прогресс как в самой России, так и в ее колониях, в том числе и в Туркменистане.

Действительно, в Туркменистане отрицательные стороны царского режима сказывались чрезвычайно сильно. Суровый военно-полицейский гнет, расхищение народных земель, искусственное сохранение многих наиболее реакционных и диких патриархально-феодальных пережитков (суд по адату, покупка женщин за калым и т. д.) — вся эта зверская политика царизма вызвала ненависть туркменского народа к царским чиновникам — угнетателям, переходившую иногда в недоверие ко всему русскому.

Но, в то же время, вопреки желанию царизма, экономическое развитие туркменского народа пошло намного быстрее. Хотя царизм и стремился задержать развитие народов колоний, он не мог остановить действия объективных экономических законов, обусловивших значительный социально-экономический прогресс Туркменистана. Прекратились непрерывные разорительные войны, терзавшие туркменский народ. Туркменистан в целом стал неотъемлемой частью капиталистической системы, что неизбежно вызвало разложение патриархально-натурального хозяйства туркмен, широкое развитие денежного обращения и наемного труда, зарождение капиталистических отношений в туркменском ауле. Этот прогрессивный процесс быстрее всего шел в земледельческих районах Закаспийской области, где появились города, железная дорога, быстро развивалось хлопководство, торговля и зарождалась промышленность, но также и у приамударьинских туркмен, где крупную роль играло амударьинское речное пароходство.

Но наиболее важные исторические последствия присоединения Туркменистана к России были обусловлены тем, что в Россию в начале XX в. переместился центр мирового революционного движения.

Россия была узловым пунктом всех противоречий империализма. В ней росло широкое общенародное демократическое движение против царского самодержавия, росла национально-освободительная борьба угнетенных народов, развивалась антикапиталистическая борьба пролетариата. Созданная по плану великого

Ленина Коммунистическая партия объединила все эти движения в один мощный революционный поток, опрокинувший царское самодержавие и уничтоживший капиталистический строй.

В процессе этой борьбы происходило сближение туркменского народа с русским народом, с передовой, демократической революционной Россией. Туркменский народ принял активное участие в великой освободительной борьбе трудящихся России. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции Туркменистан смог выйти из состояния отсталости и бескультурья. Под руководством Коммунистической партии, благодаря бескорыстной помощи всех остальных братских народов Советского Союза, туркменский народ создал свою республику с передовым социалистическим хозяйством, национальной по форме и социалистической по содержанию культурой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Толстов С. П.— Древний Хорезм, М. 1948, стр. 53—54—*6*

2. Страбон.— География, —XI,—11,5—*6*.

3. Обручев В. А.— По горам и пустыням Средней Азии, АН, 1948. стр 30-32—*7*.

4. О правильном на мой взгляд отождествлении Келифского Узбоя с Охом, см. Джумаев О. М., К истории орошаемого земледелия в Туркменистане, стр. 34—*8*

5. Абуль Гази Бохадур хан.— Родословная туркмен. Асхабад, 1897, стр. 72—*8*

6. Толстов С. П.— Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. (Тезисы). Сборн. «Советская этнография», VI—VII, 1947.—*9*

7. В начале XI в. значительные группировки огузов жили в районе Серахса (МИТТ-1,227), в VII в — в Сейстане (там же 167).—*10*

8. Махмуд Кашгарский.— Диван лугат ат-тюрк. Стамбул, 1335 г. х, 1, стр. 73,361.—*11*

9. Об оседании языров говорит «Родословная туркмен», стр. 58; см. также Бартольд В. В. — Очерк истории туркменского народа, стр 38. Об оседании санджари (ныне солтаниз) говорят легенды, записанные студентом ТГУ Аннанепесовым.—*11*.

10. Первым известным литературным памятником, написанном на туркменском языке, является «Ровнак-ул-ислам» Вепаи, относящийся к XV в.—*11*.

11. Подробнее см. А. А. Росляков.— Туркмены и огузы. Ученые записки ТГУ, вып I. Ашхабад, 1955.— *12*.

12. Борисковский П. И.— К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана (тезисы) Труды АГПИ, вып. 1, Исторические науки, Ашхабад, 1947, стр. 81.—*15*

13. Массон М. Е — Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ т. V, Ашхабад, 1955 г., стр. 202—*203*.— *15*.

14. Окладников А. П.— Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1955, стр. 75—76, 100—103.—*15*.

15. Борисковский П. И.— цит, соч. стр. 83. См. также А. П. Окладников. — Изучение древнейших археологических памятников Туркмении, КС ИИМК, XXVIII.—*15*.

16. Окладников А. П.— Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова, стр. 78—79.—*15.*
17 Массон М. Е.— Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1949, стр. 210.—*16.*
18. Там же, стр. 239—*16.*
19. Толстов С. П.— Древний Хорезм, стр. 59 сл.—*16.*
20. Никольский Г. В., Радаков Д. В. и Лебедев В. Д.— Остатки рыб из стоянки Джанбас-Кала № 4. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, вып. 1, М., 1952, стр. 205—212.—*17.*
21. Окладников А. П.— Изучение древнейших археологических памятников Туркмении. КС ИИМК, в. XXVIII.—*17.*
22. Толстов С. П.— Древний Хорезм, стр. 65—*17.*
23. Букинич Д. Д.— История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Хлопковое дело, 1924, № 3—4; Куфтин Б. А.— Работы ЮТАКЭ в 1952 г., по изучению «культур Анау». Известия АН ТССР, 1954 г., № 1, стр. 27—29.—*17*
24. Куфтин Б. А.— указ. соч. стр. 28—*18.*
25. Поселение Изат-кули впервые обнаружено и обследовано в 1950 г. XIX отрядом ЮТАКЭ под руководством автора настоящей работы.—*18.*
26. ВДИ, 1955 г., № 1, стр. 86—*19.*
27. Куфтин Б. А.,— указ., соч., стр. 29.—*19.*
28. Вайян Д.— История ацтеков. М., 1949, стр. 65—118,—*19.* 151—158. 219—234.—*19.*
29. Струве В. В.— История древнего Востока, Госполитиздат, 1941 г., стр. 64—72.—*19.*
30. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 76—78.—*19.*
31. Толстов С. П. Древний Хорезм, стр. 68—19.
32. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 78.—*19.*
33. О переселении даев с Меотиды (в данном случае — Аральского моря) упоминает Страбон, География, XI, 8.9 § 3, ВДИ, 1947, № 4, стр. 230. О парфянах см. Юстин, XII, 1, (ВДИ; 1955, № 1, стр. 218).—*20.*
34. Росляков А. А.— Глиняная печать из села Изгант. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 105—106.—*20*
35. Струве В Б.— Древний Восток, 1941, стр. 6, 7, 67, 131—*23.*
36. Там же, стр. 7—*23.*
37. Поэтому еще в средние века земляные работы считались унизительными для свободных людей. См. например, Сиасет-Намэ, М-Л, 1949, стр. 29, 317—*23.*
38. Утченко С. Л.—О классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества. ВДИ, 1951, № 4, стр. 16—*24.*
39. Струве В. В — Древний Восток, 1941, стр. 7.—*24.*
40. Толстов С. П.— Древний Хорезм (тезисы). КС ИИМК, вып. XIII.—*24.*
41. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр 103.—*25.*
42. Массон М. Е.— Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952. Труды ЮТАКЭ, т. V Ашхабад, 1955, стр. 225, 242.—*25.*

43. Там же, стр. 225. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 92.—*26.*

44. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр, 93—99.—*26.*

45. Геродот,—I, 216; Страбон, XI, 8, 6. ВДИ, 1947, №4, стр. 229—*26.*

46. Страбон—XI, 8, 6—7; ВДИ, 1947, №4, стр. 229—*27.*

47. Диодор Сицилийский.— Библиотека, 11, 34, 1 и 43, 6.—*27.*

48. Страбон.—XI, 8, 3. ВДИ, 1947, №4, стр. 228.—*27.*

49. Струве В. В.— Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.—*28.*

50. Древние авторы о Средней Азии (под ред. Баженова), Ташкент, 1940 г., стр. 17—18.—*29.*

51. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 108.—*29.*

52. О ее разрушении варварами уже после смерти Александра Македонского упоминает Плиний, Естественная история, VI, 18.—*29.*

53. Особенно в Бактрии и Парфии. См. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства, М-Л, 1940, Вязигин С. А. Материалы к характеристике парфянского искусства. Изв. ТФАН, 1945, № 5-6.—*30.*

54. Страбон.—XI, 10, 2.—*30.*

55. Известно, что организация многих восточных городов при Селевкидах приблизилась к структуре полиса. См. А. Б Рановича, Эллинизм и его историческая роль. М-Л, 1950, стр. 102—104—*30.*

56. Древние авторы о Средней Азии, Ташкент, 1940, стр. 120—122.—*30.*

57. Ранович А. Б.— Эллинизм и его историческая роль, стр. 112—114, 126 и др.—*30.*

58. Толстов С. П.— Древний Хорезм, стр. 242—246.—*31.*

59. Бичурин Н. Я. (Иакинф) — Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, 1950, стр. 48, т. II, стр. 183, 227.—*31.*

60. Толстов С. П.— Древний Хорезм, стр. 246—247.—*31.*

61. Энгельс Ф.— Происхождение семьи, частной собственности и государства гл. VIII. и IX. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 286, 301—*31.*

62. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 149—*31.*

63. Толстов С. П.— там же, стр. 150—154.—*31.*

64. Там же, стр. 151.—*32.*

65. Там же, стр. 93, 114.—*32.*

66. Цалкин В. И.— Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, вып. 1, М., 1952, стр. 213—244.—*32.*

67. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 117.—*32.*

68. Толстов С. П.— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1945—1948 гг.). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, вып. 1, М., 1952, стр. 34—35.—*32.*

69. Воронина В. Л.— Строительная техника древнего Хорезма. Там же, стр. 87—104.—*33.*

70. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 176—187; Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР .1945—1948 гг.), стр. 36—41; М. Г. Воробьева, Техника внутренней отделки дворца Топрак-Кала, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, вып. 1, М., 1955, стр. 67—86; М. А. Орлов, Реконструкция «Зала воинов» дворца III в. н. э. Топрак-Кала, тем же, стр. 47—66—*33*.

71. Моммзен Т.— История Рима, т. V, М., 1949, стр. 314—315—*34*.

72. Толстов С. П.— Древний Хорезм, стр. 212—223—*34*.

73. Плутарх.— Избранные биографии, М.-Л., 1941, стр. 258—262—*34*.

74. Бичурин Н. Я.—Собрание сведений, 1950, т. II, стр. 151—*36*.

75. Массон М. Е.— Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства, Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 30—31; Массон М. Е. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса, Материалы ЮТАКЭ. вып. 2, М.-Л., 1951, стр. 7—15.—*36*.

76. Массон М. Е.— Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства, стр. 29—30.—*36*.

77. Там же, стр. 30—32.—*38*.

78. Толстов С. П.— Древний Хорезм, стр. 295.—*38*.

79. Массон В. М.— Мисрианская равнина в эпоху бронзы и раннего железа. Известия АН ТССР. 1954, № 2, стр. 8.—*38*.

80. Маркс К.— Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат, 1940.—*38*.

81. Массон М. Е.— Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства, стр. 26—28—*38*.

82. Там же, стр. 32—*38*.

83. Материалы ЮТАКЭ, вып. II, М.-Л., 1951.—*38*.

84. Бичурин Н. Я. (Иакинф).— указ. соч., т. II, стр. 183—*39*.

85. Массон М. Е.— Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства, стр. 33—35—*39*.

86. Толстов С. П.— Древний Хорезм, стр. 104; О Парфии см. А. А. Росляков. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада, Труды ЮТАКЭ, т. V, стр. 77—84—*40*.

87. Тацит.— Анналы,—VI, 31—32—*40*.

88. T. Nöldeke.— Geschichte der Persez und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden. 1879. S. 17.—*40*.

89. См., напр., Сиасет-Намэ, М., стр. 44—45, 75—76, 138—139 и др.—*41*.

90. Пигулевская Н. В.— Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке. В И, 1953, № 3, стр. 54.—*41*.

91. Росляков А. А.— Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада, стр. 84—85, 102—*41*.

92. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 197—209—*41*.

93. Пигулевская Н. В.— Маздакитское движение. ИАН СССР. СИИФ, т. I, №4; Толстов С. П. Древний Хорезм, стр. 278, 332 и др.—*47*.

94. Там же.—*47*.

95. Об эфталитах, помимо Истории народов Узбекистана, см.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 209—220—*48*.

96. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 215—*48*.

97 Пигулевская Н. В.— К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана. ВДИ. 1937, № 1. См. ее же. Византия и Иран на рубеже VI и VII, М.-Л., 1946, стр. 217—226—*49*.

98. Например, Курамсак-депе в Геок-тепинском районе, Ак-депе севернее Шугундор-баба в Каахкинском районе и др.—*49*.

99. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 197—*50*.

100 Якубовский А. Ю.— Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV) КС ИИМК, вып. XXVIII, стр. 31, 32.—*50*.

101. Там же.—*50*.

102. Упадок ремесла и городов, отмечаемый Толстовым С. П., был недолгим. Уже в VI—VIII вв. Средняя Азия *переживает новый подъём городской культуры. То же характерно* и для городов Южного Туркменистана до вторжения арабов. См. Массон М. Е , Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V, стр. 216—*50*.

103 Гардизи.— Зейн ал-ахбар, МИТТ-1, стр. 227—*51*.

104. Бичурин Н. Я.— Собрание сведений..., т. II, стр. 312, 328. Вмешательство Китая не дало, однако, реальных результатов—5!

105. Белазури.— Китаб ал-булдан, МИТТ-1, стр. 71—*51*.

106. Табари — Тарих ар-русул ва-л-мулук, МИТТ-1, стр. 107—111.—*52*.

107 Якубовский А. Ю.— Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века, стр. 33—34.—*52*.

108. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 226. Арабы повсюду уничтожали человеческие изображения—статуи, фрески.—*52*.

109. Табари.— Указ. соч., МИТТ-1, стр. 99—*52*.

110. Там же, стр 112—117.—*53*.

111. Там же, стр. 132; Ага Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский, Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., Ашхабад, 1954 (в дальн. «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.»), стр. 23—25.—*53*.

112 МИТТ-1, стр. 84; Бартольд, Туркестан, в эпоху монгольского нашествия, т. II, СПБ, 1900, стр. 203—*54*.

113. Якубовский А. Ю.— Восстание Муканны — движение людей в «белых одеждах». СВ, т. V, 1948: Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. стр. 26—35.—*55*.

114. Гафуров Б. Г.— История таджикского народа, изд. 2-ое, т. I, 1952, стр. 155.—*55*.

115. Гафуров Б. Г.— История таджикского народа, изд. 2-ое, т. I, стр. 154—157; А. Ю. Якубовский, История народов Узбекистана, т. I, стр. 217—231.—*55*.

116. История народов Узбекистана, т. I, стр. 235.—*56*.

117. Очерки истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., стр. 91.—*55*.

118. Якубовский А. Ю.— Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой, МИУТТ, стр. 34. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, АН, 1948, стр. 288.—*57.*

119. Сиасет-Намэ, М.-Л., 1949, стр. 17—19.—*58.*

120. Там же, стр. 20—21; Бартольд В. В.— Туркестан, т. II, стр. 234 —*58.*

121. Якубовский А. Ю.— Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века, КС ИИМК XXVIII, стр. 36—39.—*58.*

122. Сиасет-Намэ, стр. 218—219.—*58.*

123. Там же, стр. 212; Бартольд В. В., Туркестан, т. II, стр. 251.—*59.*

124 Сиасет-Намэ, стр. 217.—*59.*

125. Бартольд В. В.— Туркестан, т. II, стр. 251—275 —*59.*

126 Росляков А. А.— К истории народного хозяйства Туркменистана (X—XV вв.), Известия АН ТССР, 1953 № 1.—*60.*

127. Истахри — Китаб месалик ал-мемалик. МИТТ-1, стр. 173, 174, Макдиси, Ахсан ат-такасим..., там же, стр. 203.—*60.*

128 Истахри — указ. соч., стр. 174; Худуд ал-алем, МИТТ-1, стр. 213.—*60*

129. Истахри. — указ, соч., стр. 174; Макдиси, указ. соч., стр. 208.—*60.*

130. Макдиси.— указ. соч., стр. 202.— *60.*

131. Путешествие Ибн Фадлана, АН, 1939, лист 200-б — 201-а; Истахри, указ. соч., стр. 177, 178; Худуд ал-алем, МИТТ-I, стр. 216.—*60.*

132 Якубовский А. Ю.— Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века, КС ИИМК XXVIII. стр. 37; М. Е. Массон, Городища Нисы в ауле Багир и их изучение, Труды ЮТАКЭ, т I, стр. 56—57. 110.—*61.*

133. См. напр., Якуби, Китаб ал-булдан, МИТТ-1, стр. 147—148 и Толстов, С. П., По следам древнехорезмийской цивилизации, стр 263—265.—*61.*

134. Якубовский А. Ю.— Феод. общество Средней Азии... МИУТТ, 1932, стр. 20, Заходер Б. Хорасан и образование государства Сельджукидов, ВИ. 1945 № 5—6.—*61.*

135. Якубовский А. Ю. — Махмуд Газневи. Сборник «Фердоуси», АН. 1934, стр. 55—60; А. Ю. Якубовский, выступление на пленуме ГАИМК 20 — 22 июня 1933 г. (ИГАИМК, вып. 103, стр. 320—329).—*62.*

136. Тарих-и-Бейхаки (Калькуттское издание) стр. 510.—*62.*

137. Заходер Б.,— Хорасан и образование государства Сельджукидов. ВИ, 1945, № 5—6.—*62.*

138. Якубовский А Ю.— Махмуд Газневи, стр. 53—56; Сиасет—Намэ, стр. 107 —*63.*

139. Таким он рисуется, напр., в Сиасет-Намэ.—*64.*

140. Напр., тагарская эпоха в Южной Сибири; Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири, МИА СССР, № 9, особенно стр. 109, 146—152, 165—166.—*64.*

141 Напр., хозяйство казахов XVI—XIX вв.—*64.*

142. Из большой литературы об аланах можно назвать работу

Л. А. Мацулевича, Аланская проблема и этногенез Средней Азии, сборн. «Сов. этнография», VI — VII, 1947—*64*.

143. Аммиан Марцеллин, — Res gestae, ВДИ, 1949, № 3, стр. 291, 303. Л. А. Мацулевич, указ. работа стр. 136, 143—*64*.

144. Мацулевич Л. А. — указ. работа, стр. 133, 137—*64*.

145 Аммиан Марцеллин, — ВДИ, 1949. № 3, стр. 290, 304.—*64*.

146. Бичурин Н. Я. — (Иакинф). Собрание сведении..., т. II, М-Л, 1950. стр. 229, 182-187—*64*.

147. ВДИ, 1949, № 3, стр. 304—*64*.

148. Аммиан Марцеллин, ВДИ, 1949, № 3, стр. 304—305; воинственность аланов подтверждают все другие античные авторы.—*64*.

149. Бичурин Н. Я. — (Иакинф). Собрание сведений..., т. II, стр. 229.—*65*.

150. Мацулевич Л. А. — Аланская проблема и этногенез Средней Азии, стр. 144.—*65*.

151. Бичурин Н. Я. — Собрание сведений.., т. I, стр. 48—*65*.

152. Дебец Г. Ф. — Данные антропологии о происхождении туркмен (тезисы). Советская этнография, VI — VII, 1947, стр. 325.—*65*.

153. О тюркском каганате см. Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири, МИА СССР, № 9, стр. 280—283.—*65*.

154. Киселев С. В. — Древняя история Южной Сибири, МИА СССР № 9, стр. 281.—*66*.

155. МИА СССР, № 9, стр. 281—*66*.

156. Карлуки на Аму-Дарье, тюрки в Дехистане. о тюрках-огузах в Сеистане в конце VII в. см. МИТТ-I, стр. 167—*66*.

157. Якубовский А. Ю. — Вопросы этногенеза туркмен в VIII — X вв. СЭ. 1947, № 3, стр. 52.—*66*.

158. Подробнее см. Рослряков А. А. Туркмены и огузы, Ученые записки ТГУ, вып. I, Ашхабад, 1955.—*66*.

159. По Махмуду Кашгарскому 22, по Рашид эд-дину 24—30, по Абульгази — 51—52.—*66*.

160. Толстов. С. П. — Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 80—83.—*67*.

161. Это видно не только из рассказов Ибн-Фадлана, Якуби и — анонимного автора «Худуд-ал-алем», но и из состава стад огузов — это главным образом лошади, бараны, верблюды, т. е. типичные животные кочевников. Лишь в «Худуд-ал-алем» упоминаются быки у огузов.—*67*.

162. Махмуд Кашгарский — упоминает много огузских слов, связанных с земледелием пашня, пшеница, просо и др.). о посевах проса пишет Якуби. — 67

163. Изготовлялся войлок (Ибн-Фадлан, текст, л. 198-б, Идриси, МИТТ I, стр. 220, Якуби, там же, стр. 150), луки (Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 15), стрелы (Якуби, МИТТ-I, стр. 150).—67

164. Путешествие Ибн-Фадлана текст, л. 200; Ибн Хаукаль, МИТТ-I, стр. 184; большую роль играла работорговля.—68.

165. Там же, текст, л. 203-а.—*68*.

166. Махмуд Кашгарский — Диван лугат-ат-тюрк, МИТТ-I, стр. 312—*69*.

167. Рославлев А. А.—К вопросу о государственной организации у туркмен в средние века. Известия ТФАН, 1951, № 1.—*70.*

168. Абуль-Гази-Бохадур-Хан. «Родословная туркмен». Пер. Туманского, Асхабад, 1897, стр. 46. (в дальн. Родословная туркмен)—*70.*

169. Ибн-Фадлан—говорит о печенегах и башкирах как о соседях огузов. (Путешествие, текст, л. 202—б); о борьбе с печенегами см. «Родословную туркмен» (стр. 39—40). *70.*

170. Истахри—писавший в 40-х годах X в. (через двадцать лет после Ибн-Фадлана) называет соседями огузов уже хазар и булгар (МИТТ-I, стр. 167).—*70.*

171. Толстов С. П.—По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 256.—*70.*

172. Там же, стр. 249 сл.—*70.*

173. Родословная, стр. 43—53.—*70.*

174. Подробнее см. Рославлев А. А.—Первые Сельджуки-ды, Известия ТФАН, 1951, № 3.—*70.*

175. Толстов С. П.—По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 270—271.—*71.*

176. Тарих-и-Бейхаки—МИТТ-1, стр. 234—242.—72.

177. Заходер Б.—Хорасан и образование государства сельджукидов, ВИ. 1945, № 5—6.—*72.*

178. Заходер Б.—Указ. работа; Тарих-и-Бейхаки (калькутт. издание) стр. 510.—*72.*

179. Ибн-ал-Асир-МИТТ-1, стр. 364.—*73.*

180. Гардизи, Зейн ал-ахбар, МИТТ-1, стр. 229.—*73.*

181. Там же—*73.*

182. Тарих-и-Бейхаки—(калькутт. издание стр. 581—585.—*73.*

183. Там же, стр. 582—583.—*73.*

184. Там же, стр. 583—627.—*73.*

185. В 1035 г.—10 тыс. (Бейхаки, калькутт. издание стр. 582) в 1039—20 тыс. (там же, стр. 712).—*73.*

186. Гардизи, МИТТ-1, стр. 233; «Житие шейха Абу-Саида», там же, стр. 344—345.—*73.*

187. Напр. в Нишапуре, Бейхаки МИТТ-1, стр. 288.—*73.*

188. Тарих-и-Бейхаки—калькутт. издание, стр. 687—692, 713, 738 и др. «Житие Абу-Саида», МИТТ-1, стр. 344, 346.—73.

189. О нем см. Сиасет—Намэ, М.—Л., с прим. Б. Заходера.—*75.*

190. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 113.—*75.*

191. Толстов С. П.—По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 273.—*75.*

192. Заходер Б.—*История восточного средневековья.* М., 1944, стр. 88—89.—*75.*

193. МИТТ-1, стр. 325—343.—*76.*

194. Там же, стр. 333.—*76.*

195. Рославлев А. А.—Мелкие археологические памятники в окрестностях Ашхабада. Труды ЮТАКЭ, т. V, стр. 95, 102.—*76.*

196. МИТТ-1, стр. 382.—*76.*

197. Сиасет—Намэ, стр. 34—43; Якубовский А. Ю.

Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века. КС ИИМК, XXVIII стр. 40.—*77.*

198. Массон М. Е. — Краткая хроника работ ЮТАКЭ в 1948—1952 гг., Труды ЮТАКЭ. т. V, стр. 231—*77.*

199. К. Маркс и Ф. Энгельс — Соч. т. V, стр. 484.—*77.*

200. Якубовский А. Ю. — Развалины Ургенча. ИГАИМК, т. VI, вып. 2, Л., 1930, Массон М. Е. Городища Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. 1, 1949, стр. 66, 110—111.—*77.*

201. Росляков А. А. — К истории народного хозяйства Туркменистана. Известия АН ТССР, 1953, № 1.—*77.*

202. МИТТ-1, стр. 434, 442.—*77.*

203. Массон М. Е. — Городища Нисы в ауле Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.—*77.*

204. Массон М. Е. — Краткая хроника работ ЮТАКЭ в 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V, стр. 231.—*77.*

205. Якубовский А. Ю. — Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой, МИУТТ, 1932, стр. 33-35.—*78.*

206. Отсюда частые сообщения о разрушении городских стен феодальными государями и удельными князьями. (МИТТ-1, стр. 382, 472). Вспомним, что это же проделывали феодалы с мятежными городами в Европе; напр. Карл V разрушил стены Гента. — *78.*

207. Напр., развитие шелководства в Мерве, Гургане и Хорезме, о чем писали, Якут и ас-Самани. — *79.*

208. Толстов С. П.— Древний Хорезм, стр. 159, 162; Росляков А. А. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. Труды ЮТАКЭ, т. V, стр. 88—96.—*79.*

209. Массон М. Е. — Краткая хроника работ ЮТАКЭ в 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V, стр. 207—208.—*79.*

210. Там же, стр. 246.—*79.*

211. О земско-городском патрициате см. Заходер Б., Хорасан и образование государства Сельджукидов, ВИ, 1945, № 5—6 и Петрушевский И. П., Городская знать в государстве Хулагуидов СВ, V, 1948.—*79.*

212. Якубовский А. Ю. — (феод. общество Средней Азии..., стр. 34—35) говорит об остатках старой дехканской знати в Иране, но нет сомнения, что она существовала и в горах Копет-Дага (напр., семья Несеви, владевшая много веков крепостью Хумрандиз, и др.; в горах Копет-Дага разбросано немало развалин крепостей IX — XIII вв.) — *79.*

213. Напр., в окрестностях Ашхабада имеется несколько городищ с кроющим слоем XI—XII вв., которые автор склонен был в прежних работах определять как феодальные усадьбы (Яссы-депе в Безмеине, Дингли-депе в Ясман-Салыке, большое городище юго-западнее сел. Бекрова, Арман-Кала в Геокча). Однако более детальное исследование показало, что это общинные поселения, уходящие корнями в глубокую древность. — *79.*

214. Толстов С. П. — Древний Хорезм. стр. 164.—*80.*

215. Сиасет-Намэ, М., 1949. примечания Б. Заходера. стр. 316—317.—*80.*

216. Якубовский А. Ю. — Феодальное общество Средней Азии..., стр. 32—33; История народов Узбекистана, т. 1, стр. 245—80.

217. Падение Низам ал-Мулька было, как известно, результатом долгих интриг, а не делом случая.—*80.*

218. Не только во время усобиц после смерти Меликшаха, но и во время правления Санджара.— *80.*

219. Напр., во время «гузской смуты». (МИТТ-1, стр. 323, 356 и др.).— *81.*

220. Бартольд В. В.— Туркестан т. II, стр. 405.—*81.*

221. Низами — Сокровищница тайн.—*81.*

222. Указ Санджара о назначении шихнэ над туркменами Гургана, МИТТ-1, стр. 314—*81.*

223. О смешении огузов с «персами» говорит Махмуд Кашгарский, см. Диван лугат-ат-тюрк, Стамбул, 1335 г. х., т. I, стр. 73, 361. О торговле туркмен см. МИТТ-1, стр. 401.—*82.*

224. МИТТ-1, стр. 314, 323, 355.—*82.*

225. О «гузской смуте» писали Ар-Равенди, Имад ад-дин Исфахани, Ибн-ал-Асир и другие средневековые авторы. Наиболее ценен рассказ Ибн ал-Асира, особенно его вторая версия.— *82.*

226. Ибн-ал-Асир — МИТТ-1, стр. 389 — 390; Бартольд, Султан Санджар и гузы, ЗВО, т. XX, СПБ, 1912; мнение Бартольда подтверждается письмом Атсыза к Тути-беку, вождю огузов (МИТТ-1, стр. 318—319), где говорится, что пленение султана огузами произошло в Мерве.— *82.*

227. Ибн-ал-Асир говорит о грабежах, совершаемых в Нишапуре «сбродом» (айяр), но ар-Равенди (МИТТ-1, 357) говорит об упорной борьбе между жителями на почве старинных религиозных разногласий, которые, как известно, прикрывали социальную борьбу в городах. См. также МИТТ-1, стр. 395-396, 399.—*82.*

228. Ибн-ал-Асир, МИТТ-1, 393—394.—*82.*

229. Там же, стр. 393.—*82.*

230. Там же, стр. 402.—*82.*

231. Это отразилось в «Родословной туркмен» в виде легенд о Бахтиаре (историческая личность, см. МИТТ-1, стр. 388).—*82*

232. Ас Самани называет множество разрушенных городков и сел (МИТТ-1, 327-329, 331, 334, 336 и др.); Особенно пострадал Атек (МИТТ-1, стр. 347—348).—*82.*

233. Абуль гази.— Родословная туркмен стр. 58.—*82.*

234. Ибн-ал-Асир.— Указ. соч., стр. 405. Джувейни, Тарих-и-джехангуша, МИТТ-1, стр. 448.—*83.*

235. Ибн-ал-Асир.— Указ, соч., стр. 384: Бартольд В. В., Туркестан, т. II, стр. 346—352, 376—400.—*83.*

236. Плано Карпини.— История монголов, СПБ, 1911, стр. 24.—*83.*

237. МИТТ-1, стр. 419—421.—*84.*

238. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 277—288 —*84.*

239. Якубовский А. Ю.—Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века, КСИИМК, XXVIII, стр. 40—41.—*84.*

240. Семенов А. А.— К истории города Нисы в XII в. Труды ЮТАКЭ, т. V, стр. 114.—*84.*

241. Массон М. Е.— Городища Нисы в ауле Багир и их изучение, стр. 66—69.—*85.*

242. Заходер Б. — Хорасан и образование государства сельджукидов. ВИ, 1945, № 5—6.—*85.*

243. Толстов С. П. — По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 286; Бартольд, Туркестан, т. II, стр. 346—352.—85.

244. Киселев С. В. — Древняя история Южной Сибири. МИАС № 9, стр. 362.—*86*

245. МИА СССР, № 14. — Труды семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», стр. 149.—*86*

246. Иакинф Бичурин — История первых четырех ханов из дома Чингисова, СПБ, 1829, стр. 43—89.—*87*

247. Хорезмшах сделал попытку собрать народное ополчение, но недостаточно настойчиво. У Джелал эд-дина мы и этого не видим.—*87*

248. Джувейни, Тарих-и-джехангуша, МИТТ-1, стр. 485—486.—*88*

249. Там же, стр. 489—*88.*

250. Там же, стр. 491—492.—*88.*

251. Несеви — Сират ас-султан Джелал-эд-дин Менкуберти, МИТТ-1, стр. 481—482.—*88*

252. Рашид эд-дин — Сборник летописей, т. III, АН СССР, 1946, стр. 25—125.—*89.*

253. Беленицкий А. М. — К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху, СВ, V, стр. 112—115.—*89*

254. Рашид эд-дин — Сборник летописей, т. III, стр. 61, 66, 81, 143 сл.—*89*

255. Беленицкий А. М. — Указ сочинение, стр. 115—125; Б. Заходер, История восточного средневековья, МГУ, 1944, стр. 114.—*89*

256. Беленицкий А. М. — Указ. соч., стр. 126—128.—*89.*

257. Рашид эд-дин, — Сборник летописей, т. III, стр. 68—71, 114—*89*

258. О жестокой эксплуатации кочевников в монгольских государствах XIII в. См. Б. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая орда и её падение, стр. 109—110.—*89*

259. Рашид эд-дин. — Сборник летописей, т. III, стр. 68—79, 86—87, 167, 219 и др.—*89*

260. Там же, стр. 71, 144, 156 и др.—*89.*

261. МИТТ-1, стр. 507—509.—*90.*

262. Бартольд В. В. — Народное движение в Самарканде в 1365 г. ЗВО, XVII, СПБ, 1906; История народов Узбекистана, т. I, стр. 347—349.—*91*

263. Хафиз-и-Абру, МИТТ-1, стр. 529.—*91.*

264. Греков Б. Д. — Золотая орда и ее падение. М.-Л., 1950, Якубовский А. Ю. стр. 68; Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 309.—*92*

265. Толстов С. П.— По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 295, 309.—*92*

266. Напр., Субарли (Субурни). Джувейни, МИТТ-1, стр. 445.—*92*

267. Родословная туркмен, стр. 58—59.—*92.*

268. Там же, стр. 67—68, 71—72.—*93.*

269. Напр. Баба-снбеги и его сын Кара-Оглан-онбеги (МИТТ-11,

стр. 240), известный также под именем Кара-оглан-хан — текинские вожди первой половины XIX в., Дин-Мухаммед-онбеги и Урус-онбеги (МИТТ-II, стр. 329) — салырские вожди середины XVII в. Ср. Бартольд, Очерк, стр. 49.—*93*

270. См., напр., Бартольд, — Очерк истории туркменского народа, стр. 47—48. Саинхани назывались не только гургенские туркмены, но также салыры, теке, ёмут; вообще разные источники дают различные сведения о племенном составе саинхани и эсенхани.—*93*

271. Родословная, стр. 69.—*93.*

272. Там же, стр. 67—68, 72.—*93.*

273. Там же, стр. 69—72.—*93.*

274. Беленицкий А. М. — К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагуидскую эпоху, СВ, V, 1948, стр. 119—120.—*93*

275. Родословная, стр. 68.—*94.*

276. Там же, стр. 68—69.—*94.*

277. Подробнее см. Росляков А. А. — К истории народного хозяйства Туркменистана, Известия АН ТССР, 1953, № 1.—*94*

278. Якубовский А. Ю. — Тимур. ВИ, 1946, № 8—9.—*94.*

279. Об этом особенно четко говорит испанский посол Клавихо в своем дневнике.—*94*

280. Низам-ад-дин Шами, Зафар-Намэ, МИТТ-1, стр. 519—523.—*95*

281. МИТТ-1, стр. 523, прим. 1.—*95.*

282. Абд-ар-раззак Самарканди, Матла ас-са'дейн, МИТТ-I, стр. 531—533.—*95*

283. История народов Узбекистана, т. 1, стр. 369.—*95.*

284. Абд-ар-раззак Самарканди, указ, соч., стр. 534.—*96*

285. Там же, стр. 530; Хафиз-и-Абру, МИТТ-1, стр. 525, 527.—*96*

286. Об отождествлении Анау с Багабадом, см. Марущенко. Существенные поправки, Туркменоведение, 1930, № 12.—*96.*

287. Пугаченкова Г. А. — Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад. 1949.—*96*

288. Об аграризации прикопетдагских городов см. Литвининский Б. А., Средневековые поселения области Нисы (севернее Копет-Дага) в IX—XV вв. Автореферат, Ташкент, 1951 г.—*96.*

289. Росляков А. А. — Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада, Труды ЮТАКЭ, т. V, стр. 94—95.—*96*

290. Хафиз-и-Абру, МИТТ-I, стр. 527.—*97.*

291. Жуковский В. А. — Развалины старого Мерва СПБ, 1894, стр. 72.—*97*

292. Мирхонд — Раузат ас-сафа, МИТТ-1, стр. 535—541.—*97*

293, История народов Узбекистана, т. I, стр. 384—392.—*97*

294. Там же, стр. 384.—*97.*

295. Абд-арзза Самарканди — указ. соч., МИТТ-I стр. 534.—*97*

296. Родословная туркмен, стр. 70—71.—*97.*

297. Там же, стр. 72—73.—*98.*

298. Мирхонд — Раузат ас-сафа, МИТТ-I, стр. 532—538.—*98.*

299. Толстов С. П. — Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. ВДИ, 1953, № 2, стр. 181—184.—*98.*

300. Карпов Г. И. — Туркмены-огузы, Изд. ТФАН, 1945, № 1, стр. 8.—*100*

301. МИТТ-II, стр. 44—46.—*102.*

302. Там же, стр. 58—60. 76—82.—*102.*

303. Абуль-Гази. — Родословное древо тюрков, пер. Г. Саблукова. Казань, 1906, стр. 175—178.—*102*

304. Там же, стр. 185—186; Мунис, Фирдаус-уль-икбаль, МИТТ-II, стр 324.—*102*

305. Абуль-Гази, — Родословное древо тюрков, стр. 186.—*103.*

306. Там же, 178.—*103.*

307. Толстов С. П.—По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 315—316.—*103*

308. Искандер Мунши, Тарих-и-алям-ара-Аббаси, МИТТ-II, стр. 89.—*103*

309. Там же, стр. 65.—*104.*

310. Абуль-Гази,—Родословное древо тюрков, стр. 198.—*104.*

311. Там же. стр 200; ср. МИТТ-II, стр. 60.—*104.*

312. Абуль-Гази,—Родословное древо тюрков, стр. 211—*104.*

313. Там же, стр. 211—212.—*104.*

314. Там же. стр. 214.—*104.*

315. «Английские путешественники в Московском государстве XVI в.» Л., 1937, стр. 176.—*104*

316. Абуль-Гази,— Родословное древо тюрков, стр. 186, 215 и др. МИТТ-II, стр. 324.—*105*

317. «Английские путешественники...», стр. 176.—*105.*

318. Абуль-Гази, — Родословное древо тюрков, стр. 198; МИТТ-II, стр. 85. Следует отметить, что звание биев и тарханов получали не только узбеки, но иногда и туркмены (особенно звание тархана).—*105*

319. Абуль-Гази, — Родословное древо тюрков, стр. 198—215.—*105*

320. О сартах в Мерве в. XVI в. см. там же, стр. 214.—*105.*

321. «Родословная» говорит об алили в XIV—XV вв. на нижнем Узбое (стр. 70), но в конце XVI в. алили упоминаются в Нисе, Багабаде, Дуруне (МИТТ-II, стр. 99) и Мерве (там же, стр. 92).—*105.*

322. См. диссертацию тов. Дурдымурадова. «Алили шивеси» Рукопись хранится в библиотеке ТГУ.—*105*

323. Среди алили особенно распространены узкие лица с сильно выступающим носом и довольно обильной растительностью на лице.—*105*

324. МИТТ-II, стр. 60—63, 67—71; Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 48, Абуль-Гази, Родословное древо тюрков, стр. 215—218.—*106*

325. Искандер Мунши, Тарих-и-алам-ара-и-Аббаси, МИТТ-II, стр. 88—90, 95—96.—*107*

326. Там же, стр. 89.—*107.*

327. Там же, стр. 90—96.—*107.*

328. См. напр., там же, стр. 97 (О Кари-хане). — *108.*

329. МИТТ-II, стр. 90—100; Бартольд, Очерк, стр. 52—53.—*108.*

330. Искандер Мунши, МИТТ-II, стр. 100.—*108.*

331. Там же, стр. 100.—*108.*

332. Там же, стр. 95—97.—*108.*

333. См. Петрушевский И. П — Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в Л. 1949 —*108*

334. О Нисе см Массон М Е.,— Городища Нисы в ауле Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, вып 1, Ашхабад, 1949, стр. 84—87; см. также работу Пугаченковой Г А Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв., там же, стр. 409—416.—*109.*

335. МИТТ II, стр. 104—105.—*109*

336. Мунис и Агехи. Фирдаус уль-икбаль. МИТТ-II, стр. 324, 325, сравн., Абуль-Гази, Родословное древо тюрков, стр. 186.—*109*

337. Английские путешественники в Московском государстве XVI в, стр 178.—*110*

338 Абуль-Гази.— Родословное древо тюрков. стр 259—288; Мунис, Фирдаус-уль-икбаль, МИТТ-II, стр 325—326. Бартольд, Очерк, стр 54—55.—*111*

339 Мунис, Фирдаус-уль-икбаль, МИТТ-II, стр. 327—328.—*111*

340 Абуль-Гази,— Родословное древо тюрков, стр. 288—292.—*111*

341. Толстов С. П.—По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 316.—*111*

342. Эту локализацию можно принять на основе русских документов XVII в. См. МИУТТ, стр. 75, 309, 319, 330.—*112*

343. «Отписка русского посланника Анисима Грибова с товарищами...», МИУТТ, стр. 322.—*112*

344. Все эти крепости обследованы в 1949 г. отрядом ЮТАКЭ под руководством автора — *112*

345. Овез-дадха (МИТТ-II, стр. 189). Сахиб-Назар-караулбеги, Султан-нияз-караулбеги (там же, стр. 421—422). Последнее сообщение относится уже к 1822 г.—*112*

346. Абуль-Гази, — Родословное древо тюрков. стр. 293; МИТТ-II, стр. 113—115, 329—330.—*112*

347. Искандер Мунши. МИТТ-II стр. 100.—*112.*

348. МИТТ-II, стр. 102—106; Бартольд, Очерк, стр. 56, датирует это событие 1629 г на основании сочинения «Хульд-и-Барин».—*112*

349. МИТТ-II, 106—113.—*112.*

350. Абуль-Гази, — Родословное древо тюрков, стр. 288—292; МИТТ-II, стр. 329—330; Бартольд, Очерк, стр. 58—59.—*113*

351. МИУТТ-II, стр. 320—326.—*113.*

352. МИТТ-II, стр. 115—116.—*113.*

353. МИУТТ, стр. 65, 238.—*113.*

354. Там же, стр 67—77.—*113.*

355. Там же, стр. 66, 69, 71—72, 80—81, 84 и таблицы.—*113.*

356. Там же, стр. 157, 303.—*114.*

357. Там же, стр. 167 —*114.*

358. Там же, стр. 152—154.—*114.*

359. Бартольд В. В. — Очерк истории туркменского народа, стр. 60—61.—*114.*

360. Новая история колониальных и зависимых стран, т. I,

под ред. И. М. Рейснера и Б. К. Рубцова, изд. МГУ, 1952 стр. 14. 41, 87, 291: А. Ф. Миллер, Краткая история Турции, ОГИЗ, 1948, стр. 33; Г. В. Ефимов, Очерки по новой и новейшей истории Китая, ГИПЛ, 1949, стр. 26—31.—*114.*

361. Новая история колониальных и зависимых стран, т. 1, стр. 33 А. Ф. Миллер указ соч. стр. 35. В Китае, впрочем, ремесло продолжало развиваться и в XVIII в.—*114.*

362. Новая история колониальных и зависимых стран, т. 1, стр. 20, 86; А. Ф. Миллер, указ. соч. стр. 35, К. Ашрафян, Падение державы Сефевидов (1502—1722) Очерки по новой истории стран Среднего Востока, МГУ, 1951, стр. 199—*114.*

363. Новая история колониальных и зависимых стран, т. I, стр. 13, 87—89; А. Ф. Миллер, указ. соч., 35; К. Ашрафян, указ соч. 196, 198—199.—*114.*

364. Новая история колониальных и зависимых стран, т. 1, стр. 13, 51, 71, 87; А. Ф. Миллер, указ соч., стр. 34—35.—*114.*

365. Новая история колониальных и зависимых стран, т. 1, стр. 13, 51, 53, 71, 103, 292; А. Ф. Миллер, указ соч., стр. 32, 35; Г. В. Ефимов, указ. соч., стр. 27; К. Ашрафян, указ. соч., стр. 195—196.—*114.*

366. Новая история колониальных и зависимых стран, т. 1, стр. 33, 52, 53, 86—88, 103: К. Ашрафян, указ. соч., стр. 199, 207.—*114.*

367. Новая история колониальных и зависимых стран, т. I, стр. 33, 51, 59; Г. В. Ефимов, указ. соч., стр. 18, 27.—*114.*

368. Новая история колониальных и зависимых стран, т. I, стр. 59, 75,—76, 89, 102—104, 233—235; Г. В. Ефимов, указ. соч., стр. 27; Е. Ашрафян, указ., стр. 203—204—*114.*

369. Напр., деспотия Надир-шаха и др.—*114.*

370. Лысцов В. П. — Персидский поход Петра I 1722—1723 гг. МГУ, 1951, стр. 165—168 (со ссылкой на неопубликованную докторскую диссертацию профессора И. М. Рейснера). — *115.*

371. Мехди-хан Астрабади — Тарих-и-Надири, МИТТ-11, стр. 119—129.—*115.*

372. По анонимной рукописи, принадлежащей проф. М. Н. Хыдырову, смерть Кеймир-Кера произошла за 5-6 лет до смерти Надир-шаха, т. е. в 1741—42 гг. Движение саинхановских туркмен в Ахал отмечено и в первом томе Мухаммеда Казима «Алам-ара-и-Надири». (Н. М. Миклухо-Маклай, Труд Мухаммед-Казима и его значение для истории туркмен, Известия ТФАН, 1945, № 5—6, стр. 35).—115.

373. Беляев И. А. — Из истории туркмен Закаспийской области, ПЗКЛА, вып. II. Асхабад, 1916 (перевод-вернее пересказ-сообщения Молла-Ходжейли), также в анонимной рукописи проф. Хыдырова. — *115.*

374. История народов Узбекистана, т. II, стр. 114—116.—*115.*

375. Мунис и Агехи — Фирдаус-уль-икбаль. МИТТ-II, стр. 331.—*115.*

376. Троицкая А. Л. — Земельно-водная политика хивинских ханов 1850, 1857. Сборник государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, вып. II, Л., 1954, стр. 83—84.—*116.*

377. Мехди-хан Астрабади-Тарих-и-Надири, МИТТ-II, стр. 129.—*117.*

378. Там же, стр. 140; Мухаммед Казим, Алам-ара-и-Надири, МИТТ-II, стр. 156, говорит, что эрсаринцы (кунеш, т. е. гюнеш, и ату-тепе, т. е. улу-депе) жили на Джейхуне, но несколько ниже они уже упоминаются у Ильбарса в Хиве, что вполне соответствует рассказу Мехди о бегстве населения в Хорезм (стр. 140). Мухаммед Казим говорит также о бегстве туркмен из Чарджоу и Катнама (Кутнам-Кала) на Мангышлак (там же стр. 158—159).—*117.*

379. В 20-30-х гг. теке упоминаются в Ахале (Мехди-хан, указ. соч., 130 сл.), где они сражались с Надиром, но позднее, в 40-х гг. теке, наряду с ёмутами, составляли главную силу Ильбарса в Хиве (МИТТ-II, стр. 143, 156, 157). Об уходе теке из Ахала в пески от Надир-шаха говорит и анонимная рукопись профессора М. Н. Хыдырова, (это случилось якобы еще при жизни Кейкир-Кера).—*117.*

380. Мехди-хан—указ. соч. МИТТ-II, стр. 132, 149; Мухаммед-Казим, там же, стр. 161, 169, 177.—*117.*

381. Мехди-хан указ. соч., МИТТ-II, стр. 132.—*117.*

382. Об их переселении на север нет никаких данных; текинцы, вернувшиеся в Ахал после смерти Надир-шаха, застали эти племена на старых местах (см. анонимную рукопись проф. Хыдырова). О борьбе теке — против емрели, карадашлы и алили — старинного населения Ахала и Атека — говорят многие туркменские предания (см. также ПЗКЛА, вып. II.).—*117.*

383. Мухаммед Казим — Алам-ара-и-Надири, МИТТ-II, стр. 150—156, 165.—*117.*

384. Там же, стр. 167—168.—*117.*

385. Мехди-хан — указ, соч., МИТТ-II, стр. 144—145.—*117.*

386. МИТТ-II, стр. 145, 161.—*117.*

387. Разумовская В.— Из истории сношения туркмен с Россией в XVIII в. «Красный архив», 1939, № 2.—*117.*

388. Иванов М. С.— Краткий очерк истории Ирана. М, 1952, стр. 102.—117.

389. Антология туркменской поэзии. М, 1949, стр. 89.—*118.*

390. Там же, стр. 90.—*118.*

391. Красный архив, 1939 г., № 2, стр. 241.—*118.*

392. Иванов М. С.— указ., соч., стр. 102—105.—*118.*

393. Упоминаний об Искандер-хане в письменных источниках XVIII—XIX вв. не встречается. О нем говорится в пересказанном Беляевым сообщении Моллы-Ходжейли и в анонимной рукописи проф. Хыдырова. О Байрам-Али-хане см. Мухаммед-Казим, МИТТ-II, стр. 185; Мир Абдуль-Керим Бухари, там же, стр. 194—198.—*120.*

394. Легенда об Арман-Кала, записанная студентом АГПИ т. Исрафиловым в к/х «Ялкым» Ашхабадского района.—*120.*

395. Массон М. Е.— Городища Нисы в ауле Багир и их изучение, Труды ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 92.—120.

396. Рослряков А. А.— Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. Труды ЮТАКЭ, т. V.—*120.*

397. Мухаммед Казим — Алам-ари-и-Надири, МИТТ-II, стр. 189—191.—*120.*

398. Анонимная рукопись проф. Хыдырова, указ. работа. М. Е. Массона (стр. 92—93) МИТТ-II, (особ. стр. 355, 605), и

многочисленные туркменские легенды теке, емрели и алили.—121.

399. Так, 84 текинские семьи из подразделений Векиль, Бек, Амаша и др. захватили село Кеши, принадлежавшее ранее хану Шаверды.—*121.*

400. Массон М. Е.— Указ. соч., стр. 92—*121.*

401. МИТТ-II, стр. 605.—*121.*

402. МИТТ-II, стр. 207, 218, 222, 223 и др.—*122.*

403. Мунис и Агехи — Фирдаус уль-икбаль, МИТТ-II, стр. 337—353.—*122.*

404. Там же, стр. 339.—*122.*

405. Там же, стр. 338.—*122.*

406. Там же, стр. 351, 358, 359 и др.—*122.*

407. Разумовская В.— Из истории сношений России с туркменами в XVIII в. «Красный архив», 1939 № 2; Л. С. Берг История исследования Туркмении, «Туркмения», т. 1, Л., 1929.—*122.*

408. Гродеков Н. И.— Война в Туркмении, т. I, СПБ. 1884, стр. 59—61. В Лобачевский, Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа, Хивинский район, Ташкент, 1912, стр. 79.—*124.*

409. Книга о лошади. Составлена под руководством С. М. Буденного. т. I, М., 1952, стр. 490—491.—*125.*

410. МИТТ-II, стр. 531 —*125.*

411 Там же, стр. 229.—*126.*

412. Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 гг., Асхабад. Изд. 2-ое. 1897. табл. 24 —*126*

413. Там же, стр. 26—27.—*126.*

414. Быков.— Очерк переправ через реку Аму-Дарья. Ташкент, 1879, стр 55.—*126.*

415. Сеидли.—Сейланан эсерлер. Ашхабад, 1946.—*127.*

416. «Красный архив», 1939, № 2, стр. 238.—*127.*

417. Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г., изд. 2-ое. стр. 25—26.—*127.*

418. Там же, стр. 65.—*128.*

419. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII — XIX вв., стр. 302.—*128.*

420. Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г., изд. 2-ое. стр. 55—56, 64.—*129.*

421. Фотокопия рисале, привезенного студентом ТГУ т. Сапаровым хранится в музее археологии ТГУ.—*131.*

422. Левина В. А., Овезов Д. М., Пугаченкова Г. А. Архитектура туркменского народного жилища. Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953, стр. 15, 20.—*131.*

423. Мошкова В. Г.—Отчет о работе этнографической группы V отряда ЮТАКЭ. Труды ЮТАКЭ т. II, Ашхабад, 1953 г., стр. 324.—*131.*

424 Алиханов.— Мервский оазис и дороги ведущие к нему. СПБ, 1883.—*131.*

425. Литвинский Б. А.— К истории добычи полезных ископаемых на Челекене. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.—*131.*

426. Жуковский В. А.— Древности старого Мерва, СПБ, 1894, стр. 92—93 —*132.*

427. См. напр., коллекцию музея археологии ТГУ.—*132.*

428. Рычков П.—Топография Оренбургская, 1, СПБ, 1762, стр. 15.—*132.*

429. Берг Л. С.— История исследования Туркмении. «Туркмения», т. 1, Л., 1929, стр. 85—90; Литвинский Б. А., указ. соч., стр. 86.—*132.*

430. МИТТ-II, стр 252, 381, 532, 538 и др.—*132.*

431. Там же, стр. 133, 600 и др.—*132.*

432 Быков.— Очерк долины Аму-Дарьи. Ташкент, 1880.—*132.*

433. Алиханов.— Мервский оазис и дороги ведущие к нему, СПБ, 1883.—*132.*

434. Чеканка денег, как отрасль ремесла, упоминается в рисале, привезенном студентом ТГУ т. Сапаровым. По устным сообщениям чеканкой монет занимались кюмушчи (ювелиры).—*132.*

435. Они в первую очередь стали известны русским исследователям, которые впоследствии часто на основании изучения этих кочевых племен судили о туркменах в целом. Наиболее ценными источниками являются работы Бларамберга, Галкина, Муравьева, Карелина и Боде (см. библиографию в кн. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII-XIX вв. Ашхабад. 1954) —*133.*

436. Основными источниками являются архивы хивинских ханов XIX в., хивинские хроники Мунисса и Агехи и работы Муравьева, Иванина и др. русских путешественников и историков (См указ библиографию).—*133.*

437 Особенно важными источниками являются хивинские, иранские и отчасти бухарские сочинения XIX в. (помещены в извлечениях в МИТТ-II), работы русских исследователей в 70—80-х гг. (Лессара, Быкова, Петрусевича-см. указ. библиографию), а также более поздние материалы Таирова, Субботича, итоги ревизии Палена, обзоры Закаспийской области, «Обычное право туркмен» Ломакина, которые содержат немало материала, относящегося к периоду до присоединения Туркменистана к России. Серьезную ценность представляют памятники туркменской литературы XIX в, народные предания и развалины селений и крепостей XIX в.—*134.*

438. Напр., сохранились развалины хоули Нур-Берды-хана, крепость Султан-нияз-бека многих и других известных туркменских предводителей.—*135.*

439. Напр., земли Кеши были поделены между 84 текинскими семьями, мужчины которых участвовали в захвате села—*135.*

440. Материалы Субботича, подтверждаемые местными преданиями.—*135.*

441. На нем сейчас стоит село Хан-Кяриз.—*135.*

442. Морозова А. С.—К вопросу о рабстве у туркмен в XIX в. Краткие сообщения института этнографии, VI, 1949.—*135.*

443. См. ряд брошюр и статей инж. Быкова (Очерк переправ через реку Аму-Дарья, Ташкент, 1879; Теке, Мерва, Ташкент, 1879; Очерк Аму-Дарья, Ташкент, 1880 и др.).—*136.*

444. Сеидли.— Лебап хош имди. Сайланан эсерлер. Ашгабат, 1946.—*136.*

445. Штейнберг Е. Л.— Очерки истории Туркмении, Ашхабад, 1934, стр. 39.—*141.*

446. См. Материалы по землеводопользованию в Закаспийской

области, собранные и изданные по приказанию начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта Д. И. Субботича, Асхабад, 1903 г. (в дальн. материалы Субботича), а также Таиров Я., материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области, ч. I—II, СПБ, 1904.—*141.*

447. Русинов В. В. — Водоземельные отношения и община у туркмен. Ташкент, 1918.—*141.*

448. Материалы Субботича, стр. 14—15.—*142.*

449. Ломакин—Обычное право туркмен, Асхабад 1897; Материалы Субботича, стр. 9.—*142.*

450. Записано со слов кешинских стариков студентом юридического факультета ТГУ т. Аннасахатовым, уроженцем Кеши.—*143.*

451. Материалы Субботича, стр. 10.—*143.*

452. Там же.—*143.*

453. Там же.—*143.*

454. МИТТ-II, стр. 516.—*143.*

455. Обзор Закаспийской области за 1911 г., Асхабад, 1915. стр. 3.—*143.*

456. Материалы Субботича, стр. 37.—*143.*

457. МИТТ-II, стр. 359, 383, 388 и др.—*144.*

458. МИТТ-II, стр. 433.—*144.*

459. Изложено на основании сведений, собранных автором в Марыйской и Ашхабадской областях. Вопрос нуждается в дальнейшей разработке и уточнении.—*145.*

460. См. доклад С. П. Толстова и выступление А. Н. Бернштама на пленуме ГАИМК в июле 1933 г. ИГАИМК, вып. 103, 1934 г.—*145.*

461. Материалы Субботича, стр. 7—8.—*146.*

462. Морозова А. С. — К вопросу о рабстве у туркмен в XIX в. Краткие сообщения института этнографии, VI, 1949.—*147.*

463. О них упоминает, например, Сеиди в стихотворении «Ишлер писада денди».—*147.*

464. МИТТ-II, стр. 455, 520, 535.—*147.*

465. Рычков П.—Топография Оренбургская, 1, СПБ, 1762, стр. 15.—*147.*

466. См., напр., стихотворения Махтумкули и Кемине. — *148.*

467. См. напр., МИТТ-II, стр. 434.—*151.*

468. ПЗКЛА, вып. 2-й, Асхабад, 1916.—*151.*

469. МИТТ-II, стр. 416.—*152.*

470. Там же, стр. 421.—*152.*

471. Напр., в Ахале и в Мары в начале 80-х гг. перед присоединением к России.—*153.*

472. Их развалины обследованы автором в ряде аулов Прикопетдагской полосы, на Мургабе и Аму-Дарье.—*154.*

473. МИТТ-II, стр. 205—206.—*159.*

474. Там же, стр. 207.—*159.*

475. Там же, стр. 359 след.—159.

476. Там же, стр. 356, 360 и др. *160.*

477. Ага Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский, — Очерки из истории туркменского наро-

да и Туркмении в VIII—XIX вв., Ашхабад, 1954, стр. 352—358.—*160.*

478. См. Росляков А. — К вопросу о мюридизме в Туркмении, Изд. АН ТССР, 1952, № 5.—*160.*

479. МИТТ-II, стр. 348—415.—*160.*

480. Там же, стр. 421—422.—*161.*

481. О тяжелых налогах, в частности о харадже, говорит Сеиди в стихотворении «Лебаб хош имди».—*161.*

482. МИТТ-II, стр. 422.—*161.*

483. Быков. — Очерк переправ через реку Аму-Дарья. Ташкент, 1879, стр. 53.—*161.*

484. МИТТ-II, стр. 422; Сеиди «Лебаб хош имди», «Мубарек олсын» и др.—*161.*

485. МИТТ-II, стр. 441—454.—*161.*

486. Там же, стр. 227—230, 460—462.—*161.*

487. Там же, стр. 470—472.—*162.*

488. Росляков А. — К вопросу о мюридизме в Туркмении. Изд. АН ТССР, 1952, № 5.—*162.*

489. Берг Л. С. — История исследования Туркмении. «Туркмения», т. I, Л., 1929.—*162.*

490. Ага Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский — Очерки из истории туркменского народа и Туркмении в VIII—XIX вв., стр. 358.—*163.*

491. МИТТ-II, стр. 476—485.—*163.*

492. См., напр., МИТТ-II, стр. 466.—*163.*

493. Там же, стр. 489—490.—*163.*

494. Там же, стр. 493—539.—*163.*

495. Там же, стр. 509—510.—*163.*

496. Там же, стр. 293, 523, 580. Троицкая А. Л. Земельно-водная политика хивинских ханов 1850, 1857. Сб. Госуд. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. II, Л., 1954.—*164.*

497. МИТТ-II, стр. 260—266, 308—309, 540—546.—*164.*

498. Там же, стр. 548—560.—*164.*

499. Там же, стр. 560.—*164.*

500. Тем же, стр. 556.—*164.*

501. О нем, помимо МИТТ-II, см. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПБ, 1868, стр. 27.—*165.*

502. МИТТ-II, стр. 254—255.—*165.*

503. Там же, стр. 266.—*165.*

504. Там же, стр. 268—273.—*165.*

505. Там же, стр. 593—594.—*165.*

506. МИТТ-II, стр. 273—274.—*166.*

507. Абду-с-саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев. СПБ, 1914.—*166.*

508. Гродеков Н. И.— Война в Туркмении, т. I, СПБ, 1884, стр. 68.—*166.*

509. МИТТ-II, стр. 605.—*166.*

510. МИТТ-II, стр. 601—605; Абду-с-саттар-казы, Книга рассказов о битвах текинцев; Гулибеф де-Блоквиль. Четырнадцатимесячный плен у текинцев, «Всемирный путешественник», вып. 31—33.—*166.*

511. МИТТ-II, стр. 354, 380—381, 455 и др.—*168.*

512. Об этом рассказывает Бларамберг и туркменские предания. Чеканка монет упоминается и в туркменском писале, фотокопия которого хранится в музее археологии ТГУ.—*168.*

513. Литвинский Б. А.— К истории добычи полезных ископаемых на Челекене. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.—*168.*

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АГПИ — Ашхабадский государственный педагогический институт.
АН ТССР — Академия наук Туркменской ССР.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
КС ИИМК — Краткие сообщения истории материальной культуры АН СССР.
КС ИЭ — Краткие сообщения института этнографии АН СССР.
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ-I — Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, АН, 1939.
МИТТ-II — Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, АН, 1938.
МИУТТ — Материалы по истории Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР. Ч. I, Л., 1932.
ПЗКЛА — Протоколы Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока.
СВ — Советское Востоковедение (сборники).
СИИФ — Серия истории и философии.
СЭ — Советская этнография (журнал).
ТГУ — Туркменский государственный университет.
ТФАН — Туркменский филиал АН СССР.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 4

Введение 5

Географическая среда 5
Происхождение туркменского народа 9

Первобытно-общинный строй на территории Туркменистана . 14

Рабовладельческий строй в земледельческой полосе Туркменистана. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение классовых отношений у степных скотоводческих племен (I тыс. до н. э.— V в. н. э.) 21

Возникновение и развитие феодальных отношений на территории туркменистана (V—XI вв.) 43

Падение рабовладельческого строя и возникновение феодальных отношений в земледельческой полосе Туркменистана (V—VIII вв.) 43

Раннефеодальные государства на территории Туркменистана (IX—XI вв). 55

Складывание патриархально-феодальных отношений у кочевников аралокаспийских степей (V—XI вв.) 63

Туркменистан в период развитого феодализма (XI—XV вв.). Туркменистан во второй половине XI—начале XIII вв. . . 72

Туркменистан в XIII—XV вв. 86

Туркменистан в период упадка фсодализма в средней Азии (XVI—XVIII вв.) 101

Туркменские племена с середины XVIII в. до присоединения к России 120

Примечания 172

Список принятых сокращений. 193

А. А. РОСЛЯКОВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА

ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Редактор К. Рахманов
Редактор издательства Н. Терноушко
Корректор М. Злобина
Техредактор И. Полторак

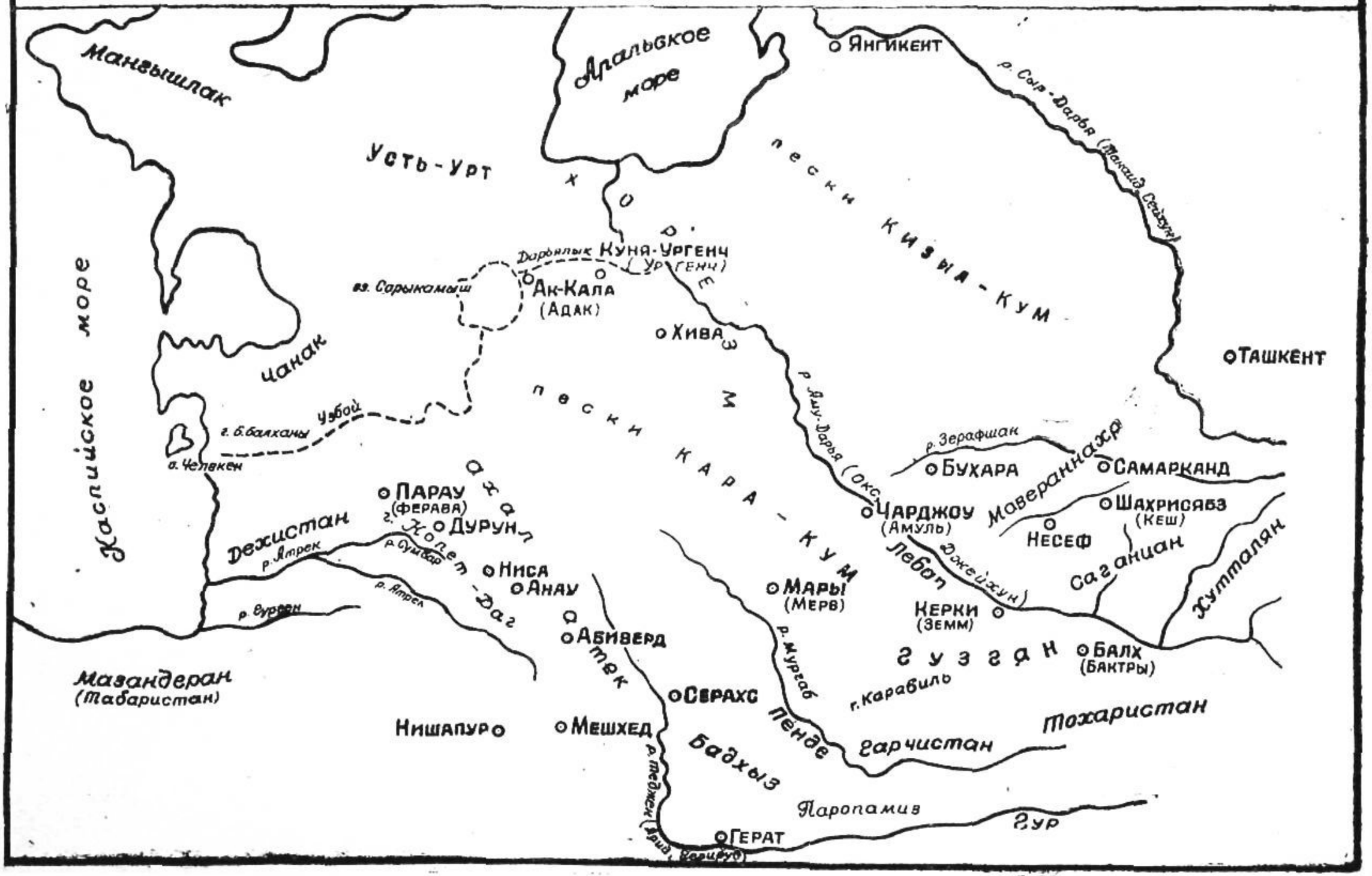
*

Сдано в набор 7/IX-55 г. Подписано в печать 4/VI-56 г. Заказ № 600.
ТГИЗ № 3164. Бумага 84 × 108$^{1}/_{32}$. Физ. печ. лист. 6,125. 10,22 учетно-изд. лист.
Печ. лист 10,04. Тираж 5000. Цена 2 р. 85 коп. И—05811.
Туркменгосиздат. Ашхабад. Гоголя, 43.

*

Полиграфкомбинат Ашхабад. Сивинская, 20.

ТЕРРИТОРИЯ ТУРКМЕНИСТАНА
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ

2 р. 85 к.